

Документы и воспоминания Гардениных

**Свидетельство о вакцинации (по-видимому, от оспы)
Софьи Робертовны Классон в Лозанне**

COMMUNE DE LAUSANNE

CERTIFICAT DE VACCINATION

Le médecin soussigné déclare

que *Sophie [Matorloff] Klasson*
élève de la classe
née le *9 Octobre* 18*92* porte des cicatrices de vac-
cination réussie.

Lausanne, le *2* *II* 18*93*

(Signature :)
[Signature]

Аттестат Сергея Федоровича Гарденина об окончании Уфимской гимназии

АТТЕСТАТЪ ЗРѢЛОСТИ.

Данъ сей сыну помещика Сергею Федоровичу
Горденину, православнаго исповѣданія
 , родившемуся 25 Октября 1884 года въ селѣ Гроши, въ
Дальневосточнаго уѣзда, обучавшемуся всѣми годами въ Уфим-
ской Гимназій и пробывшему однимъ годомъ
 въ VIII классѣ, въ томъ,

Во-первыхъ, что, на основаніи наблюденій за все время обученія его въ Уфимской Гимна-
 зіи, поведеніе его вообще было внимательное, исправность въ посѣщеніи и пригото-
 вленіи уроковъ, а также въ исполненіи письменныхъ работъ всегда удовлетворитель-
 прилежаніе хорошее и любознательность хорошая по предметамъ
предметахъ, и во-вторыхъ, что онъ обнаружилъ нижеслѣдующія познанія:

П Р Е Д М Е Т Ы.	Отчеты, выстав- ленные въ Педаго- гическомъ Советѣ на основаніи § 74 пра- вилъ объ аттеста- ціяхъ.	На испытаніи, про- исходившемъ 1. 2. 3. 4. 15. 19. 20. 21 и 30 мая и 2 и 5 июня
Въ Законѣ Божіемъ	четыре	четыре
— Русско-го яз. съ церк.-славян. и словесности	четыре	три
— Логикѣ	четыре	— и —
— Латинско-го языка	четыре	четыре
— Французско-го языка	четыре	четыре
— Математикѣ	четыре	четыре

Въ Математической географіи	четыре	
— Физикѣ	пять	и
— Исторіи	пять	пять
— Географіи	три	и
— Французское языкѣ	пять	пять
— Нѣмецкое языкѣ	не обучается.	

На основаніи чего и выданъ ему сей аттестатъ зрѣлости, предоставляющій ему всѣ права, обозначенныя въ §§ 130—132 ВѢСОЧАЙШЕ утвержденного 30 іюля 1871 года Устава гимназій и прогимназій. При отбываніи воинской повинности по жеребью, на основаніи ВѢСОЧАЙШАГО повелѣнія 14-го іюня 1888 года, обязанъ состоять на дѣйствительной службѣ два года и въ запасѣ арміи шестнадцать лѣтъ.

✓ Іюня 6 дня, 1901 года.

Председатель Педагогическаго Совета
Уфимской Мужской Гимназіи, Директоръ *Мамондъ*

Инспекторъ *Мининъ*

Законоучитель Священникъ *А. Новокрещенскій*

Преподаватели: *Экспертный преподаватель математики и физики А. Мещеряковъ*
 ✓ *математикѣ и физикѣ А. Саввинъ*
русскаго яз. М. Седухавскій

№ 5845

Александръ
А. Обезденъ
 урядникъ фв. *К. Соколовъ*
Савинъ
 администр. *В. Савинъ*
 френск. яз. *Савинъ*

Секретарь Педагогическаго Совета, *пріемщикъ бумагъ изъ орд. членовъ*
А. П. Савинъ

Аттестат об учебе С.Ф Гарденина на I курсе ВМА и об его увольнении

Аттестать.

Предъявитель сего, *Гарденин Сергій Федоровичъ*,
18-ти летъ отъ роду, сынъ *мировика*,
православнаго вѣроисповѣданія,
по аттестату зрѣлости *Уфимской*
гимназіи *1901* года за № *514*, принять былъ 1-го сентября
1901 года въ число студентовъ Императорской Военно-
Медицинской Академіи на *1^ю* курсъ, *а нѣмъ, согласно*
прошенію, увольн

изъ вѣдомства Академіи съ *1го* курса.

Въ бытность въ Академіи *Гарденинъ*
былъ поведенія *отличнаго*. С.-Петербургъ,
марта „ *8* „ дня *1902* года.

Начальникъ Академіи, Заслуженный Профессоръ,
Академикъ *В.В.Ворожцовъ*

Ученый Секретарь,
Ординарный Профессоръ *А.В.Ворожцовъ*

18 сентября 1975 г. в многотиражке ВМА – «Военный врач» был опубликован очерк «Автор декрета Совнаркома (С.Ф. Гарденин): К 70-летию первой русской революции». Сей экземпляр отсутствует в отделе рукописей РГБ. Текст статьи (см. ниже) М.И. Классону любезно прислали из редакции современного издания «Военный врач», за что его сотрудникам – глубокая благодарность. В очерке «Классонята» мы уже приводили свидетельство младшего брата Михаила о Сергее Федоровиче:

Был очень способным молодым человеком, любимцем моей матери, прекрасно учился. Начал молодым работать как репетитор и высоко ценился в этом звании среди родителей неуспешных учеников. Блестяще кончил [Уфимскую] гимназию и поступил в Военно-медицинскую академию в Петербурге. На первом же курсе, принимая участие в антиправительственной демонстрации у Казанского собора [3/16 марта 1902 года], был выслан, после ареста, в Уфу и исключен из академии.

Так что характеристика – «был поведенія отличнаго», подписанная Начальником академии, Академиком Александром Ивановичем Таренецким, выглядит сейчас несколько комично. Но тогда, по-видимому, начальство ВМА решило не портить возможную карьеру 18-летнему С.Ф. Гарденину, который следом без каких-либо затруднений поступил на службу в Уфимскую губернскую земскую управу (хотя вскоре и там был арестован, см. ниже).

АВТОР ДЕКРЕТА СОВНАРКОМА

С.Ф. Гарденин родился в 1883 г. На путь революционной борьбы он вступил в 1901 г. С 1902 г. – член Уральского союза с.-д. В этом же году поступил в Военно-медицинскую академию (ВМА). Однако занятия вскоре пришлось оставить: за «неблагонадежное поведение» в 1902 г. он был отчислен из академии. В Уфе, куда Сергей Федорович приехал из Петербурга, он организовал подпольную типографию и вскоре стал одним из активных деятелей Уфимского комитета РСДРП. С.Ф. Гарденин руководит кружком интеллигентов-пропагандистов, ведет агитационную работу среди пролетариата Уфы. После ареста и высылки в Вологодскую губ. продолжает вести революционную работу в Устюжинском уезде. Местное губ. жандармское управление весной 1905 г. возбуждает против него дело. Однако 27 мая Сергей Федорович совершает побег и переходит на нелегальное положение. Он приезжает в Казань, где становится членом Казанского комитета РСДРП.

Во время Всероссийской октябрьской политической стачки по заданию партии С.Ф. Гарденин работает в Московском окружном комитете РСДРП, а в период декабрьского вооруженного восстания – парторганизатором в городе Коломне. В 1906 г. его направляют в Орехово-Зуевский район; затем, в начале 1907 г., Московский горком партии назначает его парторганизатором в Хамовническом, Замоскворецком и Лефортовском районах Москвы. После ареста большинства членов Петербургской боевой организации, руководителем которой был воспитанник ВМА Ф.В. Гусаров, Сергей Федорович едет в Петербург для организации побега членов этой военной организации, но на Финляндском вокзале его арестовывают. В период реакции С.Ф. Гарденин продолжает активно работать в с.-д. организации Уфы, участвует в подготовке революционных выступлений рабочих. В 1908 и 1914 гг. его вновь арестовывают, но С.Ф. Гарденину удается бежать за границу. В период первой мировой войны он ведет большую антивоенную работу. Арестованный немецкими властями, он находится сначала в одиночной камере, а затем – в концлагере. Но годы, проведенные в неволе, не сломили волю большевика-ленинца.

После возвращения из плена Сергей Федорович был назначен на ответственный пост члена коллегии внешкольного отдела Наркомпроса РСФСР. Всестороннее развитие внешкольного образования являлось важной задачей начального этапа культурной революции, план которой был разработан В.И. Лениным. Прежде всего, необходимо было ликвидировать страшное наследие царизма – неграмотность. Эта работа началась сразу же после победы Великого Октября. Особый размах она приняла после издания знаменитого декрета Совнаркома от 26 декабря 1919 г. «О ликвидации безграмотности среди населения РСФСР». Декрет гласил, что «все население Республики в возрасте от 8 до 50 лет, не умеющее читать или писать, обязано обучаться грамоте на родном или русском языке, по желанию». Автором этого декрета был С.Ф. Гарденин. Воспитанник академии, большевик, верный ленинец С.Ф. Гарденин всю свою жизнь посвятил служению партии и народу.*

Н. ШАЛАЕВ, курсант 4 курса II факультета

«Военный врач», 18 сентября 1975 г.

* Как же реализовывался сей замечательный декрет, автором которого был С.Ф. Гарденин? Некоторое представление об этом дают публикации берлинского «Руля» (который черпал данные из советских газет).

Печать. Рассказывая корреспонденту [большевику берлинского] «Нов. Мира», как много сделано советским правительством для народного просвещения, госп. Луначарский приводит реальное доказательство:

Мне хотелось бы, чтобы какой-нибудь из наших иностранных хулигелей присутствовал при той горячей овации, которую мне устроили, как представителю комиссариата, полторы тысячи учителей, съехавшихся со всех концов России.

Окончание примечания

За что же Луначарскому устроили такую овацию? Весьма кстати, перед отъездом за границу этот словоохотливый господин напечатал статью в московских «Известиях» (от 25 сентября). Подробно анализируя состояние школы, госп. Луначарский говорит:

Наркомпрос ищет выход из создавшегося для него трагического положения. Ряд больших опасностей грозит поглотить всю работу по народному образованию. Первая – это школьная разруха, которая отодвинулась [(продвинулась)] настолько далеко, что приходится говорить прямо о наступившей уже катастрофе.

Чем вызвана катастрофа? Этого тоже не скрывает госп. Луначарский:

В области финансирования Наркомпрос располагал до сих пор до 3% госуд. эмиссии, что является безусловным скандалом для культурного государства.

Но даже из этих трех процентов учителям не много перепадает:

Наркомпрос вынужден был задолжать учительству много десятков миллиардов. Есть губернии, где учителя не получали жалованья и в этом году совсем.

Катастрофа, скандал, голод учителей – как же не устраивать Луначарскому горячих оваций?

«Руль» (Берлин), 9 октября 1921 г.

«Борьба с неграмотностью»

В «Известиях» помещена статья некоего Кретова, подводящего итоги предпринимаемой большевиками «борьбы с неграмотностью».

Ликвидация неграмотности в борьбе с хозяйственной разрухой приобретает исключительное значение. Декрет Совнаркома об учреждении Всероссийской чрезвычайной комиссии по ликвидации неграмотности был издан 19 июля 1920 г. За год с лишним был создан аппарат, охвативший всю Р.С.Ф.С.Р., и за тот же период времени по республике было обучено грамоте 4 500 000 человек. Этот успех, однако, оказался кратковременным. В настоящее время «и в центре, и на местах совсем махнули рукой на эту работу. Мало того, в некоторых местах люди (главным образом те, что сидят в губполитпросветах) дошли до такого озорства, что чинят препятствия в работе по ликвидации неграмотности; телеграмма из Челябинска гласит буквально следующее: губполитпросвет враждебным отношением к ликвидации неграмотности окончательно подрывает работу»; телеграмма из Костромы говорит, что «рабочие, обучающиеся в школах грамоте, за досрочное освобождение от работ не получают вознаграждения» и т.п. и т.п.

Переходя к более конкретным вопросам, автор далее сообщает, что ликвидация неграмотности рабочих наталкивается, в условиях новой экономической обстановки, на два препятствия. Первое – это то, что в некоторых местах для рабочих не выделяют двух часов из рабочего времени или не выплачивают им за эти часы жалованья, установленного декретом. Конечно, соблюдать экономию необходимо, но необходимо также помнить, что привлечение малограмотных рабочих в ликвидационные пункты стоит больших усилий. Тут недостаточно административных мер и профессиональной дисциплины. Здесь требуется нечто иное – требуется материальная заинтересованность каждого рабочего, и профессиональные органы должны озаботиться, чтобы установленные на этот предмет правила не нарушались.

Второе препятствие – это неопределенность тех условий, в которых должна происходить ликвидация неграмотности среди рабочих арендных предприятий. Нужно, прежде всего, определить, за чей счет рабочие этих предприятий будут обучаться грамоте. Сдавая те или другие предприятия в аренду, советская власть стремится к тому, чтобы все блага, установленные для рабочих государственных предприятий, были гарантированы и рабочим предприятий арендных. Рабочие государственных предприятий обучаются грамоте на государственный счет. Стало быть, рабочие частных предприятий должны обучаться грамоте за счет предпринимателя. Государство должно будет, в случае надобности, понуждать предпринимателя добросовестно выполнять эту свою обязанность перед рабочими.

«Руль» (Берлин), 10 декабря 1921 г.

Падение народного просвещения

Луначарский на столбцах «Известий» требует принятия энергических мер для поднятия дела народного образования. Прежде всего, для этого необходимо открыть широкий кредит комиссариату просвещения. Далее, комиссариат должен вступить в тесный контакт с ЦК коммунистической партии. Аппарат просвещения должен быть реорганизован на самых широких началах, что до последнего времени не удавалось. В заключение Луначарский заявляет, что недостаток местных денежных средств и отсутствие поддержки со стороны центральной власти погружают Россию в состояние варварства, стране угрожает усиление безграмотности. <...>

«Руль» (Берлин), 3 сентября 1922 г.

УРАЛЬСКИЙ РЕВОЛЮЦИОННЫЙ ЛИСТОК № 5
К ГРАЖДАНАМ

Царское правительство неизменно шествует по намеченному пути. Оно в стремлении удержаться на троне не останавливается ни перед какими насилиями, ни перед какими злодействами. Оно всё усиливает меры подавления народного недовольства, оно прибегает уже к особенным, небывалым мерам.

На этих днях в Уфе совершено гнусное насилие над личностью, сделано преступление, до которого ещё даже русский министр Плеве не доходил в своей решимости искоренить крамолу: четверо свободных граждан без всякого обвинения схвачены и посажены в тюрьму, а на другой день по этапу высланы на 5 лет в Архангельскую губ. За что? Не понравилась ли местному самодуру-помпадурю их физиономия, или местное охранное отделение захотело проявить своё рвение и отыскало самых опасных врагов царского правительства – неизвестно. Известно лишь то, что теперь уже решительно ни один человек не может спать спокойно, и никто не может считать себя в безопасности. Новую меру нашли царские слуги, меру, достойную их подлой трусливой души.

Граждане! Это новое насилие над вашими согражданами пусть заставит Вас задуматься о Вашем положении; пусть оно подействует сильнее, чем массовые аресты рабочих, которые Вы привыкли проходить мимо и которые не приводят Вас в содрогание. Пусть оно раскроет Вам глаза на русскую печальную действительность, пусть разъяснит Вам то, что мы, социалисты-революционеры, не раз старались разъяснить Вам – что царское самодержавное правительство есть злейший враг всякой свободы, что царские министры и губернаторы именем своего царя хотят уничтожить всякое проявление свободы и управлять тёмным народом безгранично, бесконтрольно. Царское правительство решило искоренить всякую свободную жизнь в стране.

Оно совершает самые ужасные насилия над каждым человеком без различия национальности, пола, возраста и положения. Оно придавило и угнетает постоянно весь трудящийся честный народ; оно преследует честную интеллигенцию. Оно видит в каждом человеке, даже пассивно сочувствующем трудящемуся народу, своего врага и ссылает, вешает, морит в тюрьмах сотни и тысячи граждан. Оно поняло, кто его сильный враг и кто уничтожит его скоро, скоро... Это – сильный, всё растущий и крепнущий богатырь – трудовой народ. Чем сильнее он становится, тем ужаснее, злее, отчаяннее становятся попытки царского правительства уничтожить его...

И ещё новую, наглую комедию собирается разыграть царское правительство 8 октября в Уфе. Оно увидело, что 34 златоустовских рабочих, выхваченных наобум из толпы, виновных больше других лишь тем, что попались первыми на глаза полиции и жандармам – эти рабочие не имеют против себя улик. Все показания честных свидетелей (не жандармов и не шпионов) в один голос говорят, что рабочие мирно, но настойчиво требовали освобождения товарищей, а власти – во славу русского оружия и царя – поторопились удовлетворить их требования пулями. Ясно, что честные адвокаты были бы неудобны в подобном деле, и русское правительство всеми силами старается устранить их от ведения дел. Ещё бы – активное сочувствие и помощь трудовому народу грозит вековым устоям царского произвола!

Идите же к нам, граждане! Вступайте в наши ряды, ряды смелых борцов за народную волю! Вы ничего не делаете и Вам грозит тюрьма и ссылка от русского царя – мы бьёмся с ним до последних сил и нам грозит та же участь. Стыдно и глупо сидеть сложа руки, молча вздыхать и соболезовать несчастьем других; стыдно молча подставлять свою спину толчкам жандармов; стыдно быть равнодушными зрителями современных событий.

Вместе с нами идите и зовите всех на бой с нашим общим врагом – самодержавием и вместе с нами требуйте политической свободы и Земского Собора.

Да здравствует Народная Революция!

Да здравствует Земский Собор!

----- Из Хроники -----

• В ночь на 21 сентября [1903 г.] арестованы в Уфе служащие Губернской Земской Управы: Григорьев, [Сергей Федорович] Гарденин, акцизный чиновник Вагин и Клюев.

• 26 сентября в 4 часа дня арестованы служащие Губернской Земской Управы: Ильинский, Бриллинг, помощник присяжного поверенного Сеницын. Все трое заключены в Уфимскую тюрьму и на другой день препровождены в 4 часа дня в Архангельскую губернию на 5 лет. Почти та же участь постигла заведующую агентством Надежду Козлову, сосланную в Ярославскую губернию на 2 года.

Уральский Комитет партии
Социалистов–революционеров

Сентябрь 1903 г.

(ГАРФ. Ф. 1741. Оп. 1. Д. 16824. Л. 1 – 1об.; ДП. ОО. 1898. Д. 80 ч. У. Л. 6).

**Свидетельство о явке Сергея Федоровича Гарденина
к исполнению воинской повинности**

на 21 септ 1903

УФИМСКОЕ
УПРАВЛЕНИЕ ЗАВЕДОВАЮЩИЙ

СВИДѢТЕЛЬСТВО

о явке къ исполненію воинской повинности
(БЕЗСРОЧНОЕ).

Служащаго чиновника *Сергея Федоровича Гарденина*

являлся къ исполненію воинской повинности при
призывѣ 1904 г. и, по вынутаго имъ № 126 жеребья,
подлежалъ зачисленію въ военную службу но, по
освидѣтельствованію, признанъ совершенно несо-
способнымъ, а потому освобожденъ на всегда отъ
службы.

Выдано Уфимскимъ Уѣзднымъ по воинской повин-
ности Присутствіемъ.

24 Марта 1905 года за № 6.

Приз. сп. № 9.

Жеребья № 126

Членъ Присутствія *А. Давыдовъ*

Дѣлопроизводитель *Трашнинъ*

Серія № 4.
Форма № 4.

Аттестат Софии Робертовны Классон об окончании полного курса
Московской женской гимназии А.С. Алферовой
и награждении ее золотой медалью

Аттестатъ.

Предъявительница сего, ученица VII класса Московской женской
гимназии **А. С. Алферовой**

Софія Роберт овна
К Л А С С О Н Ъ,

какъ видно изъ документовъ..... дочь инженеръ - технолога,
православнаго исповѣданія, родившаяся 27 сентября 1892 года, посту-
пила по экзамену въ третій классъ Московской женской гимназии **А. С. Алферовой**
въ *май* 1904 года и, находясь въ ней до окончанія полного курса ученія,
въ продолженіе всего этого времени, вела себя **отлично** и была переводима, по испы-
таніямъ, въ высшіе классы, а именно: изъ 3 класса въ 4 классъ въ 1905 г.
изъ 4 класса въ 5 классъ въ 1906 г., изъ 5 класса въ 6 классъ въ 1907 г.
изъ 6 класса въ 7 классъ въ 1908 г.

№ 107

Въ настоящемъ году, при окончаніи курса гимназіи, познанія ея въ **обязательныхъ**
предметахъ были аттестованы слѣдующими баллами:

- 1) Въ Законъ Божіе *отлично 5*
- 2) Въ рускомъ языкъ съ церковно-славянскимъ и словесности *отлично 5*
- 3) Въ математику *отлично 5*
- 4) Въ географію всеобщей и русской *отлично 5*
- 5) Въ естественной исторіи *отлично 5*
- 6) Въ исторіи всеобщей и русской *отлично 5*
- 7) Въ физикъ *отлично 5*
- 8) Въ математической географіи *"*

Изъ всѣхъ предметовъ получила въ общемъ среднѣмъ выводъ отмѣтку 5.
 Затѣмъ чистописанію и рукодѣлію обучалась съ очень хорошиими успѣхами.
 Сверхъ того, изъ необязательныхъ предметовъ гимназическаго курса она обучалась:
 Нѣмецкому языку отлично 5
 Французскому языку отлично 5
 Рисованію хорошо 4

Почему, на основаніи установленныхъ правилъ, Софія К л а с с о н ъ
 удостоена званія ученицы, окончившей полный курсъ ученія въ женскихъ гимназіяхъ, съ распро-
 страненіемъ на нее правъ и преимуществъ, предоставленныхъ ст. XLV Положенія о женскихъ
 гимназіяхъ и прогимназіяхъ Министерства Народнаго Просвѣщенія, ВЪСОЧАЙШЕ утвер-
 жденнаго 24 мая (8-го іюня) 1870 года, и ст. 12-й мнѣнія Государственнаго Совета по
 вопросу о специальныхъ испытаніяхъ по Министерству Народнаго Просвѣщенія, утвержденнаго
 22 апрѣля 1868 года.

На основаніи ст. XXX того же положенія
 награждена Золотого мѣдалью.

Въ удостовѣреніе чего и данъ ей, Софія К л а с с о н ъ, сей аттестатъ
 по опредѣленію Педагогическаго Совета женской гимназіи А. С. Аферовой, состоявшемуся

м а я 13 дня 1909 года.

Москва, м а я 13 дня 1909 года.

Предсѣдатель Педагогическаго Совѣта Шалинъ

Начальница гимназіи А. Киселева
 Законоучитель Вал. А. Водуновъ

Члены Педагогическаго Совѣта

З. Шнидерманъ
М. Зюмарева
М. Русская
Н. Гусева
Новгородцевъ
Е. Боняковъ
Климанъ
Александровичъ
О. Сперанска
И. Грессоухинъ
А. Александровъ

На основаніи ст. 1 п. 1 ВЪСОЧАЙШЕ утвержденныхъ 13 декабря 1894 г. и 11 де-
 кабря 1895 г. мнѣній Государственнаго Совета, а также примѣчанія 2-10 къ ст. 9 утвер-
 жденныхъ Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія 20 марта 1896 г. Правилъ о специальныхъ
 испытаніяхъ на званіе учителя или учительницы начальныхъ училищъ, означенная въ семъ
 аттестатѣ К л а с с о н ъ имѣтъ право на полученіе отъ Министерства
 Народнаго Просвѣщенія свидѣтельства на званіе учительницы начальныхъ училищъ и заниматься
 обученіемъ на дому.

Свидетельство об окончании Софией Робертовной Классон
VIII дополнительного класса и о приобретении звания
домашней наставницы русского и немецкого языков

№ 112.

МИНИСТЕРСТВО
НАРОДНОГО ПРОСВЕЩЕНИЯ

СВИДѢТЕЛЬСТВО.

Предъявительница сего, ученица VIII дополнительного класса Московской женской гимназіи **А. С. Азферовой** Софія Робертовна **К Л А С С О Н Ъ**, какъ видно изъ документовъ, дочь инженеръ-технолога, право славянскаго вѣроисповѣданія, родившаяся 27-го сентября 1892 года, по окончаніи общаго курса наукъ въ названной женской гимназіи, поступила въ VIII дополнительный классъ въ августѣ мѣсяцъ 1909 года, для спеціального изученія русскаго языка и нѣмецкаго языка и, находясь въ ономъ по 23 мая 1910 года, при отличномъ поведеніи, съ практическія учебныя занятія, установленныя для ученицъ VIII дополнительного класса, выполнила съ отличными успѣхомъ.

Въ настоящемъ году, при бывшемъ испытаніи ученицъ VIII дополнительного класса, она, **К Л А С С О Н Ъ**, оказала нижеслѣдующія познанія:

1) Въ предметахъ общеобязательныхъ:

Въ Законѣ Божіемъ	Отлично 5
Въ педагогикѣ и дидактикѣ	Отлично 5
Въ начальномъ преподаваніи русскаго языка	Отлично 5
Въ начальномъ преподаваніи ариметики	Отлично 5
Въ ариметикѣ	Отлично 5

2) Въ предметахъ спеціальныхъ:

Въ русскомъ языкѣ	Отлично 5
Въ нѣмецкомъ языкѣ	Отлично 5

3) Въ математическомъ исчисленіи Отлично 5.

Посему, на основаніи установленныхъ правилъ, она , С о ф і я
К Л А С С О Н Ъ , какъ удовлетворившая вѣсьмъ требованіямъ
ВЫСОЧАЙШЕ утвержденного 24 мая 1870 года Положенія о женскихъ гимназіяхъ
вѣдомства Министерства Народнаго Просвѣщенія и учебнаго плана VIII дополнитель-
наго класса женскихъ гимназій, утвержденного г. Министромъ Народнаго Просвѣщенія
31 августа 1874 года, приобретаетъ званіе домашней наставницы русскаго
языка и нѣмецкаго языка .

Въ удостовѣреніе вышеизложеннаго и выдано ей, С о ф і и
К Л А С С О Н Ъ , сіе свидѣтельство на основаніи ст. XIX выше-
означеннаго Положенія, по опредѣленію Педагогическаго совѣта, состоявшемуся
м а я 23 дня 1910 года, за надлежащею подписью и съ приложеніемъ печати.

Москва, м а я 23 дня 1910 года.

Предсѣдатель Педагогическаго Совѣта

В. Васильев

Начальница гимназій

А. Тарарова

Законоучитель

В. А. Андрушановъ

Члены Совѣта

К. Купцова
Е. Секеря
В. Пашкова
С. Дедерова
З. Зеландъ-Зайдъ
Л. Герасимова
Е. Дельфинидзе
З. Киприянова
А. Прудицкая
В. Сорокина
В. Могородъ
В. Сперанская
М. Золотарева
Н. Сивилева

Секретарь Совѣта

С. Маслов

Из буклета гимназии А.С. Алферовой

Les Professeurs

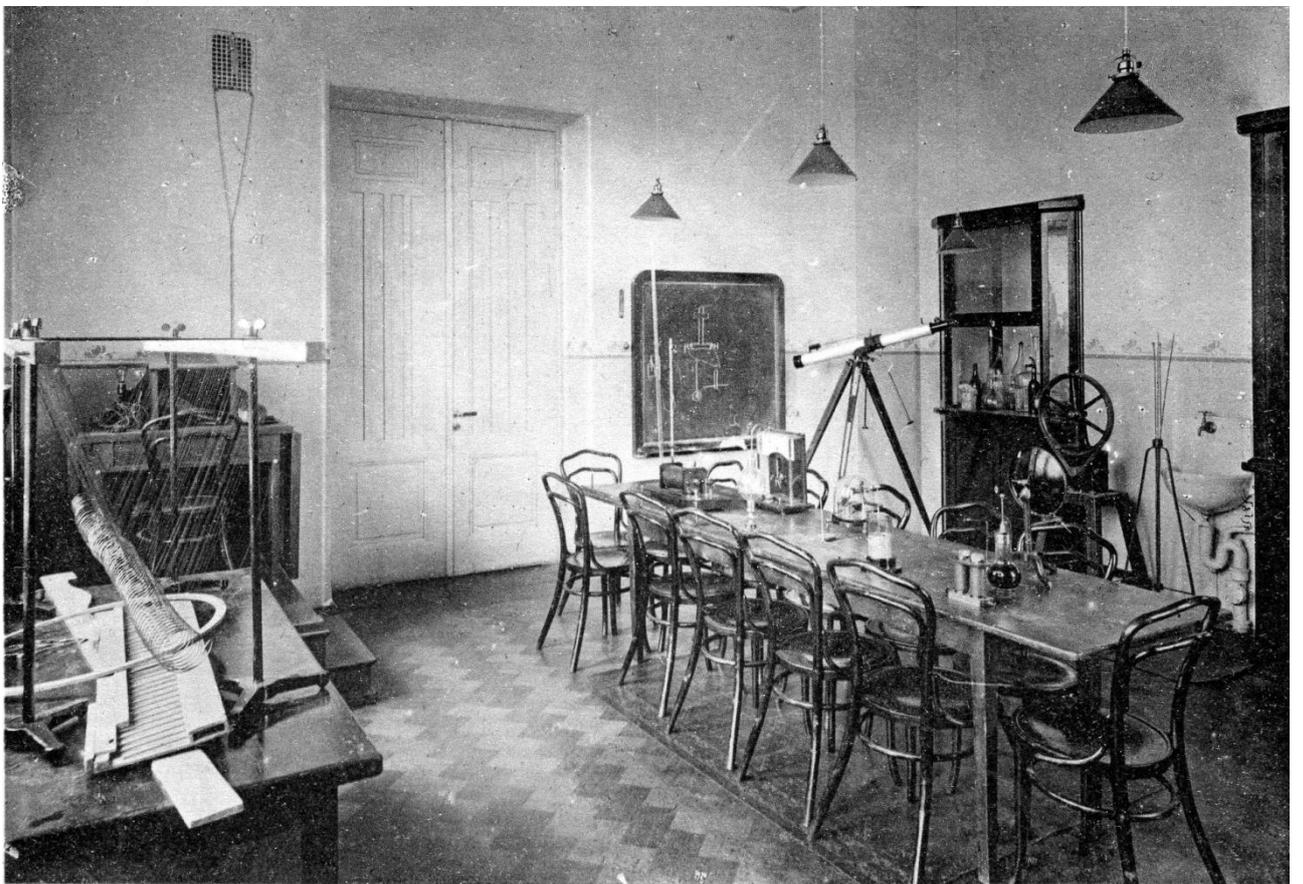
Chambre de Maître

Chambre de Maître

Parloir

Cabinet de Physique

Из альбома С.Р. Классон – преподаватель Александр Данилович Алферов

Удостоверение об испытании Софии Робертовны Классон по полному курсу мужских гимназий

М. Н. П.
*
МОСКОВСКИЙ
УЧЕБНЫЙ ОКРУГЪ.
ИСПЫТАТЕЛЬНЫЙ КОМИТЕТЪ.
24 мая 1901 г.
№ 805
МОСКВА.

УДОСТОВѢРЕНІЕ.

Отъ Испытательнаго Комитета при Управленіи Московскаго Учебнаго Округа выдано настоящее удостовѣреніе Софій Робертовнѣ Классонѣ, окончившей курсъ въ Московской цесаревнѣ гимназій А. С. Свиреровой, родившеяся 27 сентября 1892 года въ томъ, что она подвергалась въ означенномъ Комитетѣ испытаніямъ въ знаніи нижеуказанныхъ предметовъ въ объемъ полного курса мужскихъ гимназій и обнаружила слѣдующія познанія: въ русскомъ яз. (арифметикѣ), латинскомъ и немецкомъ языкахъ отличная (5), математикѣ и физикѣ удовлетворительная (3)

Снимъ удостовѣренію, что сдѣлана фотографія съ Карью, при наблюдѣннѣ Фривисел

Председатель Испытательнаго Комитета

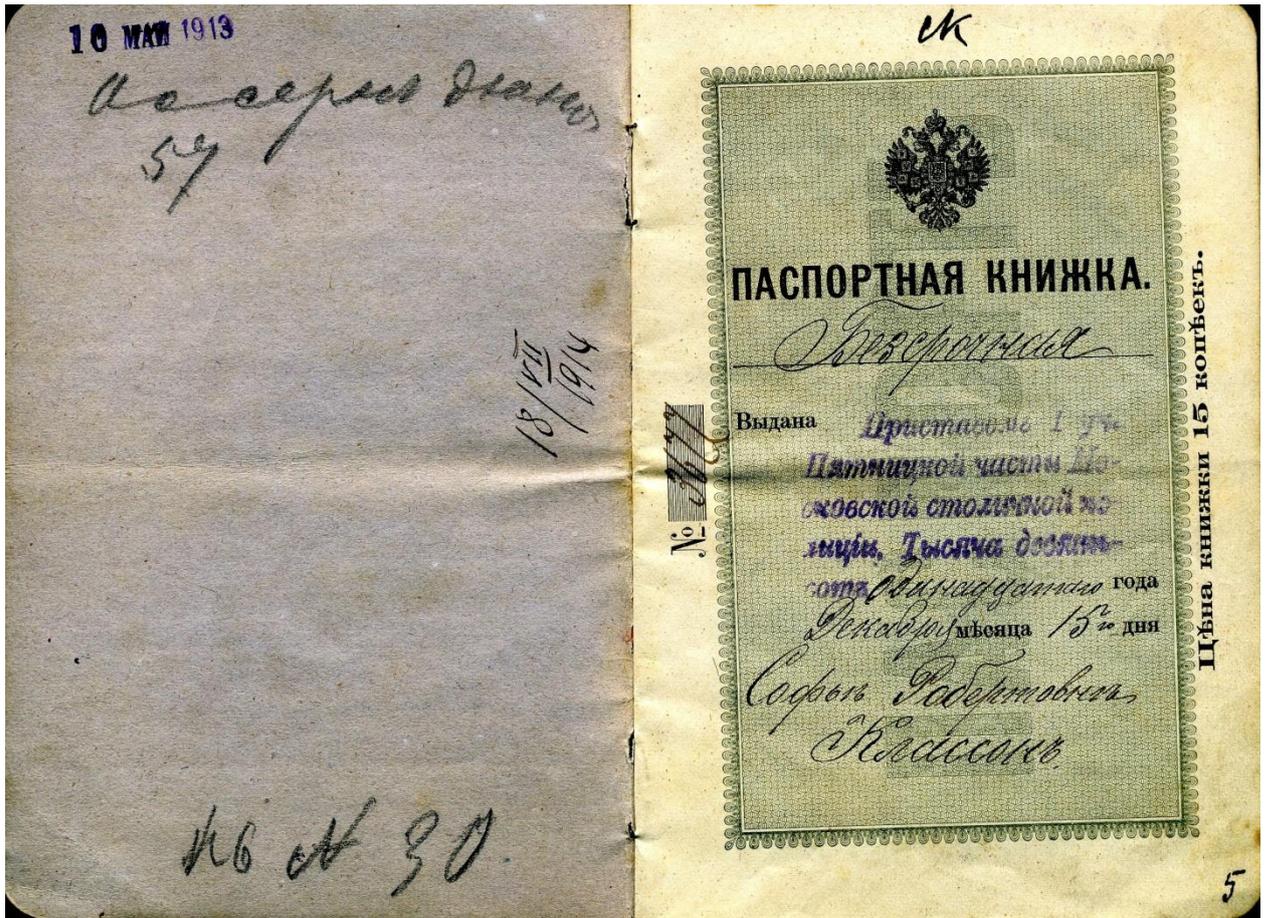
А. М. Чернов
именемъ: В. С. Соловьевъ

Снимъ удостовѣренію, что сдѣлана фотографія съ Карью, при наблюдѣннѣ Фривисел

успешно в вооруженной
Анна гимназій Софій
Классон
лица гимназій

Из паспортной книжки Софии Робертовны Классон-Богомоловой

10 мая 1913

в серии дано
59

18/11/14

№ 30

ЕК

ПАСПОРТНАЯ КНИЖКА.

София Робертовна

Выдана в г. Приставо-во 1-го
Пятницкой части Мос-
ковской столичной по-
лиции. Тысяча двести-
сорок одиннадцатого года
Января месяца 13-го дня

София Робертовна
Классон

Цена книжки 15 копеек.

5

Владѣлецъ книжки:

1. Имя, отчество, фамилія:

*Сорбія Робертовна
Классова*

2. Званіе:

*Дочь Училища
Технолога*

3. Время рожденія:

*27 Сентября
1899 года*

или возрастъ:

4. Вѣроисповѣданіе:

Православное

5. Мѣсто постоянного жительства:

г.р. Москва

6. Состоитъ ли или состоялъ ли въ бракѣ:

Дѣвица

7. Отношеніе къ отбыванію воинской повинности:

8. Документы, на основаніи которыхъ выдана паспортная книжка:

*Мировое завѣщаніе
отца Роберта Роберт
Федора Александровича
и матери Ксении Александровны
Сорокиной 4 Января
1900 г. № 4667 подъ подписью*

Место для печати
Место для подписи лица, выдавшего книжку.

4) Пунктир означает место для подписи лица, выдавшего книжку.

11. Перемены, происшедшие в служебном, общественном или семейном положении владельца книжки, а равно лиц, числящихся в книжке:

ВЫШЕОЗНАЧЕННАЯ ВЛАДЕЛИЦА КНИЖКИ Софья Робертовна Классонъ сего 1915 года 18-го Января въ Москвитинской Николаевской на Ямахъ церкви повѣнчана на первый законный бракъ съ сыномъ своего почтеннаго прадеда Нина Валериановъ Ивановичъ Богомоловны, 33^х лтъ, православною вѣроисповѣданіемъ.

Св. св. Епископъ *Св. св. Епископъ*
Діаконъ Николай Третьяковъ

при отсутствии установленного общественного управления — мѣстною полиціею.

Примѣчаніе къ ст. 46. Беззачетны паспортныя книжки выдаются: 1) призваннымъ въ богатѣйшихъ и тому подобныя заводскихъ общественныхъ призваній; 2) оставшимъ нижнимъ чинамъ, поступившимъ на военную службу по рекрутскому Уставу, дѣйствующему до 1874 г., а также нижнимъ чинамъ, получающимъ изъ казны денежное пособіе, вслѣдствіе неспособности къ работѣ; 3) женамъ и вдовамъ сихъ нижнихъ чиновъ (п. 2), и 4) горнозаводскимъ людямъ, уволеннымъ отъ обязательной службы, съ правами оставшихъ нижнихъ чиновъ.

О видахъ на жительство для сельскихъ обывателей Закавказья и Закаспійской области.

Ст. 87. Выдача (паспортныхъ книжекъ и) паспортовъ (ст. 84) производится волостными старшинами (б), сельскими старшинами въ Закавказьи (в), а также сельскими старшинами и мѣстною полиціею въ случаяхъ, предусмотрѣнныхъ примѣчаніемъ къ ст. 45.

(См. вышеприведенный ВИСОЧАЙШИЙ Указъ 5 Октября 1906 г.)

Ст. 90. Выдача паспортовъ иностраннымъ поселянамъ (колонистамъ) Закавказья производится изъ сельскихъ призваній.

(См. вышеприведенный ВИСОЧАЙШИЙ Указъ 5 Октября 1906 г.)

Уст. о нап., нал. Мир. Суд.

Ст. 61. За отлучку или проживание безъ установленныхъ видовъ тамъ, гдѣ они требуются, или же съ видами просроченными или неадекватными, виновные, независимо отъ внесенія сдѣланной съ нихъ платы, подвергаются денежному взысканію, не свыше 15 коп. за каждый день, но, во всякомъ случаѣ, въ общемъ итогѣ взысканія, не болѣе 10 рублей. Такому же взысканію подвергаются виновные въ держаніи у себя чужака безъ вида на жительство, или же съ видами просроченными или неадекватными.

Уст. уголовн. Судопроизв.

Ст. 1220. По нарушеніямъ Уст. о пасп., означеннымъ въ статьяхъ 58—61 Уст. о нап., налагаемыхъ Мировыми Судьями, полиційскими и другими управлениями обращаются въ судебному преслѣдованію нарушителей въ тѣхъ только случаяхъ, когда обвиняемый въ двухдѣльный срокъ, со дня объявленія ему требованія подлежащаго управленія, не внесетъ слѣдующаго съ него по закону денежнаго взысканія.

Мѣсто для прописки видовъ полиціею.

1912 г. 18 Января
ПЯТИЦКОЙ Ч. 1 УЧАСТ.
ЯВЛЕНЬ И ПРОПИСАНЬ при отъѣздѣ
по дому № 11. Звездный. Общине
по Садовнической ул.
Можно Пасп. 1906.

ЯВЛЕНЬ

1912 г. 18 Января
Адмиралъ Ч. 2-го Уч.
Земельный
Земельный
Земельный

18 -
 19 июля 1914
 ЧАСТ.
 15 КОП. МОСКОВСКОЕ ГОРОДСКОЕ УПРАВЛЕНИЕ
 15 КОП. МОСКОВСКОЕ ГОРОДСКОЕ УПРАВЛЕНИЕ
 40 КОП. МОСКОВСКОЕ ГОРОДСКОЕ УПРАВЛЕНИЕ
 40 КОП. МОСКОВСКОЕ ГОРОДСКОЕ УПРАВЛЕНИЕ
 12 июля
 ПЯТНИЦКОЙ Ч. 1 УЧАСТ.
 ЯВЛЕНЬ К ПРОПИСАНЬ
 по дому № 111 Делевской Общ.
 по Сидоровичей

12 июля 1914 г.
 у Ириной в семье Воевод-
 ского у...
 40 КОП. МОСКОВСКОЕ ГОРОДСКОЕ УПРАВЛЕНИЕ
 1914 г. 12 июля
 ПЯТНИЦКОЙ Ч. 1 УЧАСТ.
 ЯВЛЕНЬ К ПРОПИСАНЬ
 по дому № 111 Делевской Общ.
 по Сидоровичей
 Письмо

20 -
 Явленъ въ Управленіи Полиціймей-
 стера купальныхъ мѣсть близъ гор.
 Риги, въ м. Ассир
 по дому у. № 57
 М. Маюренгоу. 1 июля 1914 г.
 За Полиціймейстера
 его Помощникъ Кай
 31 июля
 40 КОП. МОСКОВСКОЕ ГОРОДСКОЕ УПРАВЛЕНИЕ
 МОСКОВСКОЕ ГОРОДСКОЕ УПРАВЛЕНИЕ
 5 июля 1914 г.
 "БОГАТЫРЬ"
 При заполненіи мѣста для прописки
 подшиваются особые листы.

(Blank page)

**Карта прививок интернированному Сергею Гарденину
в немецком военном лазарете**

Name des Gefangenen: *Gardenin Sergei* Regiment: *5646* Stammlager: *Kolymien*

Tag der Impfung gegen:

	Pocken	Cholera	Typhus	Bemerkungen
	<i>1915</i>	<i>1915</i>	<i>1915</i>	
1. Impfung	<i>August</i>	<i>August</i>	<i>August</i>	
2. Impfung		<i>August</i>	<i>August</i>	
3. Impfung		<i>September</i>	<i>September</i>	
Etwaige Wiederholung der Impfung				

Kriegsgefangenen-Lazarett
27 DEZ 1915
HOLZMINDEK

Name des Gefangenen: *Gardenin* Regiment: *Sergej* Stammlager: *Nº 5646*

Tag der Impfung gegen:

	Pocken	Cholera	Typhus	Bemerkungen
1. Impfung	<i>September</i>	<i>September</i>	<i>Oktober</i>	
2. Impfung		<i>Oktober</i>	<i>Oktober</i>	
3. Impfung		<i>Oktober</i>	<i>Oktober</i>	
Etwaige Wiederholung der Impfung				

Kriegsgefangenen-Lazarett
27 DEZ 1915
HOLZMINDEK

Свидетельство о прохождении Софией Богомоловой испытаний по юриспруденции при Императорском Московском Университете

Временное свидѣтельство за №3685 получила С. Богомолова 24го октября 1916 г.

Адресъ: Кафалинская наб. Угол Ново-Косидамовского пер., д. 14, кв. 6

Примечаніе. При полученіи временнаго свидѣтельства слѣдуетъ представить квитанцію Университета о взносъ 4 р. 50 к. за дипломъ 1-й степени и 1 р. 50 к. за дипломъ 2-й степени.

Экзаменный листъ.

Юридическая Испытательная Комиссія при ИМПЕРАТОРСКОМЪ Московскомъ Университетѣ.

1916 г.

С. Богомолова
Секретъ

Предметы испытанія.	Мѣсяцъ и число испытанія.	Отмѣтки.	Скрѣпы.
Энциклопедія права . . .	21/10	В.ч.	Ильин
Исторія римскаго права.	22/10	В.ч.	У. Гобертъ
Исторія русскаго права.	19/11	В.ч.	Ильин
Исторія философіи права.	26/10	В.ч.	Ильин
Политическая экономя.		вс. гдѣ Т. М. Зест	
Статистика		вс. гдѣ Т. М. Зест	
Государственное право .	27/11	В.ч.	М. Пешковъ
Церковное право	31/10	В.ч.	М. Пешковъ
Международ. право . . .		В.ч.	У. Гобертъ
Сочиненіе		В.ч.	У. Гобертъ

Первой половиной университетскаго курса (полукурсовые)

Предметы испытанія.	Мѣсяцъ и число испытанія.	Отмѣтки.	Скрѣпы.
Уголовное право	27/10	Углуб.	Ильин
Римское право			
Гражданское право	28/11	Вс. гдѣ	Ильин
Процессы: Уголовный	1/10	Вс. гдѣ	Ильин
Гражданскій	1/10	Вс. гдѣ	Ильин
Финансовое право			
Администр. право		В.ч.	Ильин
Торговое право	13/11	В.ч.	У. Гобертъ
Международ. право			
Сочиненіе			

Второй половиной университетскаго курса (комиссіонные)

Удостоенъ диплома 1^й степени. 6
Ильин
Предсѣдатель Комиссіи
Москва 18/11 1916 г.
Дир. произв. Дипл.

Справка об обучении С.Ф. Гарденина военному искусству

ОТДЕЛ
ВСЕОБЩЕГО ВОЕННОГО
ОБУЧЕНИЯ
Военного Комиссариата
Хамовнического района.
Москва, Плющиха, 37.
Телефон № 4-29-78.

Москва *20 Марта* для 1918 года.

Удостоверение.
Настоящее выдано тов. *С.Ф. Гарденину*
в том, что он обучается военному искусству
при *Корконице* и окончил
96 часов программы
и зачислен в Роту РЕЗЕРВНОГО Раб. Полка.

49.

Заведывающий Отделом Всеобщего Воен. Обучения
Заведывающий Канцелярией *Л.И.И.*
Делопроизводитель *В.В.В.*

Доклад С.Ф. Гарденина на I Всероссийском съезде по внешкольному образованию*

О ликвидации безграмотности. Доклад члена съезда С.Ф. Гарденина

Царско-самодержавный режим, классовое господство всероссийского союза помещиков, промышленников и чиновников оставили в наследство Советской власти голодную и холодную, нищенски-убогую Россию. Одной из позорнейших страниц, одним из мрачнейших пятен на общем темном фоне этого наследства является безграмотность взрослого населения. Ни в одной стране света, ни в одном государстве не проявилось с такой отчетливостью, в такой резкой, хочется сказать, классической, обрисовке, классовое строение современного общества в области производства и распределения духовных, культурно-просветительных ценностей. Два полюса, две друг друга обуславливающих и тысячами нитей связанных между собою противоположностей: с одной стороны – необычайная высота и утонченность культуры, высшее образование, лучшие произведения всемирной литературы, музыки, пения, искусства, во всех его проявлениях – это для богатых, сильных, власть имущих; с другой – почти поголовная безграмотность, довольство частушками, гармоникой, убогой сельской церковной службой, да фантастическими рассказами бродячей Руси, странников и странниц, отставных солдат и прочей братии – это для отсталой России, России труда, невежества и нищеты.

И в той конкретной обстановке, на той стадии развития производительных сил, в которой находилась Россия, – это было неизбежным, необходимым следствием исторически создавшихся экономических и политических условий.

* Первый съезд по внешкольному образованию открылся в Москве 6 мая 1919 г., на него съехалось от 700 до 800 делегатов, закрылся съезд 19 мая.

Ниже мы приводим текст другого труда С.Ф. Гарденина: К вопросу о методах занятий на курсах для взрослых [(красноармейцев-библиотекарей)]. Госиздат, 1920.

Для того, чтобы сыновья и дочери имущих классов в течение 15-20 лет могли учиться, получать начальное, среднее и высшее образование, а остальную жизнь быть по большей части праздными тунеядцами на народной шее, неизбежно нужно было, чтобы десятки миллионов детей пролетариев не только оставались за порогом школы, но и с младенческих лет, с 6-8-летнего возраста, принимали часто непосильное, губительное для их здоровья и жизни участие в производительном, физическом труде. Ибо только таким путем, только их детскими слабыми руками могла быть создана и действительно создавалась та доля общественного продукта, которая шла на удовлетворение жизненных потребностей их счастливых сверстников и на производство и содержание обширных зданий, учебников, наглядных пособий, музеев, лабораторий, учителей и профессоров, которые создавались для того, чтобы они, эти избранные счастливыцы, могли получить свое образование. Каждый инженер, каждый врач, каждый профессор, каждый судья, адвокат, прокурор, каждый офицер, генерал, каждый художник и артист, каждый чиновник покрупнее – каждый из них – стоят сотни безграмотных, на каждого из них в свое время работали сотни детских рук.

Это не аллегория, не демагогическое сравнение, это реальный факт, весь конкретный смысл, весь ужас которого станет очевидным всякому, кто даст себе труд хотя бы на пару минут остановить на нем свою мысль. Всякий, получивший образование, является эксплуататором, в прямом, грубо-материальном значении этого слова, по отношению к сотням детей. Ибо если производимая ими прибавочная стоимость не всегда шла прямо на удовлетворение физических и культурных потребностей их учащихся сверстников, это нисколько не уменьшает общественного значения их труда, как труда, экономически необходимого для возможности получения среднего и высшего образования одним избранныком из сотни отверженных. Отсюда – неоплатный долг интеллигенции перед народом, отсюда – ее моральная и, если хотите, и юридическая обязанность перед десятками миллионов [людей](#) безграмотной России.

Но времена меняются. Власть в России перешла в руки рабоче-крестьянского правительства, правительства тех обездоленных, угнетаемых, эксплуатируемых, из которых самыми последними являются безграмотные, вдвойне пролетарии, пролетарии и духа, и тела. Не только непосредственный опыт всякого, сколько-нибудь близко соприкасавшегося с народными массами, но точные экономические и статистические исследования с непреложной, неоспоримой ясностью и убедительностью показывают, что наиболее культурно отсталые и, прежде всего, безграмотные слои пролетариата в то же время являются и наиболее эксплуатируемыми: они работают в наиболее вредных для здоровья отраслях производства, их заработная плата менее всех, их рабочий день отличается наибольшей продолжительностью. И – странная ирония судьбы – в то же время они являются наиболее политически отсталыми. Безграмотность – это один из сильнейших тормозов, которые стоят на пути Советского правительства при осуществлении им своих мероприятий, при проведении массового опыта коммунистического строительства. Среди безграмотного и полуграмотного населения легче всего находят почву всякие тревожные, нелепые слухи, рождающиеся при каждом новом начинании правительства, тем наибольшим успехом пользуется контрреволюционная, скрытая и явная монархическая агитация и пропаганда.

И не только соображения морального и юридического порядка, не только чувство жалости к обездоленным, но и самые трезвые соображения реальной политики должны побудить Советское правительство принять решительные шаги к ликвидации этого позора, низводящего Россию на уровень самых диких, негритянских государств.

Если только Советская власть хочет обеспечить себе спокойное существование, не теперь, не в данный момент, момент гражданской войны, натиска международных империалистических сил, а в более или менее близком будущем – она должна сделать все возможное к скорейшей ликвидации безграмотности. И если понадобится, она должна решиться на те же героические меры, которые уже предпринимались ею не раз во всевозможных трудных обстоятельствах и которые властно диктуются революционной необходимостью. Советское правительство чувствует эту необходимость, но смутно чувствует; его деятели, предпринимая те или иные шаги в области борьбы с народным невежеством, с народной темнотой, не решаются дойти до последних выводов, не решаются сказать последнего решительного слова. Это смутное понимание, это, хочется сказать, инстинктивное искание выхода, проявилось в двух отношениях: 1) в широком, очень широком строительстве дела внешкольного образования, которое быстрыми шагами идет по всей России, настолько быстрыми, что по сравнению со старым режимом они кажутся гигантскими; 2) в известном декрете о мобилизации грамотных.

Но то обстоятельство, что они остались несвязанными, разобщенными друг от друга, доказывает, что Советская власть, подойдя вплотную к радикальному решению вопроса, не посмела сделать последнего шага, который один и только один мог бы быстро и радикально решить сложную и трудную проблему ликвидации безграмотности. В самом деле, правильно организованная система внешкольного образования, с ее сетью школ для взрослых различных ступеней, библиотек, читален, народных домов, с ее предполагаемым гигантским строительством, очевидно, может получить реальное осуществление только в течение более или менее длительного периода времени, во всяком случае, исчисляемого десятилетиями.

И дело здесь не в денежных ассигнованиях: дело в истощении, упадке производительных сил, дело в трудности и сложности подготовки работников. Связывать ликвидацию безграмотности с осуществлением плана государственной системы учреждений по внешкольному образованию – значит если и не обрекать ее заранее на полную неудачу, то, во всяком случае, откладывать в долгий ящик. С другой стороны, мобилизация грамотных, в том виде, в котором ее предписывает декрет, страдает тремя существенными недостатками, в сильной степени парализующими его действие: 1) декрет возлагает определенные политические задания на лиц, не сочувственно относящихся, а часто прямо враждебных политике советской власти; 2) он недостаточно точно определяет не только порядок мобилизации, но и органы, проводящие ее, руководящие ею и контролирующие ее; 3) и самое главное, декрет не дает никаких стимулов, никаких побудительных мотивов к его выполнению: он ничем решительно не заинтересовывает ни исполнителей декрета – грамотных, ни пассивных объектов – неграмотных к проведению его в жизнь. В результате из имеющихся перед глазами автора 25 отчетов губернских подотделов внешкольного образования и 68 уездных всего лишь в двух упоминается о попытках осуществления этого декрета и в обоих случаях – с отрицательным результатом. (Спешим оговориться: на съезде представитель Тамбовской губ. заявил, что по губернии за зиму было проведено, по декрету, свыше 10 000 чтений, на которых принимали участие до 350 000 человек.)

А между тем в таком важном вопросе как ликвидация неграмотности государство должно использовать все открывающиеся перед ним возможности, а там, где таковых нет, – создать, хотя бы и насильственным путем, благоприятные условия. Это не только его право, это его обязанность, если оно на деле, а не на словах хочет быть государством пролетариев.

Естественные возможности во многих местах существуют, они состоят: 1) в той страстной, неудержимой, стихийной жажде знания, которая охватила сейчас всю Россию и о которой свидетельствуют, вопиют все идущие к нам из глухой провинции сведения; 2) в совершающемся перед нашими глазами небывалом по объему и темпу переселении народа, в отливе в деревню городского населения. Оба эти явления должны быть учтены, реально связаны и закреплены в определенной системе.

Но там, где таких естественных возможностей нет или где они являются недостаточными, государство должно создать силой своей экономической и политической власти благоприятные условия. И, прежде всего, оно должно материально обеспечить обе стороны, установивши достаточно высокую оплату труда учителей грамоты и обеспечивши неграмотным материальную, экономическую возможность обучения так, чтобы время, затрачиваемое ими на обучение, не вело за собою уменьшение их заработка и не приносило ущерба их хозяйству. Декрет о мобилизации грамотных должен лечь в основу декрета о ликвидации безграмотности. С этой целью он должен быть переработан и применен к новому заданию.

Составители нового декрета о мобилизации грамотных должны будут учесть следующие основные моменты организационного порядка: 1) должно быть создано правомочное и независимое центральное учреждение, облеченное всей полнотой власти, с широко раскинутыми органами контроля (инспекции) и органами исполнения; 2) органы исполнения, комиссии по ликвидации неграмотности, должны быть близки населению, они должны охватывать территорию не свыше волости или городского района и составлены по принципу советского представительства, с участием сведущих лиц, специалистов-внешкольников; 3) мобилизация грамотных должна, прежде всего, охватить добровольцев, и лишь в случае недостатка добровольцев должна идти принудительным путем; 4) учителя грамоты – добровольцы и принудительно мобилизованные должны во всех отношениях находиться в равных условиях; 5) труд учителя должен оплачиваться почасно, в размере дневного жалованья учителя Трудовой Школы, деленного на 6; 6) учителя грамоты на все время несения ими обязанностей учителя освобождаются от всех других видов трудовой повинности; 7) неграмотные и полуграмотные, пожелавшие учиться, образуют группы от 10 до 30 человек в каждой; каждой группе комиссия обязана предоставить помещение, в районе не далее 2-х верст от места жительства учеников, учебные принадлежности и учителя; 8) ученики – наемные рабочие должны освобождаться от работы на два часа ранее, с сохранением полной оплаты труда; ремесленники и самостоятельные земледельцы получают за время общежития определенное вознаграждение, возмещающее ущерб, наносимый их хозяйству; 9) право составления списков безграмотных, освобождения их от работы и контроля над посещением ими школы принадлежит для наемных рабочих и ремесленников – фабрично-заводским комитетам и профессиональным союзам, для крестьян-земледельцев – сельским советам; 10) занятия ведутся ежедневно в течение 2 часов, не исключая и праздников, и продолжаются в течение 3-4 месяцев; в особо уважительных случаях, всякий раз с особого разрешения инспекции, срок обучения может быть продлен, как для целой группы, так для отдельных ее членов; 11) программа обучения считается выполненной, если ученики умеют читать, писать, знают четыре основных арифметических действия и усвоили основы советской конституции; 12) учителя-добровольцы, успешно проведшие одну группу, пользуются преимущественным правом на занятия со следующей, учителя, принудительно мобилизованные, при нежелании продолжать занятия, в этом случае освобождаются от мобилизации; 13) право определения успешности занятий принадлежит комиссии, с обязательным участием экспертов-внешкольников.

Приведенные выше тринадцать пунктов настолько элементарны и очевидны, что вряд ли нуждаются в доказательствах. Предвидим только два действительно сильных возражения, которые могут быть сделаны: 1) мобилизованные учителя далеко не всегда будут на высоте призвания и 2) государству будет непосильно возлагаемое на него бремя расходов. На первое ответим так: действительно, эти учителя далеко и очень далеко не всегда будут на высоте призвания. Но если мы захотим дожидаться создания кадров подготовительных учителей, нам придется ждать, пожалуй, того времени, когда безграмотность ликвидируется сама собою – попросту оттого, что все наше поколение к тому времени успеет вымереть, а новое, молодое получит образование. Ибо мы не видим никакой возможности подготовить кадры учителей-внешкольников раньше, чем в 10-15-летний срок. Да и самое понятие «достаточной подготовки» – чисто условное.

Еще два года тому назад для учителя начальной школы мы считали достаточной подготовкой прохождение курса учительской семинарии. Учительский институт казался нам недостижимым идеалом для народного учителя. Теперь мы считаем достаточной подготовку учителей лишь в особых, специальных высших учебных заведениях, закрываем учительские семинарии и преобразуем учительские институты в институты народного образования. Однако, за неимением лучшего, наши старые учителя, недостаточно подготовленные, продолжают вести свою тяжелую работу – худо ли, хорошо ли – это другой вопрос, но никто не собирается отстранять их от нее, так как заменить их некому. Красная армия комплектует свой командный состав зауряд-командирами – это не мешает ей сдерживать напор многочисленных врагов, победоносно идти вперед. Наши учителя грамоты будут зауряд-учителями. Они должны будут вынести на своих плечах 9/10 тяжести работы, пока на смену им не придут новые, достаточно подготовленные силы.

Но, конечно, мобилизация учителей грамоты не должна пониматься как простое привлечение грамотных к обучению безграмотных. И центральные, и местные органы, ведущие и руководящие культурно-просветительной работой среди взрослого населения, должны приложить все усилия к тому, чтобы учителя приступили к своей ответственной работе возможно лучше вооруженными. Прежде, чем быть пущенными в дело, они должны познакомиться с методами и приемами своей будущей работы. Для этого местные подотделы внешкольного образования должны предварительно организовать районные (или уездные) курсы-съезды, на которых был бы учтен уже имеющийся опыт обучения грамоте взрослых. На всех организуемых курсах должен быть включен в программу преподавания вопрос о методах обучения грамоте взрослого населения. Центры, как губернские, так и всероссийские, со своей стороны должны составить и издать достаточно популярные, но и достаточно полные инструкции – методические указания по тому же вопросу. Мыслим и ряд других мероприятий в том же направлении, издание букварей и других учебников, распространение плакатов и воззваний с целью пропаганды обучения грамоте и т.д.

Что же касается финансового бремени, долженствующего пасть на долю государства, то, как бы оно ни было тяжело, государство должно взять его на себя. Это его первая и священная обязанность. И приходится только удивляться тому, как могло случиться, что в данном отношении государство не проявило той щедрости и энергии, которая была проявлена им в других областях. Как бы ни были велики расходы на народное просвещение – они сторицей окупаются вызываемым ими развитием производительных сил народа. Эта аксиома, непреложность которой установлена, подтверждена и доказана всем ходом капиталистического развития. Но будем трезвы. Отложим в сторону будущее, хотя бы и близкое, и счастливое. Сделаем примерный арифметический расчет, сухой и холодный. Так ли уже велика финансовая тяжесть?

Пусть беспристрастные цифры дадут нам свой правдивый ответ.

- 1) Общая численность населения Советской России равна приблизительно 100 000 000;
- 2) Процент взрослого населения, подлежащего обучению, равен 35%;
- 3) Процент неграмотных среди них равен 60%;
- 4) Численность подлежащих обучению 21 000 000;
- 5) Не пожелавшие учиться, обучающиеся в Красной армии, самоучки и т.д. – 33% 7 000 000;
- 6) Остается для обучения 14 000 000;
- 7) При средней численности группы в 20 чел. число групп равно 700 000;
- 8) Стоимость обучения одной группы:
 - а) плата учителю 200 рублей в месяц x 3 = 600 рублей;
 - б) социальное обеспечение учащихся 15 чел. x 100 руб. x 3 мес. = 4 500 руб.;
 - в) учебники, учебные принадлежности 10 руб. x 20 = 200 руб.;
 - г) накладные и организационные расходы 200 руб.;Итого на группу 5 500 руб.;
- 9) Таким образом, ликвидация неграмотности обойдется государству в 5 600 x 700 000 = 3 850 000 000 руб.

Может ли эта сумма считаться непосильной для государства при проведении такого мероприятия как ликвидация безграмотности? Я думаю, что нет, и вот по каким соображениям.

В силу многих причин ликвидацию безграмотности нельзя будет осуществить в одно полугодие или даже в один год. Она, несомненно, растянется на несколько лет, минимально 2-3 года. Таким образом, государству предстоит расходовать на нее в полугодие не более, а возможно и менее, 1 миллиарда рублей. Между тем, все расходы на народное образование за полугодие превышают ту цифру, которая необходима для полной ликвидации безграмотности (почти 3 900 000 000 рублей). Таким образом, ежегодная сумма расходов на ликвидацию безграмотности была бы менее одной пятой расходов всех расходов на народное образование. Если же мы возьмем отношение этой суммы к общему годовому бюджету государства, то оно выразится такой ничтожной цифрой (не свыше 2-2½%), что говорить о сколько-нибудь ощутительной финансовой тяжести ее для государства становится прямо смешным.

Мы должны отрешиться от зачаровывающей нас абсолютной грандиозности цифры и твердо усвоить, что миллиард теперь – это скромный десяток миллионов по дореволюционному масштабу. И если государство должно расходовать десятки миллиардов на оборону от внешних врагов, оно должно найти скромный миллиард на оборону от не менее злого внутреннего врага – поголовной безграмотности, поголовного невежества своих граждан.*

* Мы ранее уже цитировали эмигрантский «Руль». Некий срез по итогам «ликвидации неграмотности» можно обнаружить в газетах за апрель 1922 г. 23.4.1922 берлинское «Накануне» опубликовало статью «Борьба с неграмотностью» своего московского корр., который укрылся за инициалами «И.Б.»:

(zefys.staatsbibliothek-berlin.de/dfg-viewer/?set%5Bimage%5D=7&set%5Bzoom%5D=default&set%5Bdebug%5D=0&set%5Bdouble%5D=0&set%5Bmet%5D=http%3A%2F%2Fzefys.staatsbibliothek-berlin.de%2Ffoai%2F%3Ftx_zefysoai_pi1%255Bidentifizier%255D%3Dcccb042da-dcd6-4eed-9539-529863db7dc1).

«Руль» как всегда язвительно откомментировал и публикацию в «Накануне», и «потемкинские деревни» большевиков:

«Rote Fahne» помещает велеречивую статью об успешной ликвидации безграмотности в Сов. России. А прислужники палачей сообщают в «сменовеховской» газете [«Накануне»], что когда командированный из центра коммунист приехал на место, он услышал такие разговоры:

– Что за безобразия! Покою от них нет.

– Пусть сами учат... И так доучили народ – чорт знает что...

ПОСЛЕСЛОВИЕ.

Постановление съезда – это только первый шаг на пути решения вопроса ликвидации безграмотности.* Впереди перед нами еще трудный путь, путь борьбы с апатией интеллигенции, косностью широких масс, с недостатком самых элементарных материальных условий успешного проведения кампании. Но, по французской поговорке, дорог именно первый шаг. Съезд поставил вопрос о ликвидации безграмотности в числе первоочередных вопросов революции, и ничто уже не будет в силах снять его с очереди. Степень безграмотности взрослого населения отныне будет неизбежным «мани-текел» для каждого внешкольника. Успех его работы будет измеряться пропорцией уменьшения безграмотности.

Окончание примечания

– И какая польза теперь от учения? Больше с толку сбивать?

– Им нужно в целях агитации – научить читать большевистскую брехню...

– Пусть и учат.

Коммунист решил, что это просто контрреволюционная болтовня. Он взялся горячо за дело, получил отличные учебные пособия:

Стыдно и больно сознаваться, что у нас ничего не вышло. За дело взялись вяло, без энтузиазма, не завоевали доверия у населения, которое сперва живо откликнулось, но, видя нашу инертность, махнуло рукой... Данные обследования РКИ дают грустное подтверждение к написанной ранее сценке.

Статистика предъявляла блестящие результаты борьбы с неграмотностью, но «цифры ликвидации неграмотности ([по данным] ВЛКЧБ) решительно опровергнуты действительностью...». Остается вопрос о качественных результатах. Здесь так же имеется определенное признание:

По сравнению с количественными результатами ликвидации качественные – стоят еще ниже. Ликвидация неграмотности идет по большей части чисто формально, на манер «Крещения Руси». Яркими примерами могут служить факты, обнаруженные в Москве...

Итак, даже прислужники подтверждают, что их щедрые хозяева – мастера только на потемкинские деревни.
«Руль» (Берлин), 25 апреля 1922 г.

* По-видимому, речь идет о следующем документе:

Резолюция по докладу тов. Гарденина «О ликвидации безграмотности», принятая пленумом I Всероссийского Съезда по внешкольному образованию 19 мая 1919 г.

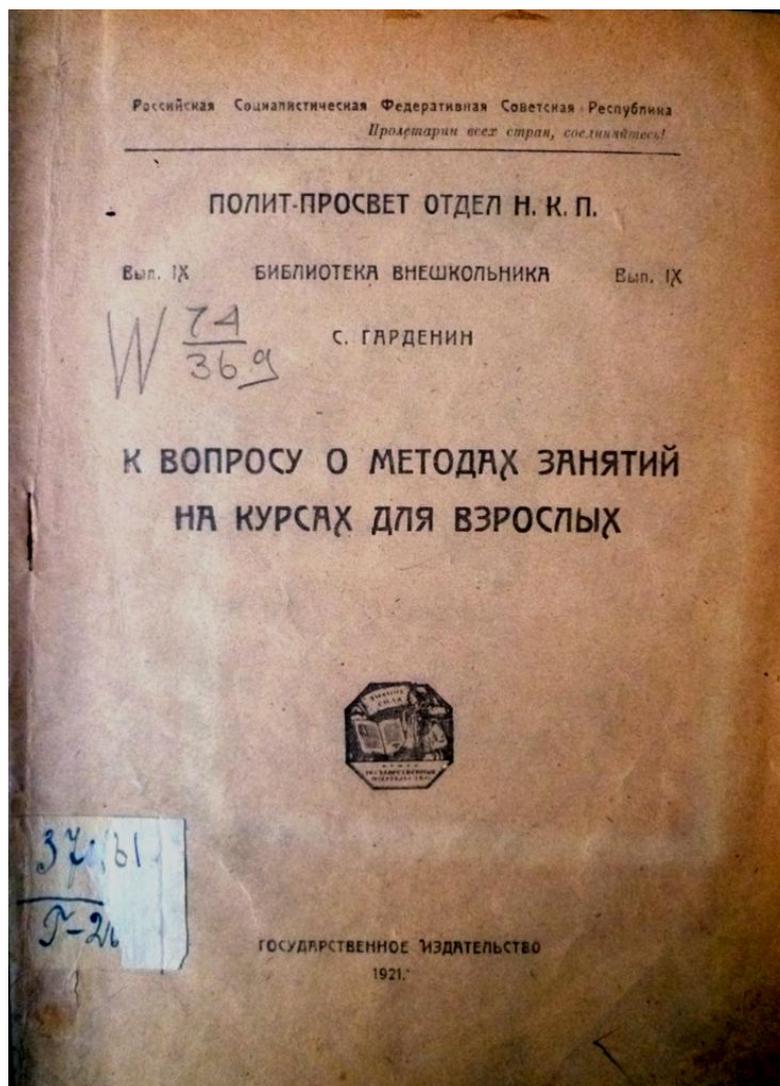
Заслушав доклад тов. Гарденина, Съезд считает необходимым:

- 1. Издать специальный декрет о ликвидации безграмотности подростков и взрослых.*
- 2. Произвести всероссийскую мобилизацию некоторых групп грамотного населения для борьбы с безграмотностью.*
- 3. Отделы Народного Образования совместно с Исполкомами должны установить время и способы мобилизации.*
- 4. Планы кампании по борьбе с безграмотностью, утвержденные Губернскими Исполкомами, должны быть представлены Губернскими Отделами Народного Образования в Наркомпрос не позднее 3-месячного срока со дня опубликования декрета.*
- 5. Нормы труда и оплаты, как принудительно мобилизованных учителей, так и добровольцев, должны соответствовать норме работников просвещения.*
- 6. В декрете должен быть провозглашен принцип обязательного обучения безграмотных.*
- 7. Обязательность вводится немедленно для подростков и красноармейцев.*
- 8. Местным отделам Народного Образования, Губернским и Уездным, вменяется в обязанность там, где по местным условиям это окажется возможным и необходимым, вводить под контролем центральных органов обязательное обучение для прочего населения, начиная с младших возрастных групп.*
- 9. Разработка плана ликвидации безграмотности должна производиться совместно с представителями местного организованного населения в лице профессиональных союзов, фабрично-заводских комитетов, потребительских и производительных коммун и т.д.*
- 10. Съезд признает необходимым социальное обеспечение учащихся подростков и взрослых, причем размер, формы и способы обеспечения устанавливаются местными органами власти, на основании руководящих указаний центра и по его утверждению.*

Какие бы совершенные библиотеки мы ни создавали, как бы ни совершенствовали программы и методы наших высших крестьянских и рабочих школ – до тех пор, пока в районе деятельности внешкольника остаются безграмотными сотни и тысячи взрослых мужчин и женщин, его работа не может почитаться успешной. Конечно, ликвидация безграмотности должна идти так, чтобы вслед за нею не шел рецидив безграмотности: для этого необходимы и библиотеки, и школы более высокого типа, чем школы элементарной грамоты. Конечно, наряду с требованием на грамоту, должны удовлетворяться и другие культурные потребности населения. Но все же для успеха дела внешкольного образования, для прочного его существования, необходимо хотя бы на пару лет борьбу с безграмотностью сделать центром внешкольной работы, уделив ей если не три четверти, то не менее половины наличных сил и средств и мобилизовав на нее те силы, которые до сих пор оставались еще не использованными.

*Журнал «Внешкольное образование», Москва, 1919, №4-6
(как можно видеть из обложки сего журнала, он выпускался всего один год
отделом внешкольного образования, которым заведовала
Н.К. Ульянова-Ленина, или Н.К. Крупская,
ее заместителем была З.П. Кржижановская,
С.Ф. Гарденин занимал должность члена коллегии этого отдела)*

С. Гарденин. К вопросу о методах занятий на курсах для взрослых

Зимой 1920 года мне пришлось выступать в качестве «лектора» на краткосрочных (двухмесячных) курсах, организованных Внешкольным Отделом Наркомпроса для Просветительного Отдела Политуправления Реввоенсовета. Задачей курсов была подготовка библиотекарей для небольших красноармейских библиотек. Слушателями были красноармейцы, командированные из воинских частей Московского округа. Мне предложено было провести курс «Советской конституции и принципов советского строительства», применительно к специфическому заданию курсов – подготовке библиотекарей. Некоторым опытом, почерпнутым из этой работы, я хочу поделиться с читателями.

Состав курсантов. Он, как и следовало ожидать, оказался довольно пестрым. Некоторую, довольно схематическую картину этого состава могут дать следующие цифры.

По возрасту.

До 19 лет включительно	5 чел.	10%
От 20 до 24 лет включительно	21 чел.	40%
От 25 до 29 лет включительно	11 чел.	20%
От 30 до 34 лет включительно	12 чел.	25%
От 35 до 40 лет включительно	3 чел.	5%
Итого	52 чел.	100%

По профессии.		
Рабочих	32 чел.	60%
Крестьян-земледельцев	6 чел.	11%
Интеллигентных профессий	11 чел.	22%
Не выяснено	3 чел.	7%
	52 чел.	100%

По образованию.		
Самоучек	2 чел.	4%
С низшим общим	42 чел.	80%
С низшим специальным	1 чел.	2%
Со средним общим	5 чел.	10%
Со средним специальным	1 чел.	2%
С высшим специальным	1 чел.	2%
	52 чел.	100%

По стажу (педагогическому, внешкольному и общественно-политическому).		
Без стажа	32 чел.	61%
С 1 годичным	10 чел.	19%
С 2 годичным	2 чел.	4%
От 3 до 4 лет	3 чел.	6%
От 5 до 9 лет	3 чел.	6%
От 10 лет и более	2 чел.	4%
	52 чел.	100%

По партийности.		
Зарегистрированных членов Р.К.П.	15 чел.	29%
Зарегистрированных сочувствующих Р.К.П.	10 чел.	19%
Не зарегистрированных в партии	27 чел.	52%
52 чел.	100%	

На основании цифр этих пяти таблиц можно дать приблизительно такую характеристику состава курсантов: состав курсантов чрезвычайно пестрый; преобладающим элементом является молодежь в возрасте до 25 лет (50%), рабоче-крестьянская по своему социальному составу (71%), с низшим образованием (86%), без стажа (61%) и беспартийная (52%). Но эта сухая картина не дает еще полного представления о курсантах. В нее необходимо ввести некоторые коррективы, весьма существенные для понимания хода занятий:

1. Пестрота профессионального состава курсантов была много значительнее, чем указывает таблица: 32 человека рабочих принадлежат к 18 различным профессиям (кондитер, повар, булочник, сапожники, портные, ткач, мебельный обойщик, маляры, ретушер, печатники, переплетчик, токаря, слесарь, сварщик, приказчики, чернорабочий).

Низкий образовательный ценз курсантов еще не обозначает такого же низкого культурного уровня их. Для правильного понимания состава курсантов с этой стороны следует сказать, что всех командированных на курсы было 75 человек. Все они были подвергнуты испытанию в особой комиссии. Испытание сводилось к собеседованию на общественно-политические и литературные темы и к письменным работам.

В результате из 75 человек было отобрано 60. Но из этих 60 человек в первый же месяц занятий почувствовали себя слабо подготовленными и выбыли с курсов еще 8 человек. Таким образом, произошел некоторый отбор курсантов, в результате которого уровень их подготовки значительно повысился. Недостаток школьного образования во многих случаях пополнялся стажем. Ярким примером условности образовательного ценза служит тов. Л. – чернорабочий, выучившийся читать уже взрослым, писавший с грамматической и стилистической стороны самым невозможным образом, «хуже младенца», но избранный коммунистической ячейкой курсов в свои председатели, поражавший нас во время занятий правильностью понимания прочитанных книг и меткостью их оценки. Забегая несколько вперед, следует сказать, что в массе своей курсанты оказались вполне способными к весьма интенсивной работе и к быстрому культурному росту.

3. Партийность слушателей следует понимать весьма условно. При обсуждении весьма жгучих вопросов, поднимавшихся во время прохождения курса, я не мог констатировать сколько-нибудь ощутимой разницы между коммунистической и беспартийной частью курсантов, ни в их отношении к идеям социалистического строительства, ни в оценке буржуазных партий, ни в отношении к авторам прочитанных книг и брошюр, из которых многие являются вождями коммунизма. Наблюдения над интимной жизнью курсантов, живших в общежитии, так же не давало никаких данных, по которым можно было бы судить о каком-нибудь политическом расхождении в их среде. Таков, в общих чертах, был тот «человеческий материал», с которым пришлось иметь дело, из которого в кратчайший срок надо было приготовить библиотекарей.

Определение задач курса.

Как уже было указано выше, темой моих занятий с курсантами были вопросы «Советской конституции и принципов социалистического строительства» применительно к специфическим заданиям курсов. Но такое определение еще очень мало содержательно. Что значит «применительно к специфическим заданиям курсов»? Это понятие было до некоторой степени расшифровано на первом лекторском собрании курсов. Основная мысль его была изложена А.А. Покровским и может быть сформулирована так: наша задача – подготовка библиотекарей, т.е. людей, имеющих дело, с одной стороны, с мертвым орудием просвещения – с книгой, с другой – с живыми людьми, читателями этой книги. Библиотекарь – посредник между теми и другими. Он должен умело и сознательно подойти к тем и другим, уметь читать и оценивать книгу, уметь оценивать читателя и, как результат такой двухсторонней оценки, быть не машинкой для выдачи книг и их регистрации, хотя бы технически весьма совершенной и даже построенной на точных научных данных, но живым общественным работником, сознательно и планомерно ведущим высокой важности и ответственности работу – работу руководства чтением массового читателя.*

Из этого основного понимания и из особенностей состава курсантов, как следствие, вытекали задачи лектора-руководителя:

1. Научить мало подготовленных курсантов внимательно и сознательно читать книгу.
2. Убить в них остаток слепой веры в печатную букву и приучить их к критическому отношению к прочитанному.
3. Приучить оценивать книгу по отношению к читателю, к его социальному положению, степени его развития, психическому укладу, полу, возрасту и т.д.

* Следует оговориться: ни на предварительном лекторском собрании, ни в течение самих занятий никем не были даны задания курса в ясных и точных выражениях. Та формулировка, которая дается здесь, отчетливо и ясно вылилась у меня только теперь, когда два месяца спустя после окончания курсов я пытаюсь подвести некоторые итоги проделанной, в значительной части ощупью, работе.

4. Выяснить уже имеющийся у курсантов опыт и познания в области советской конституции и социалистического строительства, дать в этой области новые познания и уложить все эти данные в одну стройную, логическую систему, по возможности вполне законченную.

5. Дать библиографический обзор имеющейся популярной литературы по вопросам курса.

Метод занятий.

Таковы были задания. Предстояло найти пути, на которых они могли бы быть легче и полнее осуществлены. Классный метод занятий со всеми его недостатками, хорошо известными по личному опыту каждому, учившемуся в дореволюционной средней школе, был мною отвергнут безо всяких колебаний.

Лекционный метод. За ним следует признать некоторые несомненные достоинства. Он с успехом может быть применен талантливым лектором в однородной по своему составу аудитории:

1. Он дает лектору возможность обслуживать одновременно очень многочисленную, ограниченную только размером помещения и голосовыми средствами самого лектора, аудиторию.

2. Пользуясь им, лектор в кратчайший срок дает слушателям максимум познаний, облеченных в строго логическую, готовую форму. Но он не свободен от некоторых недостатков, делающих его мало пригодным для аудитории нового типа, подобно нашей, порожденной революцией: 1) он приучает слушателей к пассивному восприятию, убивая в них энергию и самодеятельность, активное творческое отношение к изучаемому предмету; 2) не дает возможности лектору проверить интересы и запросы аудитории и определить степень усвояемости преподаваемого материала; 3) в разнокалиберной по составу аудитории заставляет лектора равняться по одному из слоев, оставляя более или менее неудовлетворенными все остальные.

Третий путь – путь практических семинарских занятий. Априорно его следует признать наиболее подходящим для аудитории того состава, с которой нам пришлось иметь дело. За исключением разве только преимуществ обслуживания одним лицом очень большой аудитории, он обладает всеми достоинствами лекционного метода и свободен от всех его недостатков. Он гибок, позволяет быстро освоиться с уровнем развития и запросами аудитории, при занятиях позволяет пользоваться познаниями и житейским опытом, уже накопленными аудиторией, позволяет подметить индивидуальные особенности и склонности отдельных ее членов и идти им навстречу, позволяет до бесконечности варьировать перед слушателями, как темы занятий, так и формы и способы их решения. Наконец, что самое важное, он и только он один дает полный простор развитию активности и творческой самодеятельности курсантов.

Но у него есть одна сторона, делающая его применение при некоторых обстоятельствах чрезвычайно затруднительным: он требует от аудитории большого самоотвержения, упорной, утомительной и напряженной работы, как в классе с лектором, так и на дому.

Второе затруднение касается лектора-руководителя: практика показывает, что максимальный размер группы, с которой можно вести занятия, не теряя интенсивности и вполне ее обслуживая, не должен превышать 25-30 человек.

Кроме того, помимо работы в аудитории и обычной предварительной подготовки к этой работе, лектору-руководителю приходится проделывать очень сложную и ответственную работу ознакомления, вернее, изучения работ слушателей, на что приходится затрачивать времени в три-четыре раза более, чем то, которое идет на непосредственное руководство занятиями в классе. При нашей бедности лекторскими и руководительскими силами это обстоятельство легко может в глазах неопытного, или предубежденного лектора приобрести большее значение, чем оно того заслуживает: забегая несколько вперед, должен сказать, что потеря времени с избытком окупается интенсивностью и продуктивностью занятий.

Сопоставляя поставленные передо мной задачи с составом курсантов, я, после небольшого колебания, встал на этот третий путь – путь студийно-семинарских занятий и провел его со слушателями до конца курсов.

Ход занятий.

Прежде всего все слушатели были разбиты на две группы. Равные по численности, они оказались несколько неодинаковыми по составу, что, впрочем, нисколько не помешало вести занятия в них по одному и тому плану.

Самые занятия были организованы так: я заранее подобрал популярную литературу по вопросам советской конституции и разным отраслям социалистического строительства: около 30 брошюр и книжек. Эти книжки и брошюры были следующие:

А) Советская конституция.

1. Крупская – Конституция Р.С.Ф.С.Р.
2. Радек [(К.Б. Собрельсон)] – Письмо к иностранным рабочим о советской конституции.
3. Глебов – Наш основной закон.
4. Осинский [(В.В. Оболенский)] – Демократическая республика и Советская Республика.
5. Стучка – Конституция Р.С.Ф.С.Р. в вопросах и ответах.
6. Карпинский – На чьей стороне справедливость.
7. Текст советской конституции.

Б) Красная армия.

1. Зиновьев [(Г.Е. Радомысльский)] – Что должен знать коммунист-красноармеец.
2. Смилга – Строительство армии.
3. Шлихтер – Гражданская война.
4. Карпинский – Два года борьбы.

В) Советская власть и религия.

1. Свэн [(И.Л. Кремлев)]. О свободе совести и отделении церкви от государства.
2. Буров – Закон о свободе совести.

Г) Советская власть и семья.

1. Бухарин – Работница, к тебе наше слово!
2. Коллонтай – Семья и коммунистическое государство.

Д) Советская власть и народное образование.

1. Крупская – Демократия и народное образование.
2. Керженцев – Культура и Советская власть.

Е) Продовольственная политика Советской власти.

1. [П.М.] Иванов. Кто виноват, что мы голодаем.

Ж) Земельная политика Советской власти.

1. Ленин – Речь на совещании по работе в деревне.
2. Преображенский – О сельскохозяйственных коммунах.
3. В. Мещеряков – О сельскохозяйственных коммунах.
4. В. Мещеряков – Что нужно знать каждому крестьянину.

З) Экономическая политика Советской власти.

1. Осинский [(В.В. Оболенский)] – Строительство социализма.
2. Степанов – От рабочего контроля к рабочему управлению.
3. Милютин – Современное экономическое развитие России.
4. Ленин – Великий почин.

И) Международное положение Советской России.

1. Троцкий – Советская власть и международный социализм.

К) Итоги Советской власти.

1. Иванов – О том, что сделало Советское правительство в России.
2. Зенькович – Два года власти рабочих и крестьян.*

Все книги и брошюры были розданы курсантам, по три экземпляра одноименных книг и брошюр на каждую группу. Каждому из курсантов было предложено внимательно прочитать и дать письменный отзыв не менее чем о трех различных книгах. А для того, чтобы показать наглядно, в чем должна заключаться эта работа, мы проделали ее коллективно, всей группой, над одной из брошюр.

Мы взяли брошюру Н. Крупской «Конституция Р.С.Ф.С.Р. и прочли ее вслух. Чтение велось попеременно: лектором и курсантами. По окончании чтения один из слушателей изложил содержание брошюры. Это изложение поправлялось и дополнялось другими курсантами. После этого была внимательно осмотрена внешность брошюры: формат, бумага, печать, нумерация страниц, обложка, автор, заглавие, год и место издания, издательство, типография. Затем перешли к оценке содержания брошюры: констатировали наличность исторического введения, сравнительное (по размерам брошюры) обилие фактического материала, спокойно-объективный тон изложения, простоту и ясность содержания, отсутствие непонятных иностранных слов.

Обратили внимание на порядок изложения, не постатейный, по тексту конституции, а логический. В качестве недостатка брошюры отметили пропуск в ней того раздела конституции, в котором говорится о государственных доходах и расходах, и слишком схематичное изложение избирательного закона. Отметим, что брошюра хорошо излагает основные принципы советской конституции, но не исчерпывает всего ее содержания, что она может служить введением в изучение текста конституции, но не является его комментарием, а тем менее – справочником. Непригодна также в качестве агитационного средства.

Перейдя к оценке брошюры с точки зрения библиотекаря, пришли к выводу, что брошюра по содержанию и способу изложения пригодна для всякого, даже самого неподготовленного читателя, но читается с интересом и читателем вполне культурным. Лучше подойдет к читателю, склонному к абстрактному мышлению, чем к читателю-практику, ищущему в книге прежде всего полезных указаний.

По образцу этого разбора курсантам было предложено составить письменные отзывы обо всех розданных им брошюрах. Эти отзывы, составленные курсантами на дому, передавались на предварительный просмотр руководителю занятий, а затем обсуждались в группе. Порядок обсуждения был таков: Один из курсантов – авторов одноименных рецензий, устно, возможно подробнее, излагал содержание прочитанной книжки, другие авторы рецензий на ту же книжку выступали содокладчиками, пополняя и корректируя изложение первого.

* Случайный характер набора книг и брошюр объясняется трудностью нахождения подходящей литературы в Москве. Мы не могли получить целого ряда брошюр, например, такой основной как «Азбука коммунизма» Бухарина и Преображенского.

После этого зачитывались письменные отзывы о книжке и открывались прения. Прения велись как по поводу самой брошюры, так и по поводу отзывов о ней. Заключительное слово, вопреки установившейся практике, предоставлялось не докладчиком, а руководителю занятиями, резюмировавшему все сказанное и дававшему окончательную оценку, как книгам, так и рецензиям. Таков был общий план занятий.

Затруднения, возникшие в начале занятий.

Первые шаги были довольно трудны. Рецензии, представленные курсантами, грешили шаблонностью, трудно было вызвать курсантов на прения. Видно было, что докладчик подавлен авторитетом автора книги, не привык критически относиться к прочитанному, не умеет оценить книжку со стороны ее пригодности для того или иного типа читателей. Да и самое представление курсантов о читательских типах в начале занятий было очень смутным*.

Сравнительная популярность разбираемых книг и брошюр делала их легко понятными и усвояемыми. Изложение содержания с самого начала занятий по полноте и точности пересказа не оставляло желать лучшего. Но усвояемость была чисто пассивной, т.е. не достигалась главная цель, поставленная руководителями занятий – активное отношение к прочитанной книге. Пришлось искать выход из создавшегося положения. Анализируя причины неудачи, я пришел к следующим выводам: 1) курсанты слишком мало книжно образованы, в их распоряжении нет или почти нет материала для сравнения, а оценка лучше всего достигается сравнением; 2) курсанты не умеют читать [(не формально, а по существу)]. В процессе чтения все внимание их поглощено усвоением содержания; 3) они слишком робки и скромны. Авторитет автора брошюры убивает в них критические инстинкты. Им не может прийти в голову, что слово, вышедшее из-под пера даже посредственного, не говоря уже знаменитого, автора, может оказаться не всегда и не везде пригодным.

Легче всего было преодолеть это третье препятствие, тормозившее ход наших занятий. Для этого я прибег к такому приему: взял одну из самых слабых брошюр и подвергнул ее придирчивой, уничтожающей критике. Этот прием возымел желаемое действие. Вначале курсанты, казалось, были ошеломлены, но сейчас же посыпался ряд замечаний, еще резче подчеркивающих недостатки книги. После этого в обращении курсантов с книгами чувствовалось уже больше свободы.

Второй дефект – отсутствие навыка к чтению, очевидно, мог быть исправлен только упорной, систематической работой всех курсов, не только моих занятий, но и занятий остальных лекторов. И действительно, рецензии, представленные в конце занятий, выгодно отличались от первых своей относительной полнотой и объективностью.

Почти то же самое приходится сказать и про первый дефект. Но для устранения его оказалось возможным найти и другие пути. Прежде всего, я стал было на путь сокращения времени на разбор рецензий и перешел к использованию критического метода – наводящих вопросов, но быстро отказался от него. Было ясно, что в данной обстановке наводящие вопросы в сущности представляют из себя подсказывание ответа, т.е. опять-таки являются средством, не поднимающим активность курсантов, а скорее понижающим ее. Тогда мы стали искать новый выход и нашли его в групповых рецензиях. Вместо того, чтобы писать рецензии на каждую отдельную брошюру и обсуждать ее независимо от остальных брошюр и рецензий, мы перешли на сравнительные рецензии, оценивающие ряд брошюр, написанных разными авторами на одну и ту же или на сходные темы.

* Разбор читательских типов велся параллельно другим лектором и не входил непосредственно в задачи нашего курса.

Этот прием имел успех. Имея под руками материал для сравнения, хотя бы в виде двух, трех, четырех брошюр, курсанты писали много более интересные рецензии, и обсуждение выигрывало в полноте, живости и богатстве, как материала, так и выводов.

В дальнейшем, по мере того, как у курсантов в головах накапливался более значительный материал от предыдущих занятий, этот прием утратил первоначальное значение; но мы продолжали им пользоваться, для подытоживания определенных, пройденных ступеней занятий.

Значение каждой из трех стадий занятий

Каждая из трех стадий работы, которую мы проделывали над учебным материалом, т.е. изложение содержания, письменная рецензия и обсуждение ее, имеет в общем процессе занятий свою относительную ценность. В нашей аудитории наименьшее значение приходилось придавать изложению содержания, и вот почему. Вследствие того, что, с одной стороны, брошюры по содержанию были довольно элементарны, с другой – трактуемые в них вопросы – злободневные политические вопросы, висящие в воздухе – были уже более или менее знакомы курсантам, пересказ прочитанного давался курсантам довольно легко.

Конечно, и в изложении бывали дефекты. Цепляясь за детали, курсанты сплошь да рядом упускали из виду основную идею автора или же, наоборот, их изложение грешило краткостью и схематичностью, сводясь к повторению общих мест и избитых положений. Но в общем и целом оно, повторяю, было удовлетворительно и оказывалось вполне пригодным материалом для дальнейших наших операций над каждой из брошюр, особенно, если вспомнить, что изложение одного докладчика пополнялось и исправлялось двумя-тремя содокладчиками. Педагогическое значение такого рода изложения очевидно. Оно сводится к развитию у курсантов навыков устной речи, чрезвычайно важных для них, как будущих библиотекарей.

Второй стадии – письменной оценке брошюр приходится придавать более важное значение. Письменная рецензия, представляя из себя вещественный документ, доказательство определенной работы, приучает курсантов к ответственному чтению, чтению не для препровождения времени, не для саморазвития и самообразования, но к чтению, как определенному приему общественно-необходимой работы, результаты которой полезны и нужны для других людей не менее, чем для самого читающего. Другое важное значение письменных работ, особенно важное в нашей, часто малоподготовленной аудитории, это – овладение техникой письма как со стороны грамматической, так и приобретения навыков письменного изложения своих мыслей. Третье важное значение – чисто психологического характера: имея перед собой вещественный результат своей работы над книгой, курсант получает известное нравственное удовлетворение, и благодаря этому у него растет интерес к ней и желание дальнейшего совершенствования.

В предыдущем мы уже указывали, что первые работы курсантов были довольно слабы. Оценка книг очень поверхностна и шаблонна. Просматривая теперь результаты всей выполненной в течение курса работы в виде 114 рецензий, написанных 56 курсантами о 32 книгах и брошюрах, приходится констатировать, что и в данной области курсанты проявили значительный успех. Но все-таки письменные рецензии в общем слабы, слабее, чем мы ожидали в начале занятий.

Наряду с прекрасными рецензиями, дающими исчерпывающую характеристику прочитанной брошюры, большая часть их сводится к суммарному изложению содержания, с указанием моментов, почему-либо поразивших курсантов, и к шаблонному указанию: «книга пригодна для малограмотного, хорошо грамотного, вполне развитого читателя», «недостатков не замечено». При этом в сравнительно редких случаях дается указание, почему внимание курсанта остановилось на тех или иных моментах содержания и почему он считает книгу пригодной для известного круга читателей.

В чем причины слабости письменных рецензий? Их, конечно, много. Наряду с малоподготовленностью курсантов здесь может играть роль определенная приверженность к факту, реальности и непривычка или нелюбовь к отвлеченным рассуждениям, когда-то доставившие много горьких минут Глебу Успенскому при его знакомстве с письменными работами крестьянских детей, учеников сельской школы. Некоторая доля вины, может быть, должна упасть на меня, как на руководителя работ курсантов, не сумевшего в процессе занятий усилить внимание курсантов к этой стороне дела. Следовало бы, наряду с рецензиями, выдвинуть и другой вид письменных работ – рефераты на определенные темы, связанные с содержанием прочитанных книг.

В дальнейшем я коснусь момента занятий, с которыми можно было бы связать такого рода рефераты*. Некоторым объяснением этого упущения может служить крайняя ограниченность бывшего в моем распоряжении времени и желание довести до конца намеченный план занятий, не отвлекаясь от него в сторону.

Как бы то ни было, слабость и малоудовлетворительность большинства рецензий не лишают их огромного педагогического значения и не могут служить доказательством неправильности избранного метода занятий. Скорее, наоборот. Но тем большее значение приходится придавать третьей стадии наших работ – обсуждению докладов и рецензий. Подобно тому как плохая книжка или брошюра часто являлись для нас лучшим учебным материалом, так и слабость рецензий делала особенно интересной и значительной эту часть нашей работы. Помимо столкновения мнений, от которого, по французской поговорке, сверкает блеск истины, помимо того, что здесь исправлялись все дефекты изложения содержания и оценки книг, немаловажное значение приходится придавать самому факту публичных выступлений курсантов.

Я уже раньше упомянул об ответственном чтении. Публичное обсуждение прочитанных рецензий придавало этой ответственности определенное, реальное выражение. Курсант знает, что его работа будет не только оглашена в присутствии его товарищей и руководителя занятиями, но и подвергнута тщательной критике и разбору. Он должен обдумать каждую свою фразу, подготовиться к защите каждого своего утверждения. Дисциплинирующее ум и волю значение этого обстоятельства очевидно. Кроме того, публичные выступления являются одним из важных элементов профессиональной деятельности библиотекаря. Хотя наши публичные выступления ограничивались привычной средой – 30 человек постоянных соучастников общей работы, тем не менее приобретенные здесь навыки не могли остаться бесследными и для будущего.

* Чрезвычайно богатым материалом для уяснения причин слабости письменных работ курсантов являются те 114 рецензий, которые были ими написаны. Внимательный и подробный анализ их в связи с характеристикой их авторов и общим ходом занятий дал бы много поучительного материала для постановки подобного рода занятий. Но, с одной стороны, эта чрезвычайно сложная и ответственная работа требует большего количества свободного времени, чем то, которым я располагаю, с другой – результатом такого анализа явилась бы объемистая книжка, далеко превосходящая издательские возможности политпросветотдела и потому не могущая быть опубликованной.

Наконец, едва ли не самое важное значение следует придать моменту коллективности, сотрудничества. Прочитать книгу, написать на нее рецензию – все это работа одного курсанта, его индивидуальное творчество. Лишь в обсуждении докладов и рефератов выступал момент коллективной работы, коллективного творчества. Удачная мысль, удачное ее выражение быстро усваивается всем коллективом, неудачная формулировка корректируется и пополняется оппонентами, возбуждает чувство соревнования и вся умственная работа курсов достигает высшей степени напряженности, правда, подчас утомительной, но всегда радостной и в высшей степени продуктивной.

Эта стадия работы вышла у нас центральным пунктом всех занятий. И я должен констатировать с чувством известного удовлетворения, что она протекала у нас достаточно успешно. Был один опасный момент – опасность впасть в шаблон, в трафарет. Дело в том, что нами наперед была выработана схема рецензий: внешние качества книги, ее содержание, форма изложения, оценка достоинств и недостатков, и мы рисковали, повторяя наши суждения изо дня в день по одному и тому же плану, выработать у себя привычку к избитым формам мышления, превратить прения и обсуждение в своего рода словесную гимнастику, в повторение и комбинирование старых, уже усвоенных понятий. Но мы счастливо избежали этой опасности, варьируя изо дня в день темы наших суждений, вводя в них новые, еще неизвестные понятия.

Конечно, некоторая доля суждений неизбежно должна была повторяться изо дня в день, в соответствии с предназначенным к разбору списком книг и брошюр. Но наряду с этим мы выдвигали в процессе прений какой-нибудь основной вопрос, имевший то или иное отношение к разбираемой брошюре и общей цели занятий, и подвергали его тщательному и всестороннему обсуждению: сегодня мы останавливались на драматическом способе изложения и на его пригодности для популяризации политических знаний (по поводу брошюры Карпинского: «На чьей стороне справедливость»), завтра – на историческом методе изложения, на следующий день занимались вопросом о брошюрах пропагандистского и агитационного характера и на типах читателей – эмоциональном и рационалистическом, еще через день занимались вопросом о том, что такое фактический материал и какова его ценность в популярной брошюре и в научном трактате и т.д.

Наряду с этими, так сказать, узкоспециальными темами выдвигались нами темы, непосредственно вытекающие из содержания прочитанных книг и брошюр; Такими темами служат, например, следующие: «В чем должна заключаться партийная работа в деревне» (по поводу речи тов. Ленина на Всероссийском Совещании по поводу работы в деревне), о коммунистических субботниках, трудовой мобилизации и трудовой дисциплине (по поводу брошюры Ленина «Великий почин»), назначении и выборности в Красной армии (по поводу брошюры Смилги «Строительство армии») и т.д. Каждая новая брошюра давала нам новую тему методического или политического характера*.

Много оживления вносили в наши занятия мои краткие биографические сообщения о том или ином из авторов прочитанных нами брошюр, наряду с эпизодическими рассказами, по личным воспоминаниям, об условиях и методах нашей прошлой нелегальной работы, особенно о событиях 1905-1906 г.г. в Москве и ее окрестностях. Эти сообщения и рассказы придавали особую живость и интерес занятиям. За отвлеченной мыслью, изложенной в брошюре, вставал живой образ автора – борца за революцию, не щадившего для нее ни сил, ни здоровья, ни самой жизни. Такое сопоставление роднило курсантов с революционным прошлым и сразу делало близкими и дорогими те мысли и образы, которые они черпали из прочитанных книг.

* Выше я указывал на дефекты, допущенные в организации письменных работ курсантов. Наряду с рецензиями о прочитанных книгах следовало бы предложить курсантам писать рефераты на перечисленные сейчас темы, а также на темы аналогичного характера.

Пестрота состава курсантов и ее влияние на ход занятий.

При обсуждении вопроса об организации всякого рода курсов чрезвычайно спорным является, обычно, вопрос о составе курсантов. Обычно, стараются заранее наметить какой-нибудь определенный образовательный ценз и подогнать к нему учебный план и программу занятий. Это стремление к однородности состава курсов вполне понятно и законно с точки зрения сторонников лекционного метода занятий. Является ли оно таким же необходимым при той организации занятий, которая очерчена выше? Является ли пестрота состава курсантов обстоятельством положительным или отрицательным?

Опыт наших курсов если и не вполне разрешает этот вопрос, то все-таки позволяет ответить, что непреодолимым препятствием пестрота состава в деле организации курсов не является. И если на педагогической стороне дела она иногда отзывается вредно, то все же в ней есть целый ряд положительных сторон. При коллективной работе можно было опасаться, что более развитые и образованные курсанты будут своими рефератами и выступлениями оставлять в тени и будут «забывать» менее подготовленных. Ничего подобного не случилось. Эта, более развитая часть курсантов, без всякого с нашей стороны давления нашла в себе достаточно такта, чтобы не мешать выступлениям менее подготовленных. И обычно только в опасные для занятий моменты, когда беседа готова была погаснуть из-за отсутствия свежего материала, они позволяли себе выступление и своими замечаниями направляли собеседование по новому руслу. Правда, их рефераты и рецензии в большинстве случаев представляли особую ценность, но они были немногочисленны и не превалировали над остальными.

Благотворное влияние более развитой части курсантов на общий ход занятий этим не ограничивалось. Во всем ходе занятий чувствовалось, что более образованная часть аудитории оказывает существенную поддержку и помощь менее подготовленным. Это обстоятельство нашло себе резкое выражение в различии в ходе занятий в каждой из двух групп, на которые были разбиты курсанты. В первую группу, наряду с курсантами, мало подготовленными, вошли почти все более подготовленные. Вторая же группа оказалась лишенной этого более подготовленного слоя. И единогласное мнение лекторского собрания с участием представителей от самих курсантов констатировало бóльшую живость занятий в первой группе и бóльшую вялость во второй и приписало это обстоятельство как раз отсутствию во второй группе инициативных, развитых элементов. На собрании поднимался даже вопрос о новой перегруппировке курсантов, но эта мысль была оставлена из-за нежелания на краткосрочных курсах ломать ход занятий.

С другой стороны, более подготовленный интеллигентный слой курсантов тоже вынес определенную для себя пользу от совместной работы с чисто пролетарскими элементами. Знание быта, рабочей обстановки, психического уклада рабочих и крестьян – этой массовой клиентуры внешкольных учреждений, подлинная, жизненная правдивость идей социалистического строительства, засвидетельствованная рабочей по своему составу аудиторией, не могла пройти бесследно для интеллигентной ее части. А то обстоятельство, что и в аудитории, и в общежитии курсанты – интеллигенты и пролетарии представляли из себя удивительно тесную, дружную и сплоченную семью, одушевленную общим порывом к работе и знанию, является достаточным доказательством всей пользы такого рода смешения.

Продолжительность курса.

Само собой понятно, что на краткосрочных (двухмесячных) курсах не могло быть уделено много времени для занятий по одному предмету. Да этого и не требовалось при той цели, которая нами была поставлена. Исчерпывающего знания предмета нами не могло быть дано.

Наша задача была много скромнее: положить основу для самообразования и саморазвития курсантов и наметить вехи, в которых курсанты почерпнутые на курсах и после курсов знания могли бы использовать для своей будущей повседневной библиотечной работы. Для занятий по нашему курсу мне было уделено по 48 часов для каждой группы, по 16 трехчасовых лекций. Так как во время занятий мы устраивали два перерыва по 10-15 минут, то общее количество времени, использованного для занятий, надо считать около 40 часов. За это время нами было разобрано свыше 30 книг и брошюр. Другими словами, на изложение содержания, зачитывание письменных отзывов, прения и собеседования приходилось немного больше часу времени для каждой брошюры. Но этим не ограничивалось количество времени, израсходованное как курсантами, так и лектором-руководителем.

О количестве времени, употребленного курсантами на домашнюю подготовку, трудно сказать что-нибудь определенное, так как, к сожалению, систематического опроса курсантов не производилось. Но, принимая во внимание неоднократные указания курсантов на перегруженность домашними работами, надо думать, что им пришлось уделить для этого не мало времени. Относительно же подготовительной работы лектора можно привести вполне точные цифры: на просмотр книг, на предварительный просмотр 114 представленных рецензий и на прочие подготовительные работы мне приходилось уделять в течение двух месяцев по три часа ежедневно. Таким образом 96 часам работы в аудитории (по 48 часов в двух группах) соответствовало вдвое большее количество времени подготовительных работ.

Оценка результатов.

Оценка достигнутых результатов мною, лектором-руководителем, разумеется, может быть уже только субъективная, с этой стороны я могу сказать только одно. С февраля месяца 1919 года, когда мне, после долгого вынужденного перерыва, пришлось в новых условиях и в новой обстановке вести внешкольную работу, я ни разу, быть может, за исключением работы на 1-ом Всероссийском Съезде по внешкольному образованию, не получил столько внутреннего удовлетворения, столько чувства радости и сознания глубокой продуктивности затраченного времени и труда, как на этих курсах. За последние два года мне пришлось участвовать в качестве лектора и руководителя на 12 различных курсах. В итоге всякий раз получалось довольно горькое чувство или неудовлетворенности собой и аудиторией, или неопределенности, невозможности дать себе ясный отчет, каких же результатов добился. И только на последних курсах я ясно ощущал умственный рост аудитории, видел перед собою результаты нашей совместной работы. Эти результаты были единодушно засвидетельствованы самими курсантами на заключительной конференции.

Заключение.

В предыдущем изложении мы пытались грубыми штрихами набросать картину применения семинарского метода ведения занятий. Хотя наш опыт и относится к курсам специального характера, но мы полагаем, что данные его, с некоторыми изменениями в выборе тем и характере занятий, могут быть распространены и на другие курсы – как общеобразовательные, так и специальные. В самом деле, метод ведения занятий определяется (если исключить личную склонность лектора), с одной стороны – целями, которые ставят перед собой курсы, с другой – составом курсантов. Что касается состава курсантов, то, как можно видеть из предыдущего, он ничем не отличается от обычного состава любых общеобразовательных курсов. Да и большая часть специальных курсов приближается в этом отношении к нашему.

Цели же курсов (общеобразовательные, библиотечные, лекторские, инструкторские и друг.) могут повлечь за собой некоторое изменение в выборе тем, но не в самом методе. Так, например, на общеобразовательных курсах пришлось бы ограничиться исключительно рефератной проработкой содержания прочитанных книг и брошюр, не вдаваясь в вопросы оценки их со стороны библиотечной. Эти же или подобные им темы должны разрабатываться и на специальных курсах. Но на них, наряду с ними, должны фигурировать темы специального характера. Характер тем для библиотечных курсов очерчен выше.

На курсах по подготовке учителей школ взрослых, помимо тем общих, должны составляться и разрабатываться конспекты уроков и схемы практических занятий по отдельным вопросам советской конституции и социалистического строительства. С проработанными в аудитории конспектами и схемами курсанты должны затем выступать в существующих в городе школах для взрослых. Результаты занятий опять тоже подлежат разбору и оценке семинария. На курсах по подготовке лекторов, агитаторов, руководителей клубной работы и т.п. темами для рефератов и практических задач могли бы служить составление и разбор конспектов эпизодических и цикловых лекций и бесед, выступление с этими лекциями и беседами сначала в аудитории курсов, а затем в рабочих аудиториях города, с наступающей [(последующей)] оценкой этих выступлений другими курсантами. Мы не даем готового списка тем и полагаем, что это совершенно лишнее. Оглавление любой книжки, любая ее страница могут дать неисчерпаемый список тем.

Дело лектора и руководителя подобрать темы, с одной стороны, так, чтобы они были связаны в одну цельную тему, по возможности исчерпывающую намеченную программу, с другой, чтобы они подходили к степени развития курсантов и удовлетворяли обнаруженным ими запросам и интересам. Только при этих условиях занятия пойдут живо и интересно, а поэтому и выбор тем должен не предшествовать началу занятий, а сопровождать его. Только после некоторого предварительного ознакомления с курсантами лектор-руководитель может приступить к раздаче тем, имея всегда наготове запас [тем], которыми можно было бы заменить оказавшиеся неудачными. И чем более творческой фантазии и внимания к индивидуальным склонностям курсантов лектор обнаружит, тем живее и продуктивнее будут идти занятия.

Государственное издательство, 1921

Из трудовой книжки Софии Робертовны Богомоловой-Гардениной

Фугерман

Р. С. Ф. С. Р.

Не трудящийся да не ест! Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ТРУДОВАЯ КНИЖКА

Гардениной

1. Фамилия *Богомолова*

Имя *София*

Отчество *Робертовна*

Место рождения *Швейцария* губ.,
Лозанна уезда,
ВОЛОСТИ.

Село
город

Время рождения *27 сентября*
1892 года

Место постоянного жительства
Мещ. Район Москвит
Москвит
Рязанско-Свишков
Москвит
Зав. Зав. М. Демон
10/226

II. Основная профессия Юристка

Какие ремесла знает З
профессии

III. Грамотен ли грамотна

Образование общее Окончила
специальное Московский Университет

IV. Отметки о браке замужества

Место выдачи и № документов, на основании которых произведена запись о браке

V. Лица, внесенные в книжку на основании примечания II ст. I декрета о трудовых книжках.

Фамилия, имя и отчество.	Возраст.	Родство.	Находится ли на иждивении младольца книжки.	Документы, на основании которых произведена запись.	Отметки об имени в записи.
Зав. делами Серасева	1920	дочь	да	св. о род. 1920 г. 12/12/20	
Наталья Серасева	1921	дочь	да	св. о род. 1921 г. 10/10/21	
Зав. делами Серасева	1924	сын	да	св. о род. 1924 г. 10/10/24	
Андрей Серасев	1926	сын	да	св. о род. 1926 г. 10/10/26	

VI. Отношение к воинской повинности

Когда и кем принят на учет

№ учетной карточки

VII. Кем выдана книжка по выдаче трудовых книжек при 39-м отд. Моск. Раб.-Кр. Сов. Милиции

На основании каких документов

Свидетельства выдан. 1-го Инспекции Комиссариатом за № 7547 28 декабря

Место выдачи

г. Москва

Время выдачи 25 марта 1920 г.

№ книжки 840

Место печати: Моск. Раб.-Кр. Сов. Милиция

Подпись

Зав. отд. М. П. К. К.

VIII. Записи Финотдела об уплате налогов (кроме социального страхования)

IX. Записи о судимости по преступлениям, предусмотренным ст. 65 Осн. Зак.

X. Отметки Отдела Труда.

Подотд. Соц. Обеспеч. и Охраны Труда.	Подотдел распредел. рабочей силы.	Отметки Профессион. Союза.

XII. Записи в местах работы.

Наименование предприятия, учреждения или хозяйства.	№ предприятия (контрольной книжки).	Адрес предприятия, учреждения или хозяйства.	Должность или род работы.	№ послышной карты полагаясь на распредел. Раб. Спис.	№ расчетной книжки.	Время поступления.	Время увольнения.	Подпись и печать учреждения, предприятия или хозяйства.
Народн. Кооп. Внешн. Торг.	57	Милославск. р.з.	Учредитель, Секретарь, Секрет. Трест. Группы в.к.с.а.ч.и.			18/II 1920.		С. Торчанов

XVI. Отметки о выдаче продовольственных карточек.

XVI. Отметки о выдаче продовольственных карточек.

Наименование карточек.	Категория классового пайка.	Количество.	№ №	Кем выдано.
Карточка Трудовой пайка	Б	1	01573	

Наименование карточек.	Категория классового пайка.	Количество.	№ №	Кем выдано.
<p>192 г. прописан ул.</p> <p>в д. № 41-е отделение милиции г. Москва.</p> <p>Делопроизводитель</p>				

Сия надпись сделана
 в том, что согласно
 определению Мар Суде
 стн 18/5-22, черновым
 брац гр. Головиной
 Софьи Рабировны с грин
 Головиной Валерианой
 Ивановны записаны
 в 1915 году 18 января в червн
 Книжка на следвах
 рассторжуют
 Граноразведной сущу
 и объявит сущевую
 драматическую

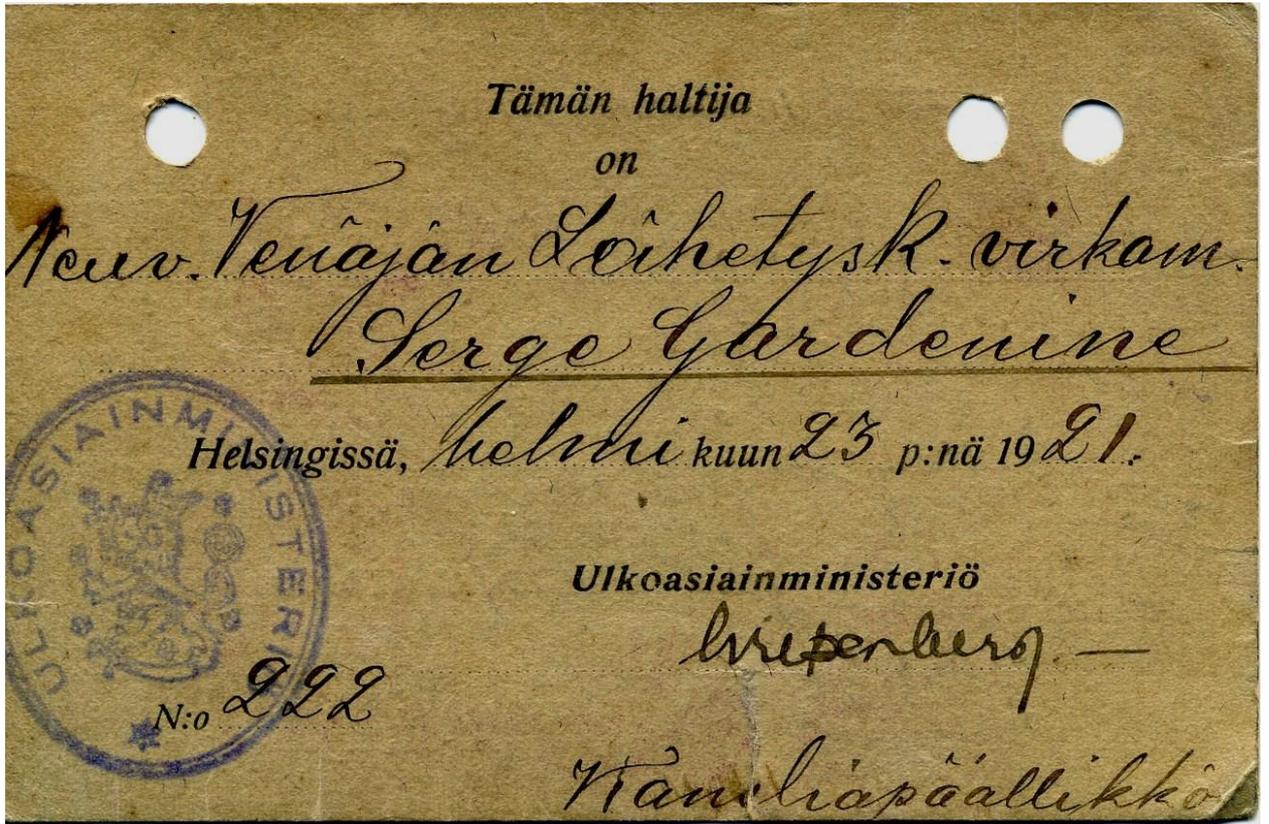
Королев. Суде
 этого документа по 2
 Госуд. Нотар. Конторе за
 свидетельствована 20.12.15
 1915 г. 26
 в реестру №

ЭКСПЕД. ЗАГОТ. ГОЛД. БУМАГ.

Временно

1927 г. 17/12
 в доме № 275
 по С. Навиан
 Паршиного
 милиции Моев
 Пронисочный
 в сумме
 в ол
 для прописки

17-27. ПРОПИСАН
 в милиции Ленинграда
 Ст. Делегированных

Софья Богомолова (2-я слева в 1-м ряду) и Сергей Гарденин (1-й справа в 3-м ряду) среди сотрудников советского торгпредства (1-й слева в 1-м ряду, по-видимому, торгпред А.М. Игнатъев), Гельсингфорс, 1921 г.*

[выходит, это уже расширенный состав, из 32 человек? – МК]

* Советская делегация в Финляндии

В Гельсингфорс прибыла советская торговая делегация. Гельсингфорский [русскоязычный] «Путь» приводит полный состав сотрудников прибывшей делегации [из 23 человек]:

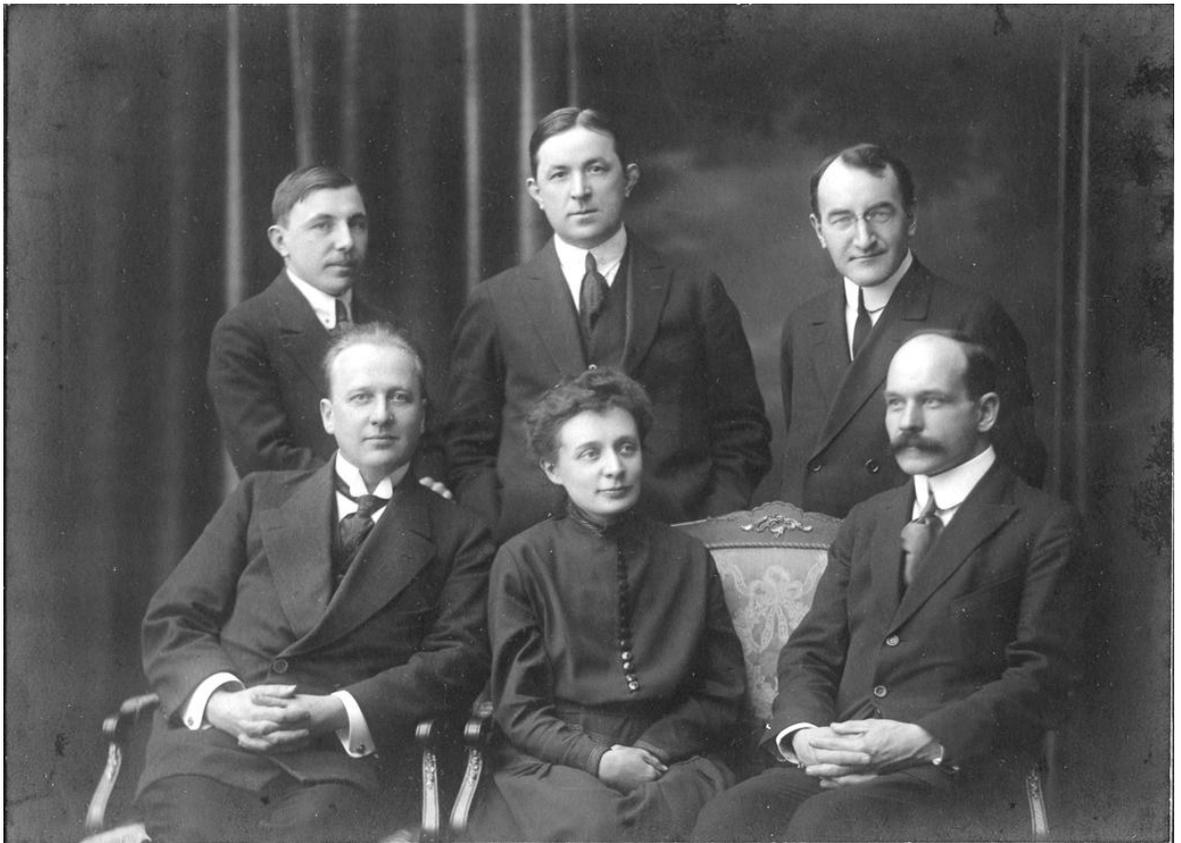
Игнатъев Александр Михайлович – уполномоченный; Буренин Николай Евгеньевич – зам. уполномоченного; Гарденин Сергей Федорович – управляющий финансовым отделом; Крит Владимир Александрович – управляющий делами; Богомолова София Робертовна – секретарь делегации; Дудаков Илья Степанович – зав. хозяйством; Брандт Антонина Эдуардовна – пом. секретаря; Штрэнг Аврора Васильевна – иностранная корреспондент; Гроссман Габриэль Юльевна – переводчица; Верещагин Николай Федорович – агент для поручений; Соболев Александр Иванович – бухгалтер; Орлов Ефрем Иванович – счетовод; Менцингер Константин Георгиевич – конторщик; Кирьянов Александр Иванович – казначей; Резцов Валентин Варламович – агент для поручений; Бобрик Александр Александрович – статистик; Соболева Антонина Казимировна – машинистка; Криммер Мария Эдуардовна – машинистка; Карбасников Николай Николаевич – эксперт по бумаге; Покровский Александр Николаевич – эксперт; Болдырев Григорий Иванович – консультант по экономическим вопросам; Горчаков Борис Михайлович – юрисконсульт и Стасов Андрей Дмитриевич – консультант.

Газета «Руль» (Берлин), 13 мая 1921 г.

(zefys.staatsbibliothek-berlin.de/dfg-viewer/?set%5Bimage%5D=2&set%5Bzoom%5D=default&set%5Bdebug%5D=0&set%5Bdouble%5D=0&set%5Bmet%5D=http%3A%2F%2Fzefys.staatsbibliothek-berlin.de%2Foai%2F%3Ftx_zefysoai_pi1%255Bidentifier%255D%3D8a351f4d-45a1-4696-8f59-6fb69a68f8a5)

Сенсационная новость была опубликована 2 августа 1921 г. в том же «Руле»:

По сообщению из Гельсингфорса, финляндская полиция раскрыла тайную организацию русских и финских рабочих по металлу. Во главе этой организации стоят члены советской миссии и торговой делегации.

С.Ф. Гарденин – крайний справа в 1-м ряду, Гельсингфорс, 1921 г.

*Сотрудники советского торгпредства, Гельсингфорс, июль 1921 г.
(С.Ф. Гарденин – 1-й слева во 2-м ряду)*

Сотрудники советского торгпредства с детьми, Гельсингфорс, июль 1921 г.
(С.Ф. Гарденин – 1-й справа в последнем ряду)

Билет делегата совещания уполномоченных Наркомвнешторга

Русско-шведские торговые отношения

(Беседа с российским торговым представителем в Швеции С.Ф. Гардениным)

В беседе с нашим сотрудником наш торгпред в Швеции тов. Гарденин следующим образом охарактеризовал наши торговые взаимоотношения со Швецией.

– После небольшой заминки в наших торговых сношениях со Швецией, продолжавшейся с августа прошлого года по апрель текущего года, заминки, вызванной преимущественно политическими мотивами, в виду отсутствия договора и др., начиная с апреля месяца наши торговые операции как по экспорту, так и по импорту, начали заметно развиваться, достигнув оборота в 4 милл. руб. зол., против 300-400 тыс. руб. зол. за соответствующий предыдущий период.

Импорт из Швеции в Россию для нас интересен, главным образом, в области машиностроения, электротехники, разных сортов стали и железа, лучших сортов бумаги и целлюлозы, разных предметов широкого хозяйственного потребления и др. Именно предметы этих отраслей мы, главным образом, до сих пор закупали в Швеции и предполагаем продолжать закупать, если не будет каких-либо осложнений, т.к. признано, что качество шведских изделий весьма высокое, чем они выгодно отличаются от более дешевых, но менее доброкачественных изделий некоторых других стран; кроме того, шведский рынок отличается аккуратным выполнением заказов в отношении сроков и условий.

Что касается нашего экспорта в Швецию, то на первом месте, конечно, стоят хлебные продукты, для которых Швеция в настоящее время является значительным потребительским рынком, вследствие невысокого урожая озимых в этой стране. По приблизительному подсчету, годовая потребность Швеции в хлебных продуктах определяется в следующих цифрах: ржи – около 150 тыс. тонн, пшеницы – около 200 тыс. тонн, овса – около 50 тыс. тонн, жмыхов – около 50 т. т. Часть своей потребности Швеция, по-видимому, покрывает из Америки. Но тем не менее для русского экспорта хлеба имеется еще достаточное поле деятельности. Из других предметов, могущих быть не без выгоды ввезенными в Швецию из России, можно указать на осиновые кряжи для спичечного производства, на лен, на жив[отное] сырье и кожсырье и др., для которых имеются довольно оживленный спрос и выгодный рынок.

Следует отметить, что в области кредита нами достигнуты весьма ощутительные успехи: некоторые шведские фирмы в настоящее время охотно принимают в уплату наши краткосрочные векселя без банковской гарантии, лишь с жиро торгпредства [(вид безналичных расчетов, передаточная надпись на векселе, чеке и т.д.)]. Однако более широкому развитию кредитных операций препятствует отсутствие юридических оснований в области наших торговых взаимоотношений из-за незаключения торгового договора. Крупные шведские банки приняли весьма непримиримую позицию по отношению к вопросам кредитования, отказываясь от приема к учету наших векселей до заключения торгового договора. Шведские промышленники и торговцы, заинтересованные в русском рынке, в этом отношении стоят на нашей стороне и настроены в пользу немедленного заключения торгового договора.

Спрос на наш хлеб до сих пор не был особенно значителен, но в настоящее время интерес к нашему хлебу все увеличивается. Усиливается так же интерес со стороны шведских импортеров к нашим льну, кудели, пеньке. Проявляется так же спрос на наши галоши, который однако не мог быть удовлетворен вследствие слишком высоких цен. Организуется собственное производство галош в Швеции, к которому привлекаются специалисты, практиковавшие в свое время в России.

«Экономическая Жизнь», 27 сентября 1923 г.

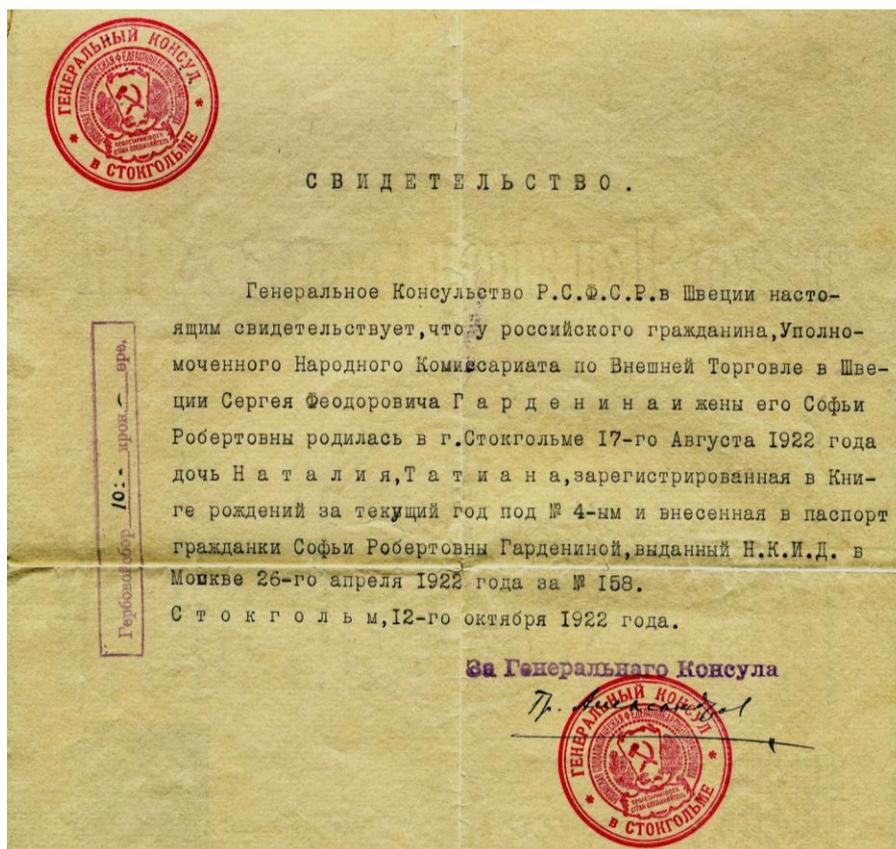

Стокгольм (в центре С.Ф. Гарденин), 1923 г.

Гарденины с дочкой Натальей, Стокгольм, 1923 г.

Свидетельство о рождении Наталии Гардениной

И.Р. Классон в гостях у сестры Софьи и племянницы Натальи Frescati (Швеция), Villa Fridhem, 8 июня 1924 г.

Frescati (Швеция), Villa Fridhem, 8 июня 1924 г. (приехал И.Р. Классон)

*Наталья Гарденина с шведской няней,
Frescati (Швеция), Villa Fridhem, 8 июня 1924 г.*

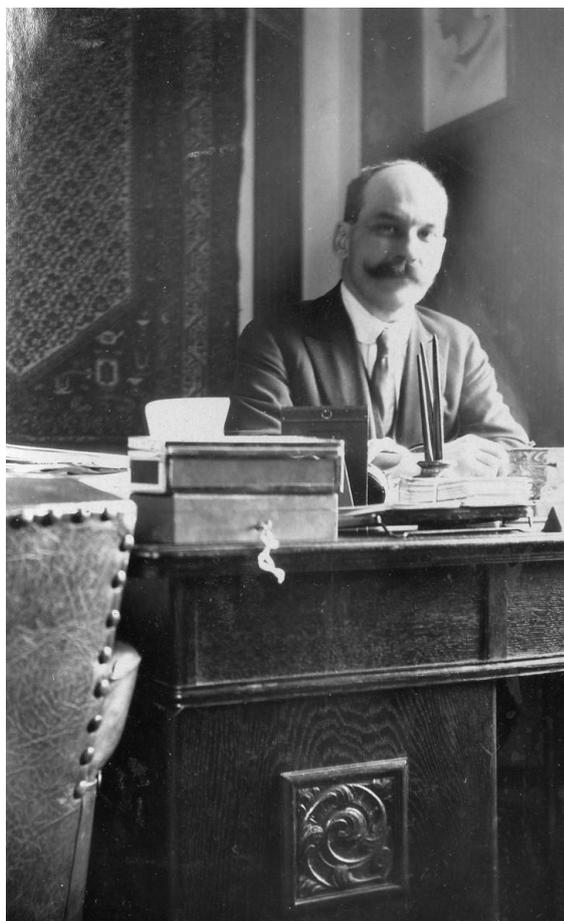
*Предположительно, 2-е Всесоюзное совещание по внешней торговле,
проходившее в Москве в январе 1924 г.
(в центре Л.Б. Красин, С.Ф. Гарденин в 3-4-м ряду слева)*

Предположительно, 2-е Всесоюзное совещание по внешней торговле, проходившее в Москве в январе 1924 г. (в центре президиума Л.Б. Красин)

Предположительно, 2-е Всесоюзное совещание по внешней торговле, проходившее в Москве в январе 1924 г. (в центре президиума Л.Б. Красин)

С.Ф. Гарденин в своем личном кабинете, Frescati (Швеция), Villa Fridhem, 8 июня 1924 г.

Наташа Гарденина с шведскими нянями, 1924 г.

17 августа 1924 г., Наташе Гардениной 2 года

С.Ф. Гарденин, Швеция, 1924 г.

С.Р. Классон-Богомолова-Гарденина, Швеция, 1924 г.

5 августа 1924 г., Андрюше 5 дней, Швеция

Билет члена профсоюза служащих в Швеции С.Ф. Гарденина

Всероссийский профессиональный союз работников советских, общественных и торговых учреждений и предприятий.

Губотдел Заграничный

Отделение Швеция

Секция

Членский билет № 18

1. Фамилия Гарденин
 имя Сергей
 отчество Средорович

2. Возраст р. 1883₂

3. Место службы Представит. НКВД.

Билет выдан срелв. месяца 25 дня 1923 г.

Секретарь А. Мишанин

Подпись владельца билета С.Ф. Гарденин

Настоящий билет теряет свою силу при неуплате членских взносов в течение 3-х месяцев.

4. Отметки по уплате членских взносов.

192 <u>3</u> год		
Июль	<u>Август</u>	<u>Сентябрь</u>
<u>Октябрь</u>	<u>Ноябрь</u>	<u>Декабрь</u>
192 <u>3</u> год		
<u>Январь</u>	<u>Февраль</u>	Март
Апрель	Май	Июнь
Июль	Август	Сентябрь
Октябрь	Ноябрь	Декабрь
192..... год		
Январь	Февраль	Март
Апрель	Май	Июнь
Июль	Август	Сентябрь
Октябрь	Ноябрь	Декабрь

5. Прочие отметки союза.

*С.Р. Гарденина с Андрюшей и Наташей
Villa Fridhet, Швеция, 30 сентября 1924*

С.Ф. Гарденин с сотрудниками торгпредства – на ступенях лестницы офиса ASEA в Стокгольме (в 3-м слева господине можно узнать Адольфа Ивановича Гофмана)*

* ASEA (аббр. от швед. *Allmänna Svenska Elektriska Aktiebolaget*, Всеобщая шведская электрическая акционерная компания) – шведское промышленное предприятие, крупный производитель электротехнической продукции и машин, трамваев, электровозов.

Заметка в шведской газете об отъезде из Стокгольма торгпреда С.Ф. Гарденина от 13 октября 1924 г.

S. Gardenin lämnar nu Stockholm.

Omflyttning även på
handelsavdelningen i
sovjetbeskickningen.

Sergej Gardenin.

Enligt vad Politiken erfarit förestår i den närmaste framtiden ombyte av chef för Sovjetunionens handelsavdelning i Stockholm. Förutvarande chefen, hr Sergej Gardenin avreste nämligen i söndags åtta dagar till Moskva på kallelse av kommissariatet för utrikeshandeln. Efterträdare är ännu icke utnämnd, men tillfälligt fungerar som chef för handelsavdelningen kamrat A. V. Nikolajef. Denne hitkom för endast kort tid sedan från Moskva, där han varit medlem av kollegiet för post- och telegrafväsendet.

Hr Gardenin har varit i Stockholm sedan 1921, då han hitkom närmast från Finland, vid vars sovjetryska handelsavdelning han tidigare varit anställd. Hr Gardenins blivande verksamhetsfält torde ännu icke vara bestämt.

S. Gardenin lämnar nu Stockholm

Omflyttning även på handelsavdelningen i sovjetbeskickningen

Enligt vad Politiken erfarit förestår i den närmaste framtiden ombyte av chef för Sovjetunionens handelsavdelning i Stockholm. Förutvarande chefen, hr Sergej Gardenin avreste nämligen i söndags åtta dagar till Moskva på kallelse av kommissariatet för utrikeshandeln. Efterträdare är ännu icke utnämnd, men tillfälligt fungerar som chef för handelsavdelningen kamrat F.V. Nikolajef. Denne hitkom för endast kort tid sedan från Moskva, där han varit medlem av kollegiet för post- och telegrafväsendet.

Hr Gardenin har varit i Stockholm sedan 1921, då han hitkom närmast från Finland, vid vars sovjetryska handelsavdelning han tidigare varit anställd. Hr Gardenins blivande verksamhetsfält torde ännu icke vara bestämt.

Перевод

С. Гарденин покидает Стокгольм

Переводы осуществляются как по линии торгпредства, так и советской миссии

В соответствии с [проводимой] политикой в ближайшем будущем произойдет смена главы советского торгпредства в Стокгольме. Бывший шеф г-н Сергей Гарденин отправился в воскресенье [12 октября? – МК] на 8 дней в Москву по вызову Народного комиссариата внешней торговли. Приемник пока не назван, но в качестве нового главы торгпредства называют тов. А.В. Николаева [правильнее, Акима Максимовича – МК]. Он приехал некоторое время назад из Москвы, где занимал должность члена коллегии почтовой и телеграфной службы.

Госп. Гарденин пребывал в Стокгольме с 1921 года, приехав из Финляндии, где служил в советском торгпредстве. Перспективы службы госп. Гарденина еще не определены.

Прописной листок заведующего отделением Госбанка в Ленинграде С.Ф. Гарденина

Сер. Б. Ленинградский Губфо Цена 22 к.

3	II	Фамилия, имя и отчество <i>Гарденин Сергей Фредерович</i>
Место рождения: город, губерния, уезд, волость, село, деревня		<i>Рязанской губ. Мичкинского у. Пронской вол. село Мухомы</i>
Год рождения		<i>1883</i>
Адрес: улица		<i>Широковская</i> дом № <i>4</i> кв. № <i>25</i> « <i>14</i> » Отд. милиции
Откуда и когда прибыл		<i>Фабрично-Бова ул. № 19 кв. 3</i> « <i>1</i> » <i>сентябрь</i> 1925 года
Кем, когда и за каким № выдан вид на жительство		<i>14-м Ам. милиции</i> <i>24/IV-25г. № 192265/265</i>
Семейное положение При не находятся		<i>Женат</i>
Место службы		<i>Госбанк</i>
Профессия		<i>Завед. отделением</i>
Отношение к воинской повинности		<i>освобожден по возрасту</i>
Гражданство или подданство		<i>Р. С. Ф. С. Р.</i>
Время составления листка Тип. ЛО.П.И.		« <i>15</i> » <i>сентябрь</i> 1925 года
Место наклеивания марки прописочного сбора (марка гасится отделением милиции)		Подпись Заведующего <i>Коси</i>

**Служебное удостоверение заведующего Калашниковским агентством
Северо-Западной областной конторы Госбанка (Ленинград) С.Ф. Гарденина**

Предъявитель сего *Гарденин Сергей Стефанович*
состоит на службе в *Калашниковском Агентстве Конторы Банка*
в должности *Заведующего Аг-вом*

Подпись владельца удостоверения
С.Ф. Гарденин

азанное удостоверяется:

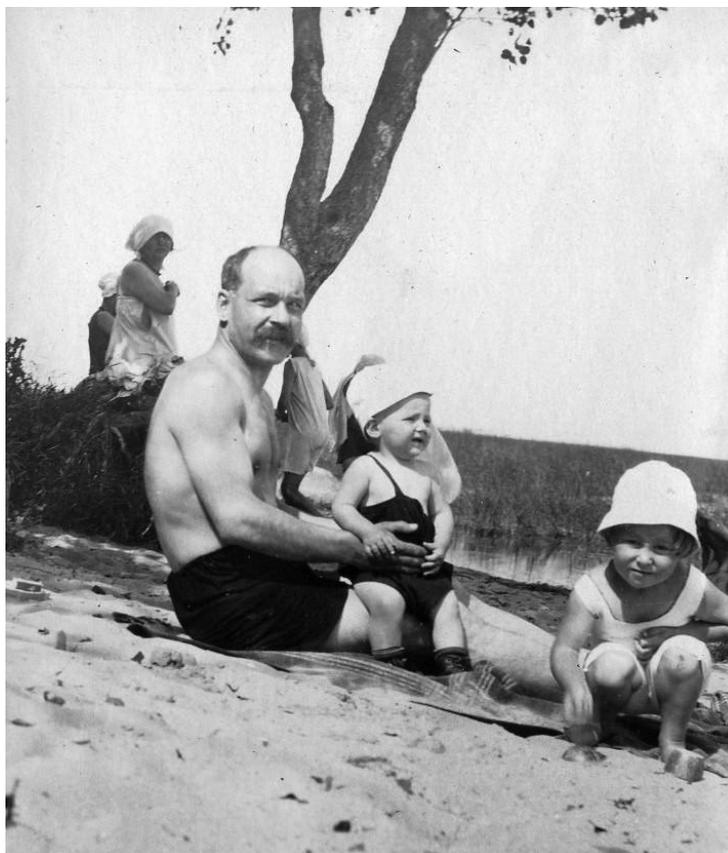
Подписи ответственных лиц.
Гарденин *Гарденин*

№ *165/85*
21 Октября 1925 г.

действительно по *1 Января* 1926 г.
Подпись ответств. лица *Гарденин*
Срок продлен по *1 апреля* 1926 г.
Подпись ответств. лица *К. Кошкин*
Срок продлен по *1 Августу* 1926 г.
Подпись ответств. лица *Гарденин*
Срок продлен по *1 Января* 1926 г.
Подпись ответств. лица *Гарденин*

ПРАВА И ОБЯЗАННОСТИ:
Общее руководство и направление деятельности Калашниковского Агентства.

Настоящее удостов. подлежит возврату при оставлении должности.
ТОЧНЫЙ АДРЕС УЧРЕЖДЕНИЯ:
Госбанк *164*

С.Ф. Гарденин с Андрюшей и Наташей,
дер. Мартышкино под Ленинградом, лето 1925 г.

**Расчетная книжка служащего Центрального бюро конвенций
при Наркомторге С.Ф. Гарденина**

<p>7. Заявлено 19... г. об увольнении с 19... г.</p> <p>Подписи: Нанимателя м. п. Нанявшегося</p> <p>8. Выходное пособие за (указать за сколько времени) в сумме руб. коп.</p> <p>За неиспользованный отпуск руб. коп.</p> <p>9. Окончательный расчет произведен 19... г.</p> <p>Подписи: Нанимателя м. п. Нанявшегося</p>	<p align="center">Цена 1 1/2 коп. Серия СБ</p> <p>Привлечение из постановления НКГ СССР от 27 февраля 1928 г. № 140 о расчетной книжке для служащих государственных учреждений, общественных организаций и управленческого аппарата государственных промышленных и торговых предприятий и кооперативных организаций.</p> <p>1. Утвердить расчетную книжку прилагаемого образца для служащих государственных учреждений, общественных организаций и управленческого аппарата государственных промышленных и торговых предприятий, смешанных акционерных общества с преобладающим участием госкапитала и кооперативных организаций.</p> <p>2. Администрация указанных в ст. 1 учреждений и организаций обязана выдавать служащим копии их личных счетов во всех необходимых случаях, как-то: в случае возникновения конфликта со служащим, в случае увольнения служащего по какому бы то ни было причинам и в прочих случаях, когда требуется предоставление сведений о фактическом заработке.</p> <p>Примечания 1. Копии личных счетов выдаются за срок, указанный самим служащим, но не более, чем за три года, а в случае не указания срока служащим — за последние 3 месяца.</p> <p>Примечание 2. В учреждениях и организациях, в которых не ведется личных счетов на каждого служащего, копии личных счетов могут заменяться соответствующими подробными справками.</p> <p>4. К расчетным книжкам прилагаемого образца соответственно применяются правила постановления НКГ СССР от 25 февраля 1924 г. № 83/10 «о расчетных книжках» («Известия НКГ СССР», 1924 г. № 10—11) с изменениями, вытекающими из ст. ст. 1—2 настоящего постановления.</p> <p>Ленинградский Областат № 7380. Зак. 1920 Тир. 250.000 Гос. изд. «Лен. Правда». Ленинград, Социалист. 14</p> <p align="center">Название «Вопросы Труда».</p>	<p align="center">Пролетарии всех стран, соединитесь!</p> <p align="center">Утверждает: Наркомторг СССР В. Шандт. Москва, 27 февраля 1928 г.</p> <p align="center">Хранится у служащего.</p> <p align="center">РАСЧЕТНАЯ КНИЖКА № 1 СЛУЖАЩЕГО</p> <p>Фамилия <i>Гарденин</i> Имя <i>Сергей</i> Отчество <i>Федорович</i> Название и адрес учреждения <i>Ц.б.К. при Наркомторге пер.С. Ульянова, 10</i> Выдана <i>17 июля</i> мес. 1928 г.</p>
--	--	--

<p align="center">УСЛОВИЯ НАЙМА</p> <p>1. Нанят на должность (перечислить характер возложенных обязанностей или работ) <i>Старший Экономист</i></p> <p>2. На <u>неопределенный срок</u>, на срок определенный по 192... г. на временную работу по 192...</p>	<p>3. Рабочее время устанавливается в час. в день. Рабочее время <u>не нормировано</u> (ненужное вычеркнуть).</p> <p>4. Оплата труда из расчета: а) основной оклад <i>300</i> руб. коп., б) надбавка за ненормированное рабочее время или персональная руб. коп.</p> <p>5. Сроки выдачи зарплаты <i>2 и 17 числа</i> <i>каждого месяца за прошлый месяц</i></p> <p>Подписи: Нанимателя <i>Рубинцев</i> м. п. Нанявшегося <i>Стицкий</i></p>	<p align="center">ИЗМЕНЕНИЕ УСЛОВИЙ НАЙМА.</p> <p>6. <i>Применены ст. 86б ст. 31/хп - 1930г. увеличен оклад с 400 руб. в месяц с 1/8 - 1931г. по договоренности коллективного договора Ленобл. Союза Работн. Наркомторга</i></p> <p>Подписи: Нанимателя <i>Минин</i> м. п. Нанявшегося</p> <p>Подписи: Нанимателя м. п. Нанявшегося</p>
---	---	--

*Предположительно, некое совещание в Наркомторге РСФСР
(С.Ф. Гарденин – 2-й справа во 2-м ряду)*

Предположительно, некое совещание в Наркомторге РСФСР

Справка, выданная С.Ф. Гарденину

Копия.

Народный Комиссариат Внешней и Торговой Третьей.
16 февраля 1929 г.
№ 104/722

справка

Фаб. Гайдунин, Сергей Федорович рожд. 15/VI
1920 г. по 20/IV 1922 г. зав. Усть-Орск. муз. Трест-
предства СССР в Финляндии и с 20/IV 1922 г. по 24/VII
1924 г. работал Уполномоченным НКВТ, а затем Трест-
предом СССР в Швеции.

Справка выдана для представления в Наркомторг
РСФСР.

Зав. Усть-Орск. Муз. Трест
Зав. Усть-Орск. Муз. Трест
Печать.

Верно.

Приказ по Наркомторгу РСФСР

От 2 марта 1929 г.

П Р И К А З
ПО НАРОДНОМУ КОМИССАРИАТУ ТОРГОВЛИ РСФСР
от " 2 " Марта 1929 г.
№ 144.

В виду представленных объяснений Ст. Экономистом Сырьевского Управления т. ГАРДЕНИН М. С. Ф., по поводу невыполнения распоряжения Управления Делами о контроле прихода и ухода сотрудников, а также потому, что эти объяснения не были представлены мне своевременно по главе Начальника Сырьевского Управления, - приказы по Наркомату за № 156 и 164 от 15 и 22 февраля с.г. отменяются.

ЗАМ. НАРКОМТОРГ РСФСР / Буйко/
УПРАВЛЯЮЩИЙ ДЕЛАМИ / Колдерицкий/
Верно: Мельник

Всего сотрудников 21 из МУ
В. В. В.
В. В. В.

Справка об оспопрививании Н. Гардениной в Санитарном управлении Кремля
сентябрь 1930 г.

№

УДОСТОВЕРЕНИЕ.

Выдано сие гр. *Гардениной Наталье*
8 лет

в том, что он *II* подвергся оспопрививанию мес.,
числа *30* 1930 г. с положительным результатом.

М. П.

Подпись *И. Г.*

Справка о службе С.Ф. Гарденина в Наркомснабе РСФСР

Народный Комиссариат Торговли Р. С. Ф. С. Р.

Москва, Г. С. П. 2, ул. Первого Мая, 51
Тел. № 5-53-59, 4-67-90, доб.

Наш индекс *18/10*
13/1 декабря 193*10* г.

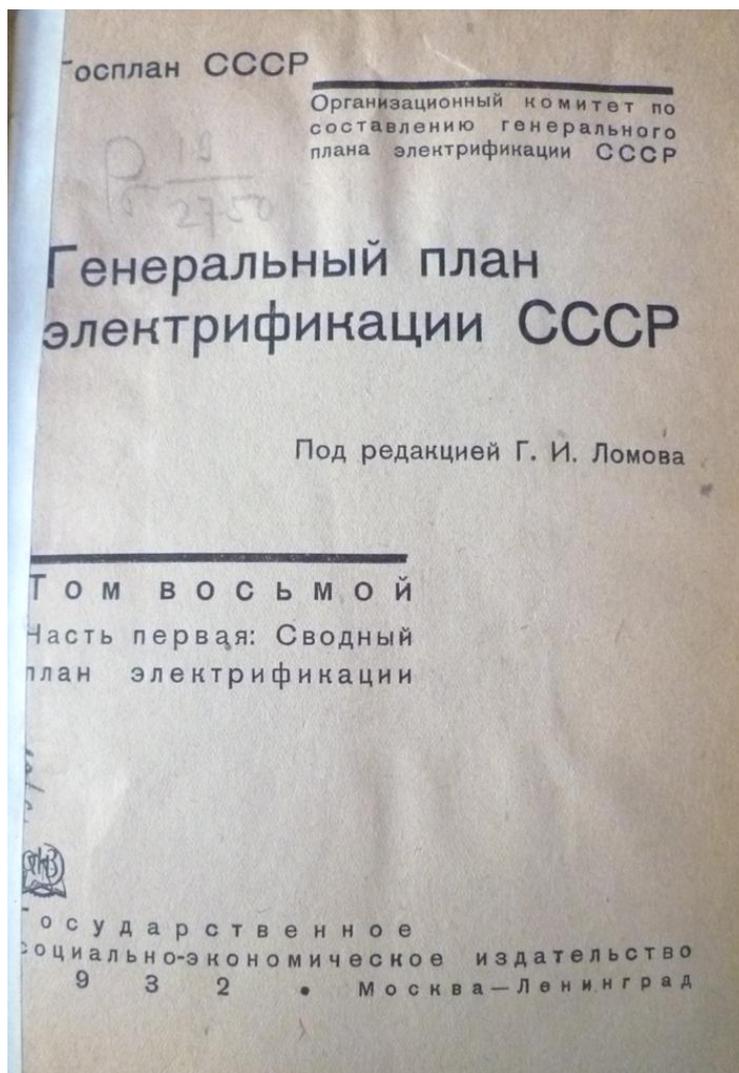
СПРАВКА

Дана Наркомснабом РСФСР в том, что тов. *С. Ф. Гарденин* работает в означенном учреждении в качестве *ст. кассира*.
Выдана для получения из домоуправления *Кварт. платы. Оклада С. Ф. Гарденина 500 руб. (пятиста рублей)*

СЕКРЕТАРЬ АФУ. - *Тетрахов*

Работа С.Ф. Гарденина над «Вторым планом ГОЭЛРО»

В 1931 г. С.Ф. Гарденин участвовал в разработке «нового плана электрификации СССР», прежний, как известно, был подготовлен в 1920-м и назывался «планом ГОЭЛРО». Эта же, новая работа велась с февраля 1931 г. по май 1932 г., когда была созвана Всесоюзная конференция по электрификации.

Участие Сергея Федоровича в не менее грандиозной задумке большевиков обнаруживается в части первой 8-го тома «Генерального плана электрификации СССР» (1932 г.). Он написал солидный раздел «Электрификация Нижегородского края» объемом более 100 стр., со множеством таблиц.

Из предисловия к этой книге:

Постановлением президиума Госплана СССР от 25 февраля 1931 г. было решено создать новый план электрификации СССР. Проработка генплана электрификации была поручена президиумом специальному Оргкомитету. Настоящие материалы являются результатом этой проработки, производившейся в течение года Оргкомитетом со следующими его 9-ю секциями: 1) энергоресурсов, 2) электростанций и сетей, 3) электрификации промышленности, 4) электрификации транспорта, 5) электрификации быта и городов, 6) электрификации сельского хозяйства, 7) электрооборудования, 8) электрификации районов, 9) сводного плана.

<...> Активное участие в проработке материалов генплана электрификации и подготовке их к печати приняли следующие тов.: председатель Оргкомитета Г.И. Ломов, т.т. И.С. Уншлихт [(«заслуженный чекист» возглавил секцию электрификации ж.д. транспорта)], Ю.Н. Флаксерман, акад. И.Г. Александров, М. Рубинштейн, проф. Е.Я. Шульгин, проф. М.А. Шателен, В.П. Милютин, А.И. Колпакова, акад. А.А. Чернышев, А.Д. Ратнер, А.Н. Кузнецов (отв. секретарь Оргкомитета), А.П. Аникст, В.З. Есин и другие.

<...> В секции электрификации районов – тов. А.П. Аникст (председ. секции), т.т. В.З. Есин (зам. предсекции), акад. И.Г. Александров, С.Ф. Гарденин [(был также ученым секретарем секции, поэтому входил в ред. комиссию, которая готовила все материалы к печати)], проф. Е.Я. Шульгин, М.А. Лагутин, А.И. Хромов.

Концовка предисловия была сформулирована в соответствии с тогдашними «колебаниями в генеральной линии партии»:

Составление нового плана электрификации может рассматриваться только как начало работы по электрификации СССР во второй пятилетке и в генплане. Его реализация находится в руках всего рабочего класса, и мы убеждены, что коллективными усилиями всех активных участников строительства социализма, борясь как с правым оппортунизмом, так и с «левацкими» заскоками, новый план будет выполнен и перевыполнен.

Правда, в том же предисловии упоминалось, что при составлении титульного списка электростанций пришлось исходить из возможных размеров производства энергооборудования во вторую пятилетку (увеличение продукции союзной энергопромышленности к 1937 г. в 7 раз по сравнению с 1932 г.) – эти размеры не позволяли увеличить общую мощность электростанций СССР сверх 22,7 млн. квт в 1937 году.

Из всего солидного раздела «Электрификация Нижегородского края» мы приведем лишь «конечный результат» по генерирующей части электрификации – «Титульный список электростанций». Большевики так размахнулись, что запланированная ими к постройке Чебоксарская гидростанция мощностью 400 мвт так и не была введена на полную мощность (увеличенную затем до 1 404 мвт) из-за протестов общественности во времена «горбачевской перестройки» и перешла в XXI век с уровнем водохранилища в 63 метра, вместо 68 метров по плану, и поэтому каждый год недорабатывает 500 млн. киловатт-часов.

Семейные воспоминания М.Ф. Гарденина*

Брюссель, 12 июля 1976 года

Дорогая Марина,

сдерживая мое обещание, я постараюсь Тебе дать краткие сведения о моей семье. К моему крайнему сожалению, эти воспоминания крайне неполные, так как, может быть, по причине того, что я был самый младший в семье, многое до меня не доходило и обсуждалось помимо меня между взрослыми и не доходило до моих ушей. Я буду счастлив, если Тебе удастся собрать более правдивые данные о моей семье, я же могу сообщить только то небольшое, что осталось в моей памяти, и передать Тебе те правдивые воспоминания, которые задержались в моей голове и оставили следы на всей моей долголетней жизни. Я думаю, что прочтя произведение Эртеля «Гарденины и их дворня» – получишь более или менее правильное понятие о моих предках.

Отец мой назывался Федор Викторович, он окончил Петровско-Разумовскую Академию и занимался в начале своей жизни земледелием, имея имение в Орловской губернии, село Спасо-Чикряк [(Спас-Чекряк)] Болховского уезда, где я и родился 17/30 июня 1887 года и был крещен в местной Церкви в Православную Веру. Мой отец очень молодым женился на моей матери Елене Константиновне Палей-Белосельской, от которой имел 8 человек детей: Марию, Бориса, Сергея, Евгению, Антонину, Михаила, Ольгу (умерла от дифтерита в 6 лет) и после промежутка семи лет – Александру.

Отец был человек культурный, много читал, и библиотека наша была наполнена всеми выдающимися произведениями Русских и иностранных писателей классической литературы, начиная с греческой и латинской и кончая французской, английской и прочей европейской литературой. Отец многие произведения, особенно русской литературы, знал наизусть и часто по вечерам нам декламировал отрывки из произведений: Пушкина, Гоголя, Мельникова-Печерского, и так же Шекспира, Диккенса, Марка Твена и других знаменитостей. По вечерам (особенно зимой) нас собирали вместе, и кто-нибудь из старших читал избранные произведения по выбору отца и, главным образом, матери. Мы, младшие дети, конечно, многого не понимали, но однако тихо сидели и слушали чтение старших братьев и сестер и, конечно, не позволяли себе делать какие бы то ни было свои замечания.

Семейная жизнь наша была в первые годы моего детства строго религиозная и православная. Утром вставая и вечером ложась спать мы должны были молиться Богу, а так же перед началом еды читать Евангелие для данного дня и читать молитву, по очереди все дети. И отец и мама очень следили за исполнением всего этого. По-видимому, отец мой был больше поэт, чем деловой человек, и в своей личной жизни справлялся очень неважно с семейными делами и больше занимался мечтаниями, чем устройством благополучия своей многочисленной семьи.

Он был, несомненно, очень добрый человек, любил свою семью, но, благодаря своей некоторой беспечности и несомненному неумению понимать настоящее положение вещей, никогда не мог добиться достаточно положительных результатов своей деятельности, но чаще, из-за неправильного понимания всех окружающих обстоятельств, попадал в роковые ошибки, которые вели к потерям и разорению.

Я не знаю, обладал ли мой отец каким-либо личным состоянием, но несомненно, что наше первое имение в Орловской губернии принадлежало моей матери и после неумелого управления было ликвидировано и продано вместе с большим домом в городе Пензе.

* Были написаны за год до его смерти, ему тогда было 89 лет. Он скончался 18 августа 1977 года, под праздник Преображения. – Примеч. дочери Марины Михайловны

М.М. Гарденина привезла ксерокс сих воспоминаний в 1999 г. в Москву.

На вырученные от ликвидации имения и продажи дома [средства] было куплено имение в Самарской губернии Бугульминского уезда, село Черниковка [(Чирково)], принадлежавшее наследникам Дениса Давыдова, известного партизана Отечественной войны с Наполеоном, около 1 тыс. десятин.

Отец очень рассчитывал, что проведут железную дорогу через город Бугульму, что поднимет рентабельность имения. Он начал возделывать много земли, но в течение трех лет скирды с хлебом стояли необмолоченными и амбары стояли полны зерна, так как из-за отдаленности ничего нельзя было продать, и в один печальный день пожар уничтожил все собранное добро. В это же время отец вошел в какие-то деловые отношения с ловким Петербургским дельцом по фамилии Ярмонкин, который со всей своей семьей гостил у нас в деревне, и дело кончилось тем, что село Чирково [(исправлено М.М. Гардениной на – Черниково)] оказалось собственностью Ярмонкина, и отец должен был перебраться к нам.*

* <...> Умер Денис Давыдов в 1839 г. Д.В. Давыдов был женат на Софье Николаевне Чирковой, дочери Николая Александровича Чиркова и Елизаветы Петровны, в девичестве Татищевой. В качестве приданого Софья Николаевна получила 2 имения: в селе Верхняя Маза Сызранского уезда Симбирской губернии <...>, и в селе Чирково Бугульминского уезда (с 1851 по 1920 гг. находилось в составе Самарской губернии). Именно в Верхней Мазе Давыдов провел последние годы жизни. <...> В Самарском архиве хранятся документы, на основании которых можно частично восстановить историю семей двух старших сыновей Дениса Васильевича Давыдова – Василия и Николая.

Василий Денисович Давыдов, выйдя в отставку, поселился в имении Чирково в Самарской губернии, доставшемся ему в наследство от матери. <...> В 1872 г. он был внесен в 6-ю часть Дворянской родословной книги Самарской губернии. 24 августа 1859 г. в семье В.Д. Давыдова родился сын Денис. Он обучался в Пажеском корпусе. 8 августа 1880 г. высочайшим приказом Денис Васильевич, внук поэта-партизана, был произведен в корнеты Лейб-гвардии гусарского полка Его величества. Затем он несколько лет занимался изучением телеграфного дела. Дослужившись до звания поручика, Д.В. Давыдов был зачислен в запас в 1884 г. Через год он обвенчался с дочерью светлейшего князя Петра Дмитриевича Волконского – княжной Софьей Петровной. После этого Денис Васильевич посвятил себя государственной службе: с 1884 по 1887 г. он работал в Присутствии по крестьянским делам Бугульминского уезда, а 29 ноября 1886 г. был избран почетным мировым судьей Бугульминского уезда.

(С ресурса regsamarh.ru/info_act/publication/07.06.2013/all/1/19090)

Согласно адресному справочнику «Весь Петербург» за 1901 г. в Северной Пальмире проживал литератор Валентин Васильевич Ярмонкин и, по-видимому, его сын Владимир Валентинович. А в Энциклопедическом словаре Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона имеется статья: «Письма идеалиста – ежемесячный журнал без сотрудников; изд. В. Ярмонкин; выходил сериями с 1901 по 1903 г. Направление реакционное». Правда, такое краткое обозначение персоналии издателя не дает возможности приписать его к вышеупомянутым жителям Петербурга. Другие источники уточняют, что «реакционный литератор» это именно Валентин Васильевич [1847-?].

Путеводитель по фондам РГИА / Фонды личного происхождения

Номер фонда: 1098

ЯРМОНКИН ВАЛЕНТИН ВАЛЕНТИНОВИЧ (1873 – не ранее 1917), ГОРНЫЙ ИНЖЕНЕР, ДИРЕКТОР ПРАВЛЕНИЯ ТОРГОВОГО ДОМА «В.В. ЯРМОНКИН И К^о» ДЛЯ ЭКСПЛУАТАЦИИ ЕКАТЕРИНИНСКО-ДОНЕЦКИХ КАМЕННОУГОЛЬНЫХ МЕСТОРОЖДЕНИЙ

В общем, серьезным исследователям остается, с приведенными выше наводками по трем Ярмонкиным, погрузиться в архивные документы о купле-продаже владений в Самарской губ. и найти переход имения Чирково в Бугульминском уезде от внука партизана Отечественной войны, полного его тезки Д.В. Давыдова (1859-1896) к Ф.В. Гарденину и далее к одному из Ярмонкиных. – Примеч. М.И. Классона

Мы с мамой в это время уже в течение более трех лет жили в городе Уфе, где старшие сестры и братья учились в соответствующих гимназиях. Только на летние каникулы от июня до 15-го августа мы уезжали примерно за 250 верст в деревню и все счастливое время проводили у себя в деревне, пользуясь всеми доступными прелестями привольной жизни. Зимой же и на Пасху отец приезжал в Уфу и привозил из деревни массу продуктов: масло, замороженные сливки, окорока ветчины, [битых] кур, гусей и индеек и другие продукты деревни в довольно большом количестве, так что часть продавали уфимским магазинам, а часть раздавали друзьям и знакомым.

На Рождество устраивалась елка, а на Пасху – на целую неделю большой праздничный стол со всеми, соответствующими атрибутам Пасхи, куличами, яйцами и прочим. Все это кончилось после разорения отца.

Отец должен был поступить на службу сначала в Уфимскую губернскую земскую управу, а потом он получил место в Семиреченской области, в [уездном] городе Пржевальск, Управляющего земледелием от Министерства земледелия, куда и уехал, оставив маму с детьми в Уфе, воспитанием которых она должна была заниматься, а отец высылал ей для этого необходимые средства, уделяя большую часть своего жалования.

Это так и было в продолжение первых семи-восьми лет, но потом, по-видимому, у него завелась вторая семья. Он, думая, что старшие дети уже достаточно зарабатывают, чтобы поддержать семью, высылку денег прекратил, и семье пришлось самой добывать средства для существования.

Во время первой Мировой войны, в 1915 году была объявлена мобилизация [на тыловые работы] в Семиреченской области, и чиновники, воспользовавшись примитивностью местных жителей, совершили массу несправедливостей по отношению к ним и довели их до восстания. Местные жители перебили всех носящих форму, не разбирая ни правых, ни виновных, и сожгли всех на большом костре, с ними погиб мой отец*. Свидетель этого обещался прислать оставшееся от отца Гербовое кольцо, которое мать предполагала передать мне, но это кольцо, насколько я знаю, никогда не дошло до мамы.

Я очень мало знаю своего отца, так как был младшим в семье, и вполне естественно, что отцу было не до меня, но думаю, что он был добрым, но безалаберным человеком, взявшим на себя непосильную ношу, в виде слишком большой семьи, и не сумевшим ее нести должным образом. Да простит ему Господь Бог все его согрешения. Во всяком случае, я уверен, что он искренне любил маму и всех нас и много страдал от развала нашей семьи. Дай Бог ему Царство Небесное.

* «Восстание киргиз в Пржевальском уезде началось 10 августа [1916 года]. Уцелели г. Пржевальск и селения Преображенское и Теплоключинское. Сожжены и разграблены селения: Столыпино, Курское, Долинка, Григорьевка, Семеновка, Сазановка, Каменка, Алексеевское, Озерно-Фольбаумское, Михайловское, Бобриково, Отрадное, Лизогубовка, Соколовское, Валериановское, Графа–Палена, Горки, Высокое, Липинское, Богатырское, Иваницкое, Светлая Поляна, Тарханы, Барскаун, Гоголевка, Кольцовка, Сухомлиновское, Туткуй, Карабулак и Титовка. Сожжены храмы в селах Сазановке, Покровском, Алексеевском и Графа-Палена, молитвенные дома в селах Столыпино, Семеновском, Озерно-Фольбаумском, Бобрикове, Валериановском, Богатырском, Иваницком, Светлой Поляне, Тарханах и Барскауна. Сожжены церковно-приходские школы в селах Столыпино, Сазановке, Алексеевском, Озерно-Фольбаумском, Графа-Палена, Высоком и Покровском. Убиты церковные старосты сел Иваницкого, Тарханы, Барскауна, Гоголевки и Кольцовки.

В Пржевальском уезде по имеющимся у меня данным убито 1391 мужского пола и 431 женского пола, взято в плен 176 мужского пола и 937 женского пола, хотя еще эти сведения не полные. Убиты священники о. Иоанн Ройк, иеромонах Рафаил, ему отрубили голову. Помощник начальника уезда Ф.П. Камчев, Пржевальского участка врач Левин, Сазановский мировой судья, учителя, учительницы и много других». – Из «Записки священника М. Заозерного», «Туркестанские Епархиальные ведомости», 1916, №21 (rus-turk.livejournal.com/29617.html)

Так кончил дни свои мой Отец Феодор Викторович Гарденин, по словам моей матери, он был из кавказского рода Шервашидзе, крещенный [бездетными] дворянами Гардениными и принявший фамилию крестного отца.* Дядя мой со стороны отца был Предводителем дворянства Воронежской губернии.**

Мама моя несомненно была очень привязана к своему мужу. Никогда никто из детей не слышал со стороны нашей матери каких-либо упреков своему мужу или критики его действий, даже когда в последние пять-шесть лет он прекратил не только высылать денежную помощь, но даже писать письма. Мама никогда нам на него не жаловалась, и никто из нас, сколько я знаю, не был в курсе их переписки и не знал ее содержания и так же никто не слышал от нашей матери, что отец завел в городе Пржевальске новую семью. Это осталось для всех нас тайной, сохранившейся между ими двоими.

Моя мать называлась Елена Константиновна Палей-Белопольская, шестнадцати лет вышла замуж прямо из московского [(поправлено М.М. Гардениной на – из петербургского (?)) института для благородных девиц.*** Брак был, по-видимому, по большой любви и далеко против желания всех ближайших родственников с обеих сторон. Я так сужу по тому, что и со стороны матери мне и никому из детей (кроме брата Бориса) не пришлось познакомиться с кем-нибудь из ближних родственников обоих родителей. У моей мамы с первого года начали рождаться дети, которых за девять лет от начала брака появилось на свет семь человек, из них один умер, сестра моя Ольга, около шести лет. Но через несколько лет появился на свет восьмой ребенок – сестра Александра, которая была моложе меня на несколько лет.

* Род князей Шервашидзе (груз. Шарвашидзе; абх. Чачба, Ачачба), один из древнейших на Кавказе. Уже в XII веке представители этого рода занимали высокую должность цхумских эриставов, в военно-административном подчинении которых находилась вся Абхазия, входившая тогда в состав Грузинского царства. – Из Интернета

Гарденины – старинный русский дворянский род, происходящий от воронежского купца I гильдии Потапа Никитича Гарденина (1689-1746), и его сыновей Ивана и Якова Гардениных и записанный в I часть родословной книги Воронежской губернии. В конце XVIII века купцы Гарденины разорились. Правда, в 1864 г. на месте бывшего железоделательного завода в селе Боринское (на границе Тамбовской и Воронежской губерний) следующее поколение Гардениных построило сахарный завод, который в 1915 г. был все же продан акционерному обществу Коротова и Цветкова. – Из Интернета

** Сие утверждение архивными документами пока не подтверждается. Или у дяди по отцу, не усыновленного дворянами Гардениными, была другая фамилия? На ресурсе

(www.wikiwand.com/ru/%D0%9A%D0%B0%D1%82%D0%B5%D0%B3%D0%BE%D1%80%D0%B8%D1%8F:%D0%9F%D1%80%D0%B5%D0%B4%D0%B2%D0%BE%D0%B4%D0%B8%D1%82%D0%B5%D0%BB%D0%B8_%D0%B4%D0%B2%D0%BE%D1%80%D1%8F%D0%BD%D1%81%D1%82%D0%B2%D0%B0_%D0%92%D0%BE%D1%80%D0%BE%D0%BD%D0%B5%D0%B6%D1%81%D0%BA%D0%BE%D0%B9_%D0%B3%D1%83%D0%B1%D0%B5%D1%80%D0%BD%D0%B8%D0%B8) приведен список из 6-ти предводителей дворянства Воронежской губ.: А.И. Алехин (состоял в сей должности в 1913-17 гг.), Н.А. Звегинцов (1882-1890), А.Н. Сомов (1855-56), С.М. Сомов (1895-97), А.А. Чарыков (1822-24), Н.Н. Шидловский (1898-1904). Но здесь имеются большие лакуны. Был еще предводитель дворянства Воронежской губ. И.В. Гагарин (до 1859 г.?).

На ресурсе (baza.vgdru.com/3/43576/10.htm) упоминаются дворяне-земледельцы Гарденины, внесенные в дворянский адрес-календарь 1897 г. по Воронежской губ. – вдова штабс-капитана Анна Ивановна и Сергей Николаевич, кандидат в земские начальники Николай Николаевич.

*** В Москве тоже существовали подобные заведения – Екатерининский и Елизаветинский институты благородных девиц. В списке выпускниц Императорского воспитательного общества благородных девиц (Смольного института), опубликованном в 3-томнике Н.П. Черепнина (Петроград, 1914-15), за 1875-1880 гг. (по год рождения старшего сына Бориса) Е.К. Палей-Белопольская не значится. Нет ее и в аналогичных списках выпускниц Московского училища ордена Св. Екатерины (см. Исторический очерк, М., 1903). К сожалению, другое учебное заведение в Первопрестольной – Елизаветинский институт благородных девиц издания подобной книги не организовало... А были еще в С.Петербурге Екатерининский, Елизаветинский, Ксенинский, Мариинский, Павловский институты благородных девиц... Т.е. по такому расплывчатому указанию как «институт благородных девиц» искать весьма затруднительно.

Елена Константиновна с дочерью Марией, Уфа

Всех детей мама кормила сама и, понятно, несмотря на весьма благоприятные материальные условия (особенно в первое время), обеспеченная услугами няней и горничных, все же сильно подорвала свое здоровье. Всех нас она страстно любила и полностью, с самого начала отдала себя в жертву детям. Все свое время она посвящала нам: сначала делая все для поддержания нашего физического здоровья, а потом воспитанию нашему умственному и духовному.

Достаточно сказать, что она знала прекрасно английский и французский языки, но это ей не помешало, чтобы помочь двум старшим [моим] братьям, выучить латинский и греческий. Каждый вечер она находила нужным или сама или заставляя кого-нибудь из детей читать вслух лучшие произведения всех выдающихся писателей русского и иностранного классицизма и указывать нам те произведения, которые находила нам нужным прочесть, как необходимые познания для нашей будущей жизни в обществе.

Материальное положение наше постепенно ухудшалось, и вместо двух прислуг (няни-горничной и кухарки) появилась одна, и мама должна была заняться кухней и взять на себя заботы пропитания семьи, имея в распоряжении ограниченные средства. Это было особенно тяжело, когда все дети были маленькие и не могли помогать материально.

Постепенно все же наше положение значительно улучшилось, когда старшие дети (сестра Мария, брат Сергей и сестра Евгения), которые блестяще учились, начали давать уроки неуспевающим ученикам, а также подготавливать их к экзаменам для поступления в одно из средних учебных заведений. Сестра же Евгения, и особенно Антонина, много помогали по хозяйству. Надо было иметь в виду, что белье для детей, а так же женские платья шились дома, для чего в известное время приходила портниха, которая руководила работами моих сестер, но все починки, штопка лежали всецело на плечах мамы и сестер. Этим обычно занимались по вечерам при чтении кем-нибудь произведений известных русских и иностранных писателей.

Эта утомительная жизнь и постоянные заботы, особенно когда подросли старшие дети и начали заниматься левыми социальными увлечениями, с последующими обысками, арестами, тюрьмами и высылками, а так же постоянная толпа левой молодежи, настолько утомили маму, что она 66-ти лет от роду скоропостижно скончалась. Она жила в это время у моей сестры Александры и однажды утром, встав в то время, когда сестра готовила кофе, почувствовала себя усталой и, сказав, что пока будет готов кофе, она пойдет – приляжет, и когда сестра через несколько минут вошла к ней в спальню, она была мертва. Так Бог послал ей смерть безболезненную и скорую, в награду за тяжелую жизнь.

Перейдем теперь к детям. Нас было всего восемь человек: Мария, Борис, Сергей, Евгения, Антонина, Михаил, Ольга и Александра.

1. Старшая [сестра] Мария блестяще кончила гимназию [в Уфе] и имела особый дар преподавания. Поэтому с юных лет была буквально завалена уроками с неуспевающими детьми и первое время была главной материальной помощью в домашнем хозяйстве и, скопив немного денег, уехала в Петербург. Здесь она поступила на женские курсы известного левого профессора Лесгафта и вошла в крайне левые круги молодежи, исповедовавшей дикие и несбыточные мечты о переустройстве мира и общей, мировой революции. С этими идеями она вернулась в Уфу и заразила обоих моих старших братьев [Бориса и Сергея] и была первым звеном развала моей семьи.

Она довольно быстро поняла свою ошибку, перешла к религии и предалась теософии. Сошлась с кружком [теософки Елены] Блаватской и всеми ее приверженцами, одно время увлекалась отцом Иоанном Кронштадтским и даже очень интересовалась личностью Распутина, хотя никогда с ним не соприкасалась и не была знакома. Кончила тем, что после сорока лет вышла замуж за еврея по фамилии Лесман и осталась жить в Петербурге. От своего мужа она имела дочь. Думаю, что она [(Мария)] погибла во время осады [немцами] Петербурга. До [первой мировой] войны она некоторое время жила у меня, пока я был холост, а затем была знакома с моей женой.

2. Мой брат Борис был неудачником всю свою жизнь. Учение ему не давалось, с трудом его перетаскивали из класса в класс и, наконец, после двухлетнего пребывания в пятом классе, его окончательно уволили за полную безуспешность. При помощи мамы он уехал отбывать воинскую повинность в один из гренадерских полков в Москве, корпусом которых командовал мой дядя со стороны мамы, генерал Грудзино. Кончилось это плохо, во время революции 1905 года полк, в котором служил брат, восстал. Восстание подавили, и мой брат, благодаря вмешательству дяди, был только осужден на вечное поселение в николаевский рavelин в Сибири.*

* Сей сюжет требует трудоемких дополнительных исследований.

В Москве 2-4 декабря 1905 г. (т.е. всего на три дня) «мирно» восставал 2-й гренадерский Ростовский Его Императорского Высочества великого князя Михаила Александровича полк, которым тогда командовал полковник Пантелеймон Николаевич Симанский. Этот полк входил в 1-ю гренадерскую бригаду, которой командовал тогда непонятно кто. 1-я гренадерская бригада входила в 1-ю гренадерскую дивизию, этой дивизией командовал в 1905-м тоже непонятно кто. Ну а 1-я гренадерская дивизия входила в состав Отдельного гренадерского корпуса Его Императорского Величества, командиром которого с июня 1904-го по март 1906 г. был генерал-лейтенант Михаил Федорович Ореус. Генерала Грудзино (?), который якобы командовал гренадерским корпусом, вообще найти в Интернете не удалось. Найти родственные связи Елены Константиновны Палей-Белопольской с какими либо генералами тоже не удалось.

Из официальной биографии Б.Ф. Гарденина (составленной в т.ч. по его сведениям):

Осенью 1903 г. последовал разгром Уфимск. ком-та. Г., призванный в это время на военную службу и отосланный в Киев в 5-й саперный батальон, был там арестован по предписанию из Уфы. Обвинялся в участии в убийстве Богдановича и в руководстве кружком учащихся. 10 мая 1904 г. освобожден из Киевск. гауптвахты под надз. военного начальства. Находясь в военной тюрьме, наладил связи среди солдат и по освобождении начал работать по созданию военной с.-д. организации, которая вскоре охватила ок. 400 чел.

Оттуда ему через несколько лет удалось бежать, и до переправки его за границу он некоторое время скрывался у меня на квартире в Петербурге. Вернулся он после революции в 1917 году и жил у нас до нашего бегства в Финляндию. Моя жена была к нему очень привязана и, даже будучи в Бельгии, с ним, до его ареста большевиками, переписывалась.

Он был очень добрый человек, по убеждению меньшевик, быстро был арестован большевиками и сослан в Астрахань, где, по-видимому, его довольно быстро ликвидировали. Он страшно любил животных и умел дрессировать их, он был также любимец всех нас, детей и всегда в наших детских [занятиях] играл роль главы, и мы все ему беспрекословно подчинялись, но часто плакали из-за неудач в его учении. Конечно, он был очень хороший человек.

3. Брат Сергей был очень способным молодым человеком, любимцем моей матери, прекрасно учился. Начал молодым работать как репетитор и высоко ценился в этом звании среди родителей неуспешных учеников. Блестяще кончил [Уфимскую] гимназию и поступил в Военно-медицинскую академию в Петербурге. На первом же курсе, принимая участие в антиправительственной демонстрации у Казанского собора, был выслан, после ареста, в Уфу и исключен из академии.

В Уфе он поступил в большевистскую партию и исключительно занялся революцией. Думаю, что [как раз] в это время свел знакомство с Лениным и подпал под его влияние. В течение года он с целым рядом партийных деятелей занимался пропагандой и распространением большевистских идей среди населения Уфы и ее губернии, был арестован, посажен в тюрьму и осужден на изгнание в Великий Устюг [Вологодской губернии]. Оттуда быстро бежал в Бельгию и проживал в Брюсселе до Революции 1905 года, когда по амнистии ему разрешили вернуться на родину.

Он переехал в Уфу, где сначала работал в Губернской управе и собирался поступить в Технологический институт [в Петербурге]. Но наступившая война и революция не дали ему выполнить это желание. После Октябрьской Революции он как один из старейших членов партии и лично хорошо знакомый Ленину играл довольно значительную роль в области международных сношений и одно время был советским торговым послом в Стокгольме, уже будучи женатым и имея первого ребенка, сына по имени Андрей [первым ребенком была Наталья, родившаяся в 1922 году]. У него некоторое время проживала моя мама, но потом вернулась обратно в Россию. По моим сведениям, пребывание моего брата в Стокгольме было очень тяжелым. Он был отравлен доносами и убит довольно быстро и отозван в Москву, а я потерял всякую связь с ним и его дальнейшей судьбой.

Окончание примечания

В 1905 г. во время русско-японской войны назначен к отправке на фронт, но по постановлению орг-ции бежал и перебрался в Москву, где так же работал в военной орг-ции. В конце мая 1905 г. арестован под фамилией Криницкого Петра Тимофеевича на казачьем собрании на Ходынке и заключен в Таганск. тюрьму, откуда освобожден по амнистии 21 окт. 1905 г. Осенью 1905 г. работал в военной орг-ции в Москве, с конца дек. т. г. в Петербурге. В июле 1906 г. арестован под фамилией Маркова Владимира Андреевича и заключен в тюрьму. Судился Петербургск. военно-окружным судом вместе с А. Малоземовым и Ф. Гусаровым по делу военной орг-ции при Петербургск. ком-те (т. наз. дело «51-го»). В сент. 1907 г. приговорен к 4 г. каторги. Отбывал каторгу в Бутырках. С 1909 г. – в Александровск. централе. На поселении в 1911 г. в Усть-Куте, Киренск. у., Иркутской губ. В авг. 1912 г. бежал за границу, жил в Бельгии, работал в шахтах, затем в Брюсселе – электромонтером, участвовал в профдвижении. Осенью 1917 г. вернулся в Россию, жил в Уфе, работал в Бюро профсоюзов, затем по продснабжению. – Деятели революционного движения в России. Био-библиографический словарь. М., 1933

*Бабушка Елена Константиновна с внучкой Наташей,
Стокгольм, 1923 г.*

Два раза я имел с ним свидания. Один раз перед [первой мировой] войной он приезжал в Петербург, чтобы записаться на экзамены в Технологический институт. Он очень одобрил мое решение порвать с революцией и заняться деятельностью полезной для Родины. Второй и последний раз я виделся с ним в Берлине, где он уже во время Нэпа сообщил мне, что видел мое досье в Чека и чтобы я даже не мыслил о возвращении на Родину. Все мои дальнейшие попытки связаться с ним или членами его семьи не увенчались успехом, кроме только смутных сведений, что как будто он занимал значительный пост в Государственном банке.

4. Сестра Евгения блестяще окончила женскую гимназию, была очень талантлива, но скрытного характера, совершенно не интересовалась политикой и терпеть не могла всей той революционной молодежи, которая окружала старшую тройку, и быстро решила уехать в деревню учить крестьянских детей грамоте, что и выполнила, уехав в провинцию и почти порвав с семьей. Все дальнейшие сведения о ее жизни и судьбе у меня отсутствуют.

5. Сестра Антонина тоже окончила блестяще учение в женской гимназии, была особенно предана семье, особенно маме, имела исключительно гордый и независимый характер, полностью отрицательно относилась к так называемым передовым идеям старших сестры и братьев и, главным образом, заботилась о спокойствии нашей мамы, которую не покидала и интересами которой всегда жила. Была дружна с моей женой и в 1916 году, до моего отъезда на Дальний Восток, гостила у нас в Петербурге.

После революции я потерял всякую связь с ней. Знаю только, что она вышла замуж и имела дочь. Эльна* сидела одно время в том же лагере и с ней там познакомилась и [потом] говорила, что у нее был исключительно замкнутый характер и она всех избегала и очень горевала о судьбе оставшейся [на воле] девочки. Кто был ее муж и что с ним случилось, а также о ее дальнейшей судьбе никаких сведений у меня нет.

6. Михаил – это я. Родился 17/[30] июня 1887 года в селе Спасо-Чекряк [Болховского уезда, Орловской губернии], где в местной церкви был крещен. Крестным отцом, насколько я знаю, был священник местной церкви отец Егор, а крестной матерью – помещица Всеволожская. До пяти лет я жил в нашем имении и очень смутно помню об этом периоде моей жизни.

Помню о нашей поездке с мамой и младшей сестрой Ольгой в город Пензу, где мама продавала принадлежащий ей дом, чтобы собрать необходимые средства для покупки имения [Чирково] в Самарской губернии в Бугульминском уезде. Имение наследников Дениса Давыдова было крайне запущено, но имело громадный и очень благоустроенный барский дом с двухсветным залом и обширным количеством комнат и всевозможных служб, а так же и помещений для прислуги и большими конюшнями и скотным двором.

При доме был огромный фруктовый сад и огород. Фотографии всей моей семьи в саду сохранились и последнее время были у моей старшей сестры Марии: 1) [фотография,] где я снят со всей семьей в возрасте около четырех лет, особенно хороша, потому что это был период счастливого процветания и полного счастья семьи; 2) на другой день после празднования именин мамы 27-го мая, на обломках ящиков от взорвавшихся ракет и разных припасов для фейерверка в честь мамы. Мне было около 8 лет, а старшая сестра и оба брата были гимназистами, и уже начались затруднения в нашей до того счастливой и тихой жизни.

Мама переехала со всеми детьми в ближайший большой город Уфу, где дети могли получить необходимое образование. Первые 4 года до ликвидации имения мы на лето всей семьей ездили на двух тройках отдыхать в деревню Черниковку [(Чирково)], а отец на Рождественские Праздники приезжал в Уфу, а на Пасху приходили сани и привозили птицу и окорока для празднования торжества Пасхи.

Вначале жизнь была довольно привольная, но постепенно дела в имении становились все сложнее и затруднительнее. Я был еще ребенок и не могу судить о причинах разорения, но в один день отец должен был ликвидировать имущество и переехать к нам в Уфу и искать себе службу, чтобы поддержать семью.

Мама никогда нам, детям не рассказывала о всех причинах, обрушившихся на нас, и мы никогда не слышали от нее жалоб, хотя и чувствовали ее страдания, но с поразительным мужеством и терпением она принялась за воспитание своей семьи. Отец вскоре получил место по Министерству Земледелия в городе Пржевальске Семиреченской области, где и окончил трагически свою жизнь, оставив на попечении мамы всю многочисленную семью.

* Эльна – это сестра Эмси Сундгрэн, жены Михаила Федоровича (см. ниже).

Михаил Гарденин – гимназист, Уфа, 1911 г.

Мне было около 8-ми лет. 10-ти лет я поступил в Уфимскую Классическую Гимназию, которую окончил с золотой медалью. В 14 лет я начал давать уроки неуспевающим ученикам и до окончания был очень ценим на этом поприще, так что не только мог помогать материально семье, но даже отложить денег на продолжение образования – высшего.

По натуре своей я был здоровым, веселым и очень обаятельным мальчиком. Окружающие меня сильно баловали, и я имел большое количество друзей и в гимназии, и среди сверстников, окружающих меня. Самым большим моим другом был полусирота, сын простого рабочего Михаил Посконов, с которым мы проводили все свободное время и занимались всякими шалостями, иногда даже не совсем дозволенными. Любимыми нашими занятиями были: голуби, рыбная ловля, ловля певчих птиц, бесконечные прогулки в окрестностях Уфы пешком, а так же по рекам – Белой, Уфимке, и Деме, которые тесно окружали город.*

Мои старшие сестра и два брата были самых левых убеждений и ввели в дом наш атмосферу революционную и много соответствующей молодежи с крайними революционными убеждениями. Многие мне были известны под псевдонимами.

Но среди других [(с настоящими фамилиями)] я помню Егора Сазонова (убившего Плеве), Александра Прокофьева (погибшего в Петербурге в Европейской гостинице, при приготовлении покушения на Охранное отделение), Александра Серебровского, будущего управляющего нефтяными приисками [в Баку], захваченными большевиками, и многих других революционеров, занимающихся пропагандой среди интеллигенции, рабочих и крестьян.

* Посконовы оставили некоторый след в жизни Уфы, см., например (ru-ufa.livejournal.com/232766.html).

Я состоял в числе членов большевистского кружка в [Уфимской классической] гимназии [куда поступил в 1897-м], и моими старшими, уже активными и революционными деятелями был привлечен к исполнению вспомогательных работ: печатанию прокламаций, хранению нелегальной литературы, разброске и наклейке прокламаций, приглашением [гимназистов и знакомых] на тайные загородные митинги-массовки и тому подобные услуги. С самого начала меня поразило отношение заправил, заставляющих нас, ничего не понимающих энтузиастов, заниматься рискованными предприятиями, а самим оставаться в тени и непонятное отношение ко всему русскому.

По окончании гимназии [в 1907 году] я решил, прежде чем выбрать окончательную карьеру, поехать в Петербург, чтобы окончательно решить вопрос о моей будущей деятельности, и для этого решил сначала поступить в Университет на юридический факультет. Моя жизнь в Петербурге была полна кошмарного наблюдения за тем ужасом, который подготавливали России низкие люди, чуждые малейшего патриотизма, и привели к заключению как можно скорее порвать со всей этой революционной сволочью.*

* В своих политических воспоминаниях (см. ниже) М.Ф. Гарденин приводил конкретные примеры того, как «революционная сволочь» охмуряла неопытную молодежь и ловко ее использовала:

В течение 1904 года брат [Сергей] ввел меня в революционные кружки и заставлял исполнять разные революционные поручения: переносить и прятать нелегальную литературу, разбрасывать и расклеивать, а также печатать на гектографе, прокламации и т.п. Дом наш всегда был полон революционной молодежи и непрерывными спорами между с.-р., меньшевиками и большевиками.

<...> Нас же [в 1905-м] вначале вооружили и 15-16-ти и 18-летних мальчишек послали по квартирам охранять жилища левых, чем мы были очень горды, не понимая какому риску нас подвергали партийцы. Все прошло благополучно: мы могли продолжать наше образование, но партийцы не оставили нас в покое и большую часть направили на пропаганду, поделив между собой: большевиков, меньшевиков и даже анархистов и эс-эров. Из нас постарались выработать безвольных и строго подчиненных партии людей, исполняющих приказы согласно с директивами: одних – пропагандистами, других – организаторами восстаний, забастовок и всяких, всевозможных беспорядков, дезорганизующих и расшатывающих власть, а так же боевых дружин, назначением которых было убийство высших государственных деятелей и также низших, включительно до простых полицейских и дворников, и заниматься, особенно у большевиков, грабежами и экспроприациями. Из добытых этим способом средств очень незначительная часть шла на покупку оружия, часть – в партийную кассу, а главная часть денег шла на без[под]отчетные расходы участников грабежей.

Всем руководили анонимные Цен[тр]. Комитеты, большей частью состоявшие из недоучившихся студентов, авантюристов, бездельников, темных пройдох и, за редким исключением, идеалистов, практически не игравших активной роли и подчиняющихся обязательным решениям большинства. Я попал, ввиду организаторских способностей, в кружок пропагандистов среди рабочих – уфимских железнодорожников. Занимались скрытно в лесах, на берегу реки Белой, по праздникам.

Так протекала наша жизнь за три последних года пребывания в Уфимской классической гимназии, где в 1907 г. я получил мой диплом [(амместам)] и приготовился поступить в Петербургский Университет на юридический факультет. Все три последние года пребывания в гимназии я имел постоянный контакт с членами партии большевиков, оказывал услуги: пропагандой их идей, хранением и распространением их литературы, разбрасыванием и расклейкой прокламаций и многими мелкими услугами, однако не пожелал вступить в партию раньше чем не побываю в Петербурге и [не] познакомлюсь с работой центра. Должен сказать, что меня поразило, почему революцией [верховодят] в высших сферах почти всегда иностранцы и, главным образом, евреи, скрывающиеся под ложными именами и старающиеся выдвигать на опасные действия и рисковать нас – русских, прячась сами в свою нелегальность. Мне ни разу за это время не пришлось узнать имя [(имена)] наших руководителей.

На Урале и, в частности, в Уфе никогда не существовало антисемитизма, это явление было совершенно нам неизвестно, и руководство русской революцией евреями меня поразило и впервые заставило задуматься о происходивших событиях! Какие-то анонимы и иностранцы занялись судьбой России – эти мысли впервые возникли у меня перед отъездом в Петербург.

Университет не играл [существенной] роли, все время мы проводили не в слушании лекций, а в огромном коридоре или в столовой Университета – в разговорах и разрешении мировых проблем и судеб России. Главным центром была университетская столовая, где открыто велась пропаганда всех трех партий, т.е. большевиков, меньшевиков и эс-эров.

Не предвиденная мною судьба подсказала мне выход. Один раз, исполняя очень рискованное революционное поручение, в поезде между Петербургом и Москвой, имел счастье познакомиться со священником, который оказался законоучителем Морского инженерного училища в Кронштадте.

Он рассказал подробно о подготовке будущих морских инженеров и кораблестроителей для Морского министерства и дал мне полную картину жизни этого исключительного учебного заведения. Условия были крайне тяжелые, но считая [эту встречу] Указанием свыше, решил держать конкурсный экзамен на пять вакантных мест на кораблестроительное отделение и таким образом, поступлением в военное учебное заведение, порвать бесповоротно со всем революционным сбродом.

Все лето я проработал и осенью выдержал конкурсные экзамены в Технологический Институт, в Институт Путей сообщения и на кораблестроительное отделение Морского Инженерного Училища (я оказался в числе принятых 5-ти человек), которое и окончил со званием Корабельного Инженера и был произведен Высочайшим Приказом в чин подпоручика Корпуса корабельных инженеров. Мое служение родине в этом звании было исключительно плодотворно, и я быстро продвигался вперед.

Окончание примечания

Каждая партия имела свой стол и открыто торговала легальной и нелегальной литературой, раздавала прокламации и вербовала среди молодежи новых членов, главным образом, для исполнения наиболее рискованных поручений: пропаганды среди армии и флота, переправки через финляндскую границу [в Россию] нелегальной литературы, работы в тайных типографиях, перевозки оружия в Россию и переправки этого оружия внутрь страны – в города, особенно отмеченные как революционные, главным образом, Сибирские, Уральские, Прибалтийские, Польские и Юго-западные.

Меня два раза отправляли с двумя чемоданами полными револьверов в Уфу. Прямо удивительно, как жандармы могли пропустить незамеченными эти перевозки. Носильщики с большим трудом тащили их и когда спрашивали, что я везу, я отвечал – учебники, и этим все ограничивалось. Однако [подобная] эксплуатация, с риском тяжелых последствий в случае неудачи, заставила меня задуматься, и многое стало ясным: именно, что благо русского народа совсем не в интересах партий, а главное – это личные интересы руководителей, в большей части авантюристов, недоучек, бездельников и даже полукретинов.

В 1907 г. я был приглашен на очередной съезд большевистской партии, который происходил в Финляндии – Териоках. Присутствовали все главные члены партии, и тогда я познакомился с Лениным, Алексинским, Троцким и многими другими. Заседания происходили на открытом [воздухе] и продолжались два дня. Ленин молчал, говорил больше всего Алексинский – депутат Думы, и дебатировался вопрос о пропаганде в армии и флоте. Заговор был раскрыт, и в результате был роспуск Думы и предание суду и аресту членов Думы, принадлежавших к партии большевиков. Меня на этом съезде представили студенту Горного института [и будущему чекисту] Глебу Бокию, которому были даны инструкции, как меня использовать. Первое время меня отправляли в разные полки – разносить прокламации, а потом – по заранее подготовленным лекциям [(инструкциям)] – на тайные сходки, где я должен был говорить о восстании в армии по данному сигналу. Мой полк – гатчинские Лейб-Гвардии Кирасиры – собирались в гатчинском парке. Солдат приходило около 10-12, и я им втолковывал о необходимости подачи наказа Гос. Думе революционного содержания и другие глупости.

Бокий все время уговаривал [меня] войти в партию и заняться грабежами, причем, по его плану, надо было знакомиться с прислугой богатых людей, добиваться доверия и просить ночью открыть дверь и грабить. Мне не было еще 20 лет, когда пришлось столкнуться со всей грязью и темными личностями и принять твердое решение порвать всякое общение со всем этим обществом и заговорщиками. За последние годы гимназии, а так же [за] год пребывания в университете много времени было посвящено на чтение и изучение революционных и социалистических теорий и философий: Маркса, Энгельса, Каутского, Фурье, книг о французской революции, Гегеля, Спинозы, Геккеля, Дарвина и многих других, выяснивших общее желание затуманить истину и затуманить мозги лживыми положениями и безумными, злостными идеями и желанием добиться власти над людьми при помощи Лжи и Зла и Неверия.

Михаил Федорович Гарденин – корабельный инженер

Описание моей жизни слишком длинно, и я оканчиваю на этом о себе. Добавлю только, что никогда и ни в чем не изменил моему искреннему желанию принести наибольшую пользу своей родине и быть верным слугой своему Государю.

7. Ольга была моей любимой сестрой. Мне было около 11½ лет, когда она родилась и, как рассказывала мама, когда мне ее показали, я ее схватил и заявил: «Моя!». И потом какая-то мистическая связь существовала между нами, я в трудные моменты моей жизни обращался за помощью к ней и всегда удачно. Она была моим Ангелом-хранителем. Я всю мою жизнь, и утром и вечером, поминаю ее в своих Молитвах.

К сожалению, Ольга умерла от дифтерита четырех с половиной лет, и это было и осталось моим неутешным горем.

8. Сестра Александра родилась спустя пять лет после смерти Ольги, в год отъезда отца в Семиреченскую область. Лично я из ревности относился к ней отрицательно и мало следил за ее жизнью; она окончила гимназию с золотой медалью, скоро вышла замуж, была очень дружна с сестрами Евгенией и Антониной и крайне привязана к матери. О дальнейшей ее судьбе сведений не имею.

На этом я заканчиваю мою краткую хронологию и могу только прибавить, что жили мы все, дети, очень дружно, я не помню никаких ссор между нами, и самым большим авторитетом пользовался старший брат Борис. Держались группами: старшие – Мария, Борис и Сергей; Евгения и Антонина; я, Ольга и несколько отдельно Александра. К родителям относились с большим уважением, особенно во время нашей жизни в деревне. Постепенно это разваливалось, но наша любовь и уважение к нашей матери всегда были на первом плане, и моя мечта была – после войны собрать снова всю семью, но, к сожалению, обстоятельства не позволили исполниться этой мечте.

Дорогая Марина, постарайся, если сможешь, найти бóльшие подробности о твоих предках, и даст тебе Бог помощь в этом деле.

Твой Папа

(ксерокопия машинописи находится в ф. 9508 РГАЭ и в Доме русского зарубежья им. А. Солженицына)

*Михаил Федорович и Эмси Эрнестовна Гарденины
с годовалой дочкой Мариной, 1925 г.*

Справка из ФСБ*, 28 августа 2000 г.

ФЕДЕРАЛЬНАЯ СЛУЖБА БЕЗОПАСНОСТИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ	346416 Ростовская обл., г. Новочеркасск, ул. Котовского, д. 26 кв. 31 ЛЕСМАН Е. В.
Управление по Санкт-Петербургу и Ленинградской области	
Служба РАФ	
"28" августа 2000 года №10/21-Л-2276 (Л-2375) г. Санкт-Петербурга	
Уважаемая Елена Владиславовна!	
Высылаем Вам архивные справки в отношении ГОРДЕНИНА/ГАРДЕНИНА/Б. Ф. и ЛЕСМАНА Л. А. по материалам архивных дел № П-21773 и № П-76520 находящихся на хранении в архивных фондах Управления ФСБ РФ по Санкт-Петербургу и области.	
Так же сообщаем, что для получения справки о реабилитации ГОРДЕНИНА Б. Ф. Вам следует обратиться в Военный суд ЛВО (191055, СПб, ул. Вол. Морская, д. 1). Для получения справки о реабилитации ЛЕСМАНА Л. А. Вам следует обратиться в Военную прокуратуру ЛВО (191055, СПб, Невский пр., 4).	
Свидетельства о смерти Ваших родственников будут высланы Вам Управлением ЗАГС г. Санкт-Петербурга (197046, СПб, Петровская наб., 2), куда нами направлены соответствующие документы.	
Жертвы репрессий 30-40-х годов, имевших место на территории Ленинграда и области с августа 1937 года захоранивались в районе пос. Левашово Выборгского р-на г. Ленинграда, где в настоящее время сооружен памятный мемориал.	
Приложение: архивные справки на 2 листах.	
И.О. Зам. начальника Службы	 С. В. ЧЕРНОВ

* Эти документы хранятся у Гардениных в Москве. По-видимому, высланная из Ленинграда Елена Владиславовна Лесман архивную справку на Л.А. Лесмана (дядю) оставила при себе, в Новочеркасске. На сайте Мемориала «Жертвы политического режима в СССР» значится: *Лесман Людвиг Антонович родился в 1886 г. в Ленинграде, еврей, беспартийный; смотритель музея Института протезирования. Проживал: Ленинград, Инженерная ул., д. 4, корп. 1, кв. 8. Арестован 5 октября 1937 г. Приговорен: Комиссией НКВД и Прокуратуры СССР 26 декабря 1937 г., обв.: по ст. 58-6-10-11 УК РСФСР. Приговор: ВМН [(высшая мера наказания)]. Расстрелян 3 января 1938 г. Место захоронения – Ленинград.*

В 1920-е Л.А. Лесман числился завхозом Дезинфекционно-ремонтной бригады.

Большая биографическая энциклопедия (dic.academic.ru/dic.nsf/enc_biography/):

Лесман Иосиф Антонович (2 (14) III 1885, Варшава – 29 III 1955, Горький) – сов. скрипач, педагог и методист. По окончании Петерб. консерватории по классу скрипки у Л.С. Ауэра (1910) преподавал в Петерб. нар. консерватории, концерттировал. <...> Преподавал во 2-м и 3-м муз. техникумах, в 1933-35 – в Ленинградской, в 1935-51 – Алма-Атинской [значит, был выслан после убийства С.М. Кирова – МК], с 1951 – Горьковской консерваториях. <...>

Согласно адресной книге «Весь Петроград-1917», Владислав Антонович Лесман владел типо-литографией «Лесман В.А.», а Иосиф Антонович был обозначен как «свободный художник» и служил в Петроград. муз. школе. Последний проживал по адресу: Измайловский полк, 5-я рота, 8, а два его брата жили на 3-й Рождественской ул. в доме 7, вместе с отцом Антоном Бернардовичем, который, по-видимому, и основал семейный бизнес по оказанию типографских и литографских услуг (2-я Рождественская ул., д. 14, корп. 2) и затем перевел его на уже взрослого сына Владислава. Согласно адресной книге «Весь Петроград-1923», В.А. Лесман-Гарденин числился счетоводом! А его жена М.Ф. Лесман-Гарденина – учительницей. И художник И.А. и техник Л.А. Лесманы и В.А. и М.Ф. Лесман-Гарденины проживали по адресу: 3-я Рождественская, 7. Далее сию улицу большевики переименовали в 3-ю Советскую, а художник И.А. Лесман переименовался в музыканта. В 1930 г. И.А. Лесман стал именовать себя артистом. В 1931 г. он числился артистом оркестра быв. Михайловского театра. Согласно Био-библиографическому словарю «Деятели революционного движения в России» (М., 1933), М.Ф. Гарденина «в настоящее время преподает в медицинском техникуме и на рабфаке в Ленинграде».

АРХИВНАЯ СПРАВКА
/ о наличии сведений /.

Из материалов архивного фонда Управления ФСБ РФ по Санкт-Петербургу и области следует, что

ГОРДЕНИН /ГАРДЕНИН/ Борис Федорович,
1922 года рождения, уроженец с. Прони
Михайловского у. Рязанской губ., рус-
ский, гр-н СССР, беспартийный, со сред-
ним образованием, одинокий, в 1925г. осуж-
ден к высылке на 3 года за меньше-
вистскую деятельность, до ареста-рабо-
чий артели "Политкаторжанин", проживал
в г. Ленинграде, 3-я Советская ул., д. 7
кв. 27

был арестован 15 февраля 1938 года УНКВД по Ленинградской обл.
Обвинялся в том, что "...являлся участником к/р эсеровской
организации, по заданию которой готовился к совершению ди-
версионного акта на Кировском заводе...", т.е. в совершении
преступлений, предусмотренных ст.ст. 17, 58-8 и 58-11 УК РСФСР.

Постановлением Особой Тройки УНКВД ЛО от 8 июня 1938 года
осужден к ВМН-расстрелу. Приговор приведен в исполнение 18 июня
1938 года в гор. Ленинграде.

Определением Военного Трибунала Ленинградского Военного
округа от 21 января 1957 года постановление Особой Тройки
УНКВД ЛО от 8 июня 1938 года отменено и дело производством
прекращено за отсутствием состава преступления.

ГОРДЕНИН/ГАРДЕНИН/ БОРИС ФЕДОРОВИЧ РЕАБИЛИТИРОВАН.

/основание: архивное дело No П-21773/.

Сотрудник архивного подразделения
УФСБ РФ по С-Петербургу и области

/И. Ю. Данилова/

Воспоминания фронтовика *

А.С. Гарденин, старший сержант

Андрей Сергеевич Гарденин, 1924 года рождения, участвовал в Великой отечественной войне на Карельском фронте. Предлагаем вашему вниманию его воспоминания [судя по казенно-патриотическому и даже научно-популярному стилю они подверглись литобработке в редакции газеты – МК].

Я начал войну командиром отделения 28 отдельного батальона ранцевых огнеметов. К началу Великой отечественной войны Красная Армия имела вполне сложившиеся взгляды на применение огнеметного вооружения в бою. Считалось, что огнемет не решает самостоятельных боевых задач. Поэтому огнеметные подразделения должны были использоваться только в тесном взаимодействии с пехотой и танками, артиллеристами и саперами. Огнеметание требовалось комбинировать с ружейно-пулеметным огнем и штыковым ударом. Задача огнеметов в наступлении заключалась в выжигании обороняющегося противника из укрытий.

Практика применения огнеметов в боях показала, что после огнеметания непораженная живая сила, как правило, оставляла укрытия и попадала под огонь стрелкового оружия и артиллерии. Одной из задач подразделений и частей фугасных огнеметов в наступлении было удержание захваченных рубежей и плацдармов. В обороне огнеметы предполагалось использовать внезапно и массированно в тот момент, когда атакующий противник приблизится на дальность огнеметного выстрела.

* Были опубликованы не позже 2007-го в какой-то районной газете, по инициативе Совета ветеранов Юго-Восточного округа Москвы.

Боевое крещение я получил 21 июня 1944 г. при форсировании реки Свирь, которая вытекает из Онежского и впадает в Ладожское озеро. Северный берег Свири, занятый противником, был укреплен на большую глубину. Перед началом форсирования водной преграды была произведена одна из самых мощных артподготовок в ВОВ. На одном километре фронта было сосредоточено до 330 орудий и минометов. Артподготовка и авианалеты на противника продолжались три с половиной часа. После этого началось форсирование реки, ширина которой доходила до 500 м. Несмотря на мощную подготовку, на вражеской стороне оставались неподавленные огневые точки, поэтому при посадке в лодки в моем отделении были убитые и раненые. Переправа через Свирь продолжалась до позднего вечера.*

На следующий день началось преследование отступавших финских войск, которые при отходе минировали дороги. Нам приходилось или наступать по этим дорогам, или идти в обход по сильно заболоченным лесам по направлению на укрепленный город Олонец. 25 июня Олонец был взят. Уже к концу июля наши передовые части достигли государственной границы с Финляндией. И оставались на этом рубеже до заключения договора о перемирии и выходе Финляндии из войны. Операции по освобождению центральной и северной части Карелии от врага были закончены в конце сентября.

После этого часть наших войск была переброшена на Кольский полуостров, где еще оставались немецкие части, угрожавшие Мурманску. 29 октября был освобожден от немцев норвежский город Киркенес. Норвежцы с величайшей радостью приветствовали наши войска. Задачи, поставленные Ставкой Верховного Главнокомандующего по освобождению Карелии и Советского Заполярья, были успешно выполнены. В этих операциях и я принимал участие, будучи командиром взвода. За участие в боях я был награжден медалями «За отвагу» и «За оборону Советского Заполярья». А командовал войсками Карельского фронта маршал Советского Союза Кирилл Афанасьевич Мерецков.

В апреле 1945 г. СССР, верный своим международным обязательствам, еще до полной победы над Германией начал переброску войск с запада на Дальний Восток, на границу с Маньчжурией, которая была оккупирована японской Квантунской армией. Войска Карельского фронта стали основой 1-го Дальневосточного фронта. 8 августа 1945 г. СССР объявил войну Японии. В ночь на 8 августа наши войска неожиданно для японских генералов пересекли границу под сильнейшим дождем и начали наступление на позиции японских войск.

Я принимал участие в наступательных боях. За шесть дней наши войска продвинулись до 180 км в глубину вражеской территории и соединились с войсками Забайкальского фронта. Квантунская армия была рассечена. Капитуляция японцев стала неизбежной.

Победа, которую мы все так ждали, пришла. Было жаль товарищей, которые не дождались этого дня, погибли в боях. Но ни одна смерть не была напрасной!

(ксерокопия находится в ф. 9508 РГАЭ)

* К сожалению, даже в индивидуальных воспоминаниях А.С. Гарденин (см. ниже) был весьма скуп на какие-либо детали своего участия в ВОВ (а интервьюер оказался недостаточно въедливым). Запомнил, что он упоминал о том, как в Маньчжурии воевал в отделении огнеметчиков, которые могли с минимальными для себя потерями (по сравнению с перестрелкой и рукопашной) уничтожать противника, засевшего во всяких траншеях, щелях, домах и т.д. Что касается форсирования р. Свирь, то лишь в 2016-м его вдова В.А. Башкатова сообщила о некоторых деталях, со слов мужа: потери были огромными, несмотря на «мощную артподготовку», в т.ч. и оттого, что некоторые лихие командиры понукали солдат поскорее переправляться, а он, в чине сержанта и должности командира отделения, придерживал бойцов, чтобы улучшить некую паузу в стрельбе финнов с противоположного низкого берега и тогда уже скатываться с высокого берега (где они были видны как на ладони) и бросаться в плавсредства. Люди вокруг все же тонули десятками...

Кое-какие детали этой кровопролитной операции имеются в Интернете, см. например voynablog.ru/2015/01/19/svirsko-petrozavodskaya-operaciya-1944-goda/.

Воспоминания А.С. Гарденина, записанные М.И. Классоном

октябрь 2007 г.

Мой отец Сергей Федорович очень любил природу. Каждое лето мы проводили на даче – вместе с тетей Марусей [так родственники звали Марию Федоровну Гарденину-Лесман – МК]. В Ленинград из Стокгольма мы вернулись в конце 1924-го, но вскоре переехали в Москву. Отец работал в каких-то финансовых организациях, а мать – юристом в юридической консультации, и в Ленинграде, и в Москве. Тетя Маруся жила в Ленинграде с сестрой [Антониной? – МК], была замужем за Владиславом Антоновичем Лесманом, скрипачом.

Мы каждый год снимали на лето дом или избу и даже две избы – для взрослых и для детей. Помню, один год мы отдыхали в Хотькове, под Москвой. Это было перед самой войной – в 1939-м или 1940-м. Мы жили там одни, а отец приезжал на выходные. Он сшил из брезента палатку, и мы в субботу уходили с этой палаткой из деревни в лес, на ночь. У костра жарили колбасу на палочках. Местные жители удивлялись: что за дураки, идут из избы ночевать в лесу, в палатке. Так он приучил нас, детей, к лесу.

О смерти матери [в 1930-м] отец рассказывал мне в 1947-м, после того как я демобилизовался. Я помню, что к нам до войны часто приезжала Екатерина Робертовна, просто в гости. У отца возникла мысль сделать предложение ей, но он постеснялся ее высказать вслух – боялся обременить родственницу тремя сиротами. А потом жалел – если бы знал, что она выйдет замуж за Парнаха, то все-таки осмелился. Да и Екатерина Робертовна тоже вроде бы была согласна, но, со своей стороны, опять-таки не осмелилась... Отец был крепко сложен, сильный. А Парнаха он как-то называл то ли клоуном, то ли паяцем – тем не менее этот персонаж сыграл определенную роль в культурной жизни советского общества. Кому – что. А познакомилась Екатерина Робертовна с Парнахом в каком-то санатории или доме отдыха.

Отец рассказывал, что с Крупской он был знаком еще до революции. И продолжил знакомство после своего возвращения в 1918-м из немецкого плена. Отец до революции вынужден был эмигрировать из России в Бельгию, бежал из ссылки. Он состоял членом РСДРП. Когда Германия оккупировала Бельгию, отца как российского гражданина интернировали, и он попал в немецкий концлагерь под Ахеном. В 1918-м его, после заключения Брестского мира, репатриировали в Россию. И опять Сергей Федорович работал с Крупской. По ее рекомендации стал служить в отделе внешкольного образования в Наркомпросе. И по ее же рекомендации Ленин послал его в Хельсинки, в советское торгпредство. Хотя отец был беспартийным: вернувшись из немецкого плена, он не оформил членство в ВКП(б) – «оберегая свою личную свободу». А когда Ленин умер, власть стала меняться, его, уже из Стокгольма, и отозвали. Про обстоятельства знакомства отца с моей матерью я, к сожалению, ничего конкретного сказать не могу.

Я после демобилизации в 1947-м работал токарем на автозаводе (АЗЛК, или «Москвич»), потом наладчиком, мастером. Когда работал наладчиком, поступил на заочное отделение Московского машиностроительного института, но не смог удержаться в нем: «из-за проблем с марксизмом-ленинизмом». Контрольную работу по теме «Манифест коммунистической партии» я написал. Но преподаватель поставил мне нечет. Однако я не мог понять, чего он от меня хочет – как я должен изложить этот самый манифест. Пришлось мне институт бросить: два раза не смог сдать экзамен по марксизму-ленинизму, хотя немецкий сдал на пятерку (читал и переводил на экзамене «Рейнеке Фукс» Гейне [на самом деле, это произведение, литературная обработка французских баллад о Хитром Лисе, принадлежит Иоганну Гете – МК] – брошюру, напечатанную готическим шрифтом), математику всю сдал, начертательную геометрию – на «отлично».

*Елена (Лёка), Наталья Сергеевна Гарденина-Туманова, Андрей Классон
Алабушево под Москвой, июнь 1960-го*

После этого поступил в Московский автомеханический техникум – при нашем заводе – на краткие курсы по вечерам (ведь у меня уже было среднее полное образование – 10 классов). Получил квалификацию техника по обработке металлов резанием. Тогда пошел работать уже технологом.

После войны сестры Натальи в Москве уже не было, она еще до войны уехала на Дальний Восток. Она уехала потому, что считала – «отец не дает ей свободы». Не дает ей денег. Она через свою двоюродную сестру Елену Владиславовну Лесман познакомилась с какими-то ленинградскими девчонками (Тусей и Асей), вот они «жили свободно». То есть – богато. А мы жили вчетвером на одну зарплату отца, и еще ему временами приходилось увольняться, и тогда он вообще нигде не работал. Поэтому жили в это время, занимая у знакомых. Точнее – его увольняли. Когда его уволили из Госплана (кажется, в 1938-м), то, к счастью, не посадили.

А брата его Бориса арестовали и через 2 месяца расстреляли в Ленинграде. А отец каким-то образом «удержался», его «только выгнали с работы». Он потом мне объяснял, что это произошло только благодаря протекции Крупской. С другой стороны, у него было трое детей, куда же их девать?

В общем, сестра Наталья решила «просто уйти из дома». Она захотела ходить по театрам, а денег-то не было. Поэтому начала продавать кое-какие книги. Помню, была у нас Библия на французском языке – 4 тома, продала. У нее была целая стопка театральных и концертных брошюр и проспектов – где что идет. Отец после смерти матери поручил ей вести домашнее хозяйство – покупать продукты, готовить обеды. Она опять же эти деньги пускала на сторону.

Отец тогда перепоручил ведение домашнего хозяйства мне. Давал деньги, а я вел тетрадь, где записывал все расходы – на крупу, молоко, масло и т.д. И готовил обеды и ужины (в это время, перед самой войной, я еще учился в школе).

*А.С. Гарденин (в центре) с дочками-близнячками Таней и Людой
в гостях у И.Р. Классона в Измайлове, 1963 г.*

Я не помню, были ли у Натальи какие-либо «решительные разговоры» с отцом. Она записалась в какую-то геологоразведочную партию и уехала на Дальний Восток. Отец к ней поэтому относился не очень ласково – раз она так себя повела. Потом началась война, и нас в составе сотрудников Гидроэнергопроекта эвакуировали в Курган. Отец к тому времени уже работал в этом проектно-наладочном институте. Отец, я и Соня жили в здании Митинской МТС. Оттуда, из Кургана меня в 1942-м призвали в армию.

Еще до конца войны семья Гардениных вместе с Гидроэнергопроектом вернулась в Москву. Отец хотел определить Соню в какое-то ремесленное училище, где готовили печатников. Но Соне это занятие не понравилось – там использовался [вредный для здоровья] свинец. И потом она связалась с какой-то компанией, в нашем же Малом Дровяном переулке. С компанией каких-то подростков, которые после войны были «полубезпризорными»: кто воровал, кто еще что [антиобщественное] делал. В результате Соня убежала из дома, жила то ли у каких-то знакомых, то ли еще не поймешь где – но в Москве.

Когда я в 1947-м демобилизовался, Сони еще в семье не было – где-то она бродила. Через какое-то время она все-таки появилась, мы с отцом, конечно, обрадовались. Но эта компания ее опять завлекла. Она утащила у меня полевую сумку (чтобы продать ее), что-то из одежды и еще что-то и опять убежала из дома. Но вскоре ее задержали в Москве как беспризорную. Отец на суд не пошел, сославшись на занятость на работе. А я был на этом суде. Еще до него разговаривал с судьей – она предлагала взять Соню на поруки. Я готов был сделать это, но здесь требовалось желание именно отца взять ее на поруки.

*Сидят – Андрей Классон, Софья Сергеевна Гарденина-Морозова, А.С. Гарденин, Михаил Классон, Валентина Петровна Перова-Классон (1-я жена М. Классона);
стоят – Людмила (дочь А.С. Гарденина), Наташа (дочь С.С. Гардениной-Морозовой),
Александр Валентинович Парнах, Тамара Ивановна Тюрина-Парнах,
Л.В. Прибылова-Гарденина (1-я жена А.С. Гарденина), Текстильщики, ноябрь 1971 г.*

Однако в отношении отца я здесь был совершенно не уверен: у них [все еще] сохранялись между собой ненормальные отношения. Тогда ее выселили из Москвы за 101-й километр – на какие-то полупринудительные работы. Это была не тюрьма, а именно высылка [за бродяжничество]. Тогда Соня и познакомилась с Петей Морозовым, будущим мужем. И затем они уехали под Саратов.

С Наташей же, когда она приезжала с Дальнего Востока в Москву, мы «пересекались». Один раз, когда встретились, она во всех бедах стала винить меня. В том, что я во всем поддерживал отца. И предложила затем помириться. Я ответил ей, что виниться мне не в чем: ты сама ушла из дома, а то, что Соня попала в нехорошую компанию, сама виновата (ведь старшая сестра обязана была отвлечь ее от этого). Отец – отцом, а Наташа была на 8 лет старше Сони и обязана была в какой-то степени заменить ей мать. Наташа стала валить всю вину на меня, упрекать в том, что именно я себя неправильно вел. Я в свою очередь сказал ей: «неправильно себя вела ты, а поскольку ты уехала, я с тобой и не хотел знаться. Поэтому твои попытки помириться, через признание за мной полной вины, я отвергаю».

Характер у Натальи был весьма скверный. Она очень высоко ставила себя, свои интересы. О нашей семье у нее почему-то забот не было. В кого она такая пошла, понять не могу – но так получилось.

Донское кладбище, июнь 2015-го

Иван же Робертович был, можно сказать, «членом нашей семьи». Мы были очень близко знакомы, постоянно друг у друга бывали, контактировали, переписывались, все знали о семейных делах. Когда дядя Ваня отмечал 85 лет, мы были на этом юбилее (который решено было справить в Беляеве, на квартире младшего сына Михаила). Поэтому ему пришлось ехать к себе в Измайлово, и с Верой Андреевной провожали его.

Я помню, как его бывшие сослуживцы (по Гидроэнергопроекту и Энергосетьпроекту) очень тепло отзывались о нем. Я тоже вспоминал, как мы вместе жили в Кургане [[в эвакуации](#)], он заботился о нас [[постоянно](#)] и помогал нам. Хотя часто дяде Ване приходилось уезжать в командировки – в Челябинск, например. У него в Челябинске вскочил какой-то карбункул, и его даже пришлось оперировать.

Про семью Свенчанских я слышал, что один сын убил другого – из-за продовольственных карточек, зарезав ночью ножом. Тогда подробно и напрямую об этом между собой родственники говорить стеснялись. Про трагедию с Павлом Робертовичем у нас тоже старались не разговаривать, вообще не поминали его. После войны поминали лишь мельком: «куда-то он уехал, а где и чего – неизвестно».

Борис Федорович Гарденин – это мой дядя. Его арестовали в 1938-м и через 2-3 месяца расстреляли – по-видимому, за то, что в свое время был меньшевиком. Но формально его обвинили в том, что был чьим-то шпионом. А служил он простым инженером-химиком. Сначала жил в Москве, потом переехал в Ленинград. У меня где-то хранится извещение из Ленинградского КГБ.

Когда Валентин Парнах женился на тете Кате, он иногда приезжал к нам, а мы – к нему, еще до войны. И после войны я заглядывал к тете Кате в Телеграфный переулок. Она была у нас на свадьбе с Верой Андреевной в 1974-м. Помню, когда мои девчонки родились [в 1954-м], тетя Катя подарила нам облигацию внутреннего займа на 200 рублей. И в первом же тираже погашения она выиграла – 400 рублей! Мы на эти деньги потом купили первую нашу разборную лодку – «Неву». Сначала я переоборудовал ее из двух- в четырехместную, чтобы всей семьей плавать. А потом – в байдарку, использовав каркас и оболочку «Невы». В 1944-м на Карельском фронте я вступил в партию.

(рукопись магнитофонной расшифровки воспоминаний находится в ф. 9508 РГАЭ)

Из писем Марины Михайловны Гардениной (Брюссель) М.И. Классону

30 ноября 2010 г.

<...> Я попросила моего сына Филиппа Майон послать Вам по электронной почте единственные фото отца и семьи, отца в молодости, то есть: мой отец Михаил в 1911 году, моя бабушка и тетя Маша, мой отец как морской инженер. Он очень всегда сожалел, что большинство фото его семьи и молодости он оставил в России. Я очень жалела, что он не дожил до того времени, когда вдруг, после стольких лет [разлуки], Лёля Лесман меня разыскала, и я наконец могла познакомиться со всеми моими двоюродными сестрами и с Андреем Гардениным.*

Мой отец мне много говорил о своем детстве, отрочестве в России, о его большой любви к своим братьям и сестрам. У меня было гораздо больше фото Сундгренов, так как все альбомы находились в доме моих бабушки и дедушки в Гельсингфорсе.

Но я отдала альбом сестре Кристиана, Татьяне, которая собирала архив Сундгренов. Кристиан [Сундгрэн] забросил книгу о Классоне потому, что вот уже 4 года как он атташе по культуре финского посольства в Париже. Но я думаю, что когда он окончит эту должность и выйдет на пенсию, то он может быть опять займется этой книгой (у него уже много написано). Я ему звонила, и он был очень заинтересован Вашими записками <...>.**

* [Тетя] Мария вышла замуж в 42 г[ода] за В. Лесмана и имела дочь Елену [(Лёлю)], р. 1924 г., [когда] скончалась, не могу точно вспомнить. Это она [(Елена)] меня разыскала, через объявление в Парижской Газете «Русская Мысль» – из письма М.М. Гардениной М.И. Классону от 10 марта 2011 г. (см. ниже).

** Отец Марины – Михаил Федорович женился еще в царской России на финской шведке Эмси Сундгрэн, у которой был брат Альберт – отец Кристиана.

Что касается занятий Кристиана Сундгрена над «Klasson story», то я в 2009-м, через 10 лет после нашей встречи в Москве, сам запросил его и вот что он мне ответил:

It is hard to believe that 10 years have gone since we met. Very good that you are almost finished with your Klasson work. I cannot say the same. A first manuscript is already there this some years but my editor wanted me to make some changes to the structure. And this work has not been done. Also I have to say that there is not much that I found in Swedish archives. The link – a concrete link between Robert's father and Sweden is still missing. But I [am] working on it. I am living in Paris since beginning of 2007 and have been busy with a lot of new job challenges.

Ну а в начале 2011-го из постороннего, но родственного источника неожиданно выяснилось, что г-н Сундгрэн занимается теперь не «Klasson story», а пытается создать некое «художественное повествование с множеством связей между настоящим и прошлым, и, конечно, исходная идея теперь абсолютно иная – роль шведов в истории России». Как может понять читатель, последняя тема, пусть и весьма интересная, не имеет непосредственного отношения к нашим биографическим очеркам.

*Вера Андреевна Башкатова (2-я жена Андрея Сергеевича Гарденина),
Марина Михайловна Гарденина, Кристиан Сундгрэн,
Софья Сергеевна Гарденина-Морозова; Москва, «подземка», 1999 г.*

*Слева направо: С.С. Гарденина-Морозова, Лёля (Елена Владиславовна Лесман),
М.М. Гарденина и А.С. Гарденин; Москва, квартира А.С. Гарденина, 1999 г.*

Меня вся эта история [жизни Р.Э.] Классона и его деятельности страшно интересует. Я очень хотела бы узнать: Ваши Мотовиловы, были ли они сродниками знаменитого Мотовилова – ученика Св. Серафима Саровского?

Я с благодарностью вспоминаю нашу встречу в Москве и столь интересную экскурсию на могилу [Р.Э.] Классона. Я, к сожалению, не имею ни компьютера, ни электронной почты, но мои дети, конечно, всем этим владеют и могут получать и посылать мейлы. <...>

P.P.S. Извините за ошибки! Я начинаю забывать русский язык, хотя, слава Богу, еще много читаю; увы, старые русские друзья уходят или сидят далеко! МГ

18 декабря 2010 г.

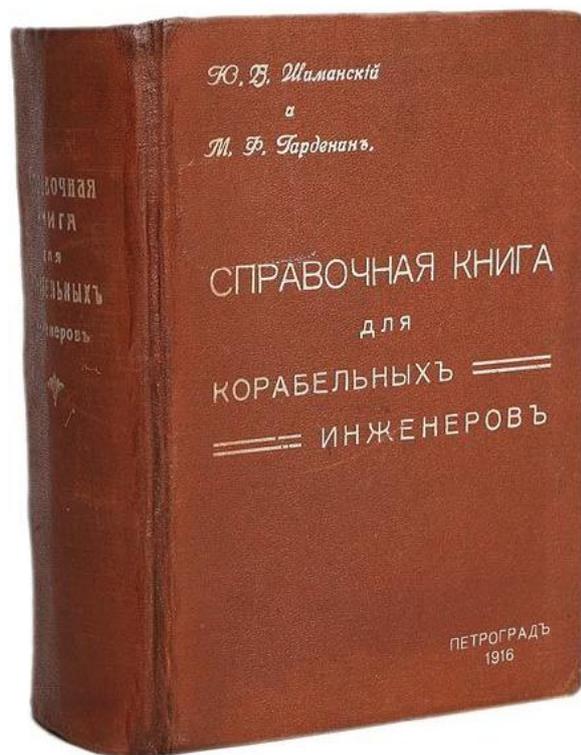
Дорогой Михаил Иванович. Очень Вам благодарна за высылку первых глав Вашей такой интересной книги про Классонов и Мотовиловых [биографических очерков, размещаемых в Интернете – МК]. Не могла оторваться, до того захватывающе (извините мне мои ошибки, мне теперь очень редко приходится говорить по-русски, дети к сожалению [тоже] не говорят, хотя и учились, и я начинаю забывать язык, что весьма грустно). Надеюсь, что Вы получили фото [моего] отца, которые я поручила сыну для пересылки [по электронной почте].

Мне хочется рассказать Вам подробнее о моем отце, младшем из сынов Гардениных. Старшие братья и сестра очень рано, еще подростком, завербовали его в левом направлении – он даже возил куда-то какое-то оружие. Поступил в Московский университет в юридический факультет, ходил на демонстрации и с Сергеем (и Борисом [тоже]?) поехал на знаменитый подпольный съезд в Финляндии, где увидел Ленина, Троцкого и т.д., и тут с ним произошел шок – он вдруг понял, что все они не царский режим ненавидят, а саму Россию, и он совершенно порвал с [революционным] движением и решил служить Родине, и поступил в Морское Инженерное Училище в Кронштадте. Учился прекрасно, был послан на несколько месяцев в Англию, где посетил разные кораблестроительные верфи и учился новым английским технологиям. Вернувшись [в Россию], написал со своим другом Шиманским первую книгу – учебник по кораблестроению, на русском языке, который еще долго использовался даже в СССР. Шиманский [после Октябрьского переворота] остался в России и даже стал академиком, но имя отца с обложки исчезло. Но у меня сохранилась книга, в своем 1-м издательстве.*

Инженером он работал и строил корабли военные и подлодки. В 1915 году его официально послали в Японию, где японцы, ставшие нашими союзниками в войне 1914-1918 годов, решили отдать русский флот, забранный ими после Цусимы.

Моему отцу правительство поручило принять флот, привести его в порядок, и когда флот уплыл в Россию, дальним плаванием через мыс Доброй Надежды в Архангельск, отец с матерью (они были молодоженами) вернулись земным путем в Архангельск, где он работал по увеличению порта, чтобы принять возвращенный флот.

* Из Списка офицерских чинов Русского Императорского флота (составитель В.Ю. Грибовский): Шиманский Юлиан Венцеславович. Родился 5 декабря 1883 г. Мл. пом. суд. (1905). Произведен в капитаны Корпуса корабельных инженеров 14 апреля 1913 г. См., например: Шиманский Ю.А. [Юрий Александрович]. Строительная механика корабля. Л.-М., 1934.

Справочная книга для корабельных инженеров / Составили и издали корабельные инженеры Ю.В. Шиманский и М.Ф. Гарденин. 1 000 стр. – Пг.: Тип. М. Волковича, 1916.

Он также открыл вместе со своими друзьями – бароном Борис Александровичем Нольде и Юрие (?) Бетулинским бюро по разработке планов устройства порта в Мурманске, которому уже тогда видел большое будущее.*

* Скорее всего, это Юрий Андреевич Бетулинский, расстрелянный в Петрограде в 1918-м (см. ниже в воспоминаниях М.Ф. Гарденина, хранящихся в Библиотеке-Фонде «Русское Зарубежье», глухое упоминание о некоей подпольной организации в Петрограде):

Приведем один из декабрьских списков, опубликованный в «Петроградской правде» в день первой годовщины ВЧК – 20 декабря.

«От чрезвычайной комиссии. 13 декабря по постановлению Чрезвычайной Комиссии по борьбе с контр-революцией и спекуляцией при Союзе Коммун Северной Области расстреляны:

1. По делу организации, поставившей себе целью вербовку белогвардейцев на Мурман:

1. Ковалевский, Владимир Павлович, военный врач – глава организации, связывавшей ее с английской миссией, изблеченный показаниями многих лиц.

2. Морозов, Владимир Владимирович, находившийся в постоянных сношениях с [под]полковником [Н.П.] Сахаровым [в Муроме Владимирской губ.], имевший сетку для шифрования секретных сообщений. Сам признал свое участие в белогвардейской организации и выдал тех ее соучастников, которые еще не были арестованы.

3. Туманов, Владимир Спиридонович, один из ближайших агентов Ковалевского по вербовке белогвардейцев, изблеченный показаниями других членов организации.

4. Де-Симон, Анатолий Михайлович, один из крупнейших агентов Ковалевского, вербовавший белогвардейцев, снабжавший их деньгами и отправлявший на Север.

5. Логин, Иван Осипович, член организации Ковалевского, предоставляющий свою квартиру для встреч агентов Ковалевского с вновь завербованными людьми.

6. Плен, Павел Михайлович, в свое время, в 1917 г., являлся главой организации, отправлявшей офицеров на Дон, и затем вступивший в организацию Ковалевского.

7. Грабовский, Александр Александрович, польский легионер, отправленный на Мурман французами и вообще тесно связанный с французскими миссиями. Всего в записной книжке найдены адреса Андронникова, Туманова и других членов организации Ковалевского.

Жили в Петербурге.

Моя мать – шведо-финского происхождения, уже ее дед (а мой прадед) приехал в Россию с Нобелем и разрабатывал нефть в Баку*.

Продолжение примечания

8. Шульгина, Вера Викторовна, была пайщицей и главной инициаторшей кафе «Goutes», служившего явкой для белогвардейцев, которых она принимала также и у себя на квартире. Кроме того содержала на свой счет и давала приют у себя на квартире агенту организации Соловьеву.

9. Соловьев, Георгий Александрович, сам сознался в участии в белогвардейской организации, по требованию которой поехал в Трошино и поступил на службу в Псковский уездный военный Комиссариат.

10. Трифонов, Иван Николаевич, член партии народной свободы, имевший связи с Мурманом и использовавший их, отправив на Мурман одно лицо, назвать которое он отказался, но которым оказался Морозов.

11. Бетулинский, Юрий Андреевич, титулярный советник, участник Русско-Английского ремонтного судостроительного т-ва на Мурмане, которое занималось главным образом посылкой людей на Север и выработывало план оккупации Северной Области. У него на квартире происходило знакомство отдельных агентов организации с представителями английской миссии.

12. [Контр-адмирал] Веселкин, Михаил Михайлович, главный организатор вышеупомянутого Русско-Английского ремонтного и судостроительного т-ва на Мурмане, во все время своего существования не совершившего ни одной операции.

13. Рыков, Александр Николаевич, так же член Русско-Английского ремонтного и судостроительного т-ва на Мурмане.

[Председатель Петроградской ЧК Варвара Яковлева]

Источник – Юрий Дойков. Красный террор. Россия, Украина... Архангельск, 2008

* Из статьи Александра Матвейчука «Неизвестная Нобелевская премия». «Нефть России», 1999, №5 (www.oilru.com/nr/53/116/)

В 1879 г. семейное предприятие братьев Нобель было акционировано, 18 мая 1879 г. «Высочайше» был утвержден устав, и на его основе создано «Товарищество нефтяного производства бр. Нобель» («Товарищество Бранобель») с основным капиталом в три миллиона рублей. Распределение капитала [паевые взносы] было следующим: Людвиг Нобель – 1,61 млн руб., Альфред Нобель – 115 тыс. руб., Роберт Нобель – 100 тыс. руб., Петр Бильдербинг – 930 тыс. руб., Александр Бильдербинг – 50 тыс. руб., Иван Забельский – 135 тыс. руб., Фриц Блумберг – 25 тыс. руб., Михаил Белямин – 25 тыс. руб., Август Сундгрэн – 5 тыс. руб., Бенно Вундерлих – 5 тыс. руб. (30-лет Товариществу нефтяного производства братьев Нобель. СПб., 1909, стр. 49).

Сей факт, родство упомянутого пайщика «Товарищества Бранобель» Августа Сундгрена, с нашими Сундгренами, требует дополнительного, весьма тщательного, исследования:

<...> В изобретательской деятельности оставило свой след и «Товарищество нефтяного производства братьев Нобель», или «Бранобель». 10 мая 1879 г. было создано и утверждено Александром II «Акционерное товарищество нефтяного производства братьев Нобель». Уставной капитал товарищества составил 3 млн. рублей. Самым крупным пайщиком стал Людвиг Нобель. У него было акций на 1 млн. 610 тыс. руб., Роберт владел акциями на 100 тыс. руб., Альфред – на 115 тыс. руб. Крупными пайщиками также были П.А. Бильдерлинг – на 930 тыс. руб. и его брат А.А. Бильдерлинг – на 50 тыс. руб. И.Я. Забельский вложил в дело 135 тыс. руб. По 25 тыс. руб. вложили Ф.А. Блумберг и М.Я. Белямин, и по 5 тыс. – А.С. Сун[д]грэн и Б.Ф. Вундерлих. <...>

Дополнительные сведения о лицах, упомянутых в тексте данной статьи:

<...> Сундгрэн А.С. [Sundgren A.F.] – Шёгрэн Яльмар / Sjoegren (Sjogren) Sten Anders Hjalmar (1856-1922) – шведский минералог, коллекционер. В 1885 г. поступил на службу к братьям Нобелем геологом в их «Товарищество нефтяного производства» в Баку, где работал по 1889 г. В конце 80-х годов опубликовал сочинение «Наблюдения над понижением уровня нефти на Балахано-Сабучинской площади: (Письмо к Л.Э. Нобелю)». В 1888-1895 гг. – профессор геологии и минералогии Упсальского университета. В 1890 г. вступил в брак с дочерью инженера Людвига Нобеля [Анной]. Соучредитель «Товарищества нефтяного производства братьев Нобель». – Документы жизни и деятельности семьи Нобель. Том 1. Патенты и привилегии членов семьи Нобель, зарегистрированные в России в различных областях техники. (eanw.info/nobel.html)

Его сын (мой дед) Эрнст Сундгрэн провел детство и молодость в России и учился в немецком университете на инженера-металлурга. Сначала он работал в Петербурге, женился на финке, но говорящей прекрасно по-шведски, и вскоре поступил сначала инженером, а потом и директором большого металлургического завода на Днестре, который принадлежал бельгийской фирме Cockerill-Sambre (она существует до сего дня). Теперь это металлургические производства в Днепропетровске и Днепродзержинске.*

Окончание примечания

Из книги Бриты Осбринк «Империя Нобелей», перевод с шведского Татьяны Доброницкой (Москва, «Текст», 2003):

Жизнь, однако, идет вперед. Дочь Людвиг Анна влюбляется в геолога Яльмара Шёгрена и [в 1889-м] обручается с ним — как пишет бабушка Андриетта, «на радость всей родне».

<...> Анна, дочь Людвиг, вышла замуж за Яльмара Шёгрена и живет в Швеции.

<...> Тем временем Анна Нобель и ее муж Яльмар Шёгрэн живут в красивой усадьбе Нюнэс под Стокгольмом. Детей, о которых мечтает Анна, у них нет. <...> Супруг Анны тем временем спускает наследство, доставшееся ей от отца.

<...> Составленное в 1928 г. завещание — это завещание отнюдь не бедного человека. Разумеется, Эмануэль [Нобель] потерял нефтяную промышленность и флот, много других предприятий, недвижимость в Петрограде, акции и ценные бумаги, тем не менее верной экономке Анастасии Карелиной, проживающей в Стокгольме, следует — если она переживет Эмануэля и далее выплачивать пансион в 8 тысяч крон, а также выдать единовременно сумму в 50 тысяч. Профессорской вдове Анне Шёгрэн отписаны в наследство 100 тысяч крон и ежегодная рента в 15 тысяч.

<...> Некоторые действующие лица

<...> Яльмар Шёгрэн (1856-1922), с 1888 по 1895 г. профессор геологии и минералогии Упсальского университета, в 1885-1889 гг. геолог в «Товариществе бр. Нобель». Женился на дочери Людвиг Анне Нобель. Они усыновили [sic!] дочь [чью? — МК], Марту Ингеборг Элисабет.

Каким образом Яльмар Шёгрэн превратился в А.С. Сундгрена, публикаторы пояснить не затруднились. Но, главное, детей у них не было, в т.ч. и сына, с которым могла бы быть передана наследникам фамилия...

Кстати, во время поисков следов Сундгрена в Баку автор случайно набрел на нынешнего Сундгрена — Кристиана. Оказывается, он таки наваял нечто об Р.Э. Классоне, В.И. Ульянове-Ленине, Н.К. Крупской и об электрификации в России. Но на шведском языке, который «мы не розумием!» (см. очерк «Жизнь после жизни»)

** Уроженец Великого княжества Финляндского, подданный города Гельсингфорс (Хельсинки) гражданин Эрнест Альбертов Сундгрэн был инженером-металлургом широкого профиля. Приглашен на Днепропетровский завод [в Каменском, нынешнем Днепродзержинске] в год его пуска, то есть, в 1889 году. С 1889 по 1904 год работал начальником сталелитейного отделения. С 1898 по 1904 год в его ведении было уже и доменное отделение, с 1890 по 1901 год Эрнест Сундгрэн возглавлял параллельно и кирпичные мастерские Днепропетровского завода. С 1907 по 1914 год он директор-распорядитель Днепропетровского завода и одновременно председатель «Общества потребителей при заводе Южно-Русского Днепропетровского Металлургического Общества». Эрнест Альбертович Сундгрэн обладал склонностью к общественной деятельности. Он являлся членом Екатеринославского общества гребного плавания в Каменском, председателем Совета гимнастического Общества, а также Евангелическо-Лютеранского общества. После смерти И.И. Ясюковича Э.А. Сундгрэн принял пост председателя Комитета по управлению делами Южно-Русского Днепропетровского Металлургического Общества. — Александр Слоновский. Игнатий Ясюкович — имя в истории. «Пороги», 2009*

(lib.dndz.gov.ua/uploads/Ignatius_Jasiukowicz_Name_in_history.pdf)

Эрнест Сундгрэн, проживая уже пенсионером в Брюсселе, тем не менее мог поучаствовать в следующем мероприятии, организованном в 1922 г. по инициативе агента Советской России:

Неудача «спеца» (От нашего Брюссельского корреспондента)

Недавно прибыл в Бельгию новый уполномоченный советского правительства генерал Ипатьев. Во время войны он заведовал химической промышленностью, стоял во главе харьковского бюро по распределению между заводами серной кислоты, имел в своем распоряжении все производство взрывчатых веществ — и по своей деятельности находился в непрерывном контакте с донецкой промышленностью. Сейчас ген. Ипатьев является одним из виднейших «спецов» и, как «знаток» индустрии, отправлен с щекотливою миссией в Брюссель: переговорить с бельгийскими заводчиками, владельцами предприятий, оставшихся в Донецком бассейне.

В 1914 году дед, [уже] в отставке, открыл экспертное бюро в Петербурге и одновременно купил дом в Гельсингфорсе. И когда в 1917 г. начались беспорядки, мой отец отвез мать к родителям [в Гельсингфорс], а сам стал участвовать в Юденическом движении и тайно ездил по русскому Северу. Когда большевики восторжествовали, то они очутились за границей. Дедушке в Финляндии не нравилось, и они всей семьей решили переехать в Париж. Отец, мать и ее младший брат Альберт (отец Кристиана) поехали в Париж за Юденичем и Кутеповым, но оказалось, что мой дедушка свою великолепную бельгийскую пенсию мог получать только в Бельгии, а не во Франции.

Тут они все опять семьей переехали в Брюссель. Мой отец имел сильный и независимый характер, он всегда работал независимо. Два раза кризис его разорял совершенно, но никогда не терял духа, не жаловался, а всегда находил новое дело и смог воспитать меня и содержать нашу семью.

Окончание примечания

Явившись со своими мандатами в Министерство промышленности [Бельгии], ген. Ипатьев испросил содействие для устройства большого совместного заседания с русско-бельгийскими заводчиками. Во главе общества, объединяющего бельгийцев, связанных интересами с Россией, стоит Louis Hautont, ныне кандидат от Бельгии на Генуэзскую конференцию. Любопытны некоторые детали совещания ген. Ипатьева с бельгийцами.

Советский «спец» передал заводчикам предложение Совнаркома вернуться в Россию и взять свои [пришедшие в упадок] заводы в аренду (на 60 лет) на особых договорных условиях. Бельгийцы ответили, что только полная «денационализация» заводов может явиться основой для возрождения промышленной жизни России. Далее ген. Ипатьев предложил [бывш.] директорам заводов персонально вернуться, для заведывания предприятиями под общим управлением Совнархоза [(ВСНХ)], причем им гарантировалась личная неприкосновенность. Резолюция бельгийцев отклонила это приглашение на советскую службу, причем председатель совещания Louis Hautont поставил ген. Ипатьеву не лишенный остроты и – увы! – трагического оттенка вопрос:

– Уверены ли вы сами, Ваше Превосходительство, что, вернувшись в Россию, вы почему-либо не будете взяты под подозрение и не расстреляны? Есть ли у вас твердая, глубокая уверенность в невозможности, невероятности этого?

– Полной уверенности у меня нет [находясь в заруб. командировке, в 1929 г. тов. Ипатьев узнает из газет о расстреле В.С. Михайлова, В.Л. Дыммана, В.Н. Деханова и Н.Г. Высочанского по делу о «Контрреволюционной, вредительской и шпионской организации в военной промышленности» и решит не возвращаться на родину, эмигрирует в США и умрет своей смертью в 1952 г. – МК].

После такого признания не трудно предугадать, что пышное совещание останется не только без практических результатов, но и будет лишено какого-либо «психологического» значения в пользу затей Совнархоза. Переходя, как в «Одиссее» от Пенелопы к служанкам, ген. Ипатьев просил бельгийцев командировать на заводы хотя бы мастеров, коим он гарантировал особые льготы, усиленные пайки, одежду, кров и т.д.

Вместо ответа ген. Ипатьеву были прочтены отрывки из писем от тех, буквально умирающих с голоду, бельгийцев, которые превратностью судеб остались прикрепленными к бесчисленным шахтам, рудникам и заводам Донецкого бассейна. «Умножить число этих несчастных, – гласил ответ, – мы не собираемся. И этих нам хотелось бы вырвать оттуда».

Любопытна заключительная резолюция совещания, которую пришлось выслушать незадачливому «спецу»: «Поскольку советское правительство нашло бы нужным произвести денационализацию заводов и рудников и объявить льготы и смягчения нынешней промышленной «системы» – эти облегчения и льготы не должны касаться одних только бельгийских предприятий, но должны распространяться и на русских владельцев».

Совещание было исключительным по многочисленности: тут был буквально «весь» бельгийский Донецкий бассейн. Потерпев полное фиаско, советский спец покинул негостеприимный Брюссель.

Ж. Рамье

«Руль» (Берлин), 19 февраля 1922 г.

По России он тосковал ужасно, дружил с [писателем] Куприным, всегда интересовался политикой, читал русские газеты, книги (у него была большая русская библиотека). Я говорила по-русски, ходила в «четверговую» школу при церкви, где еще настоящие педагоги из России учили нас читать и писать (по старой орфографии!), а так же грамматике, литературе, истории и географии России. В детстве училась в английском детском саду, а лет в девять меня записали в брюссельскую коммунальную школу, где я проучилась с успехом до 17-ти лет, а потом поступила в Консерваторию по драматическому искусству.

Отец в конце жизни имел очень удачное предприятие: он продавал разные [водопроводные] краны и «bonbonnes» (? бидоны [(баллоны)] для жидкого [(сжатого и сжиженного)] газа) таким фирмам как Shell и Esso (Еххон). Он сам ездил Италию и следил на заводах, как все это вырабатывается и, как техник, строго следил за хорошим исполнением заказов. Работал до 80-ти лет ([до 1967-го]), продал фирму, купил дом. Когда у меня родились дети (в 1956-м), мы сняли вместе дом, родители жили внизу и на 1-м этаже, а мы на двух верхних. Сначала дома были наемными. В 1963 году скончалась моя дорогая мать. В 1973-м мы переехали в новый дом, где отец скончался в 1977 году, в 90 лет.

Отец очень переживал все события [в СССР]. После войны 1940-45 гг. он одно время унывал, ему казалось, что ничего не изменится в России. Но в 1956 г. вдруг, после [прихода к власти] Хрущева, мы получили новости от старшей сестры матери [Эльны] (которая осталась в России и была замужем за русским инженером, она исчезла в 1937 году, мы [лишь] узнали, что [ее мужа] Жданова арестовали, а тетя уехала в Москву, к сыну, и с тех пор у нас не было никаких вестей от нее, и мы все думали, что она умерла), она вернулась из лагеря и ссылки в Бишкеке и написала нам письмо.

Мой младший дядя [(Альберт)], который тогда работал в финском правительстве (он был специалистом по нефти и в совершенстве говорил по-русски, его посылали в Россию по разным нефтяным и газовым делам), вывез сестру Эльну как старшую, единственную родившуюся в Финляндии и как финскую гражданку. Она скончалась в 1977 году в возрасте 93 лет.

Надеюсь, что Вам не надоела, но когда думаешь, сколько было удивительных жизней, сколько потеряно таланта, энергии, ума. Каждая жизнь – настоящий роман. Я все это написала по-французски, для детей. Отец очень поздно сделал короткую записку о своей жизни, которую отправил, с архивом Юденича, Солженицыну (с ним он переписывался очень кратко, Александр Исаевич длинных писем не писал, а [корреспонденцию] печатала его жена). По-моему, все это попало в [российский] Мемориал.* Там все эти истории могут когда-нибудь какого-нибудь будущего историка заинтересовать. Здесь, вряд ли, кроме внуков и правнуков. <...>

P.S. Простите за почерк! Но у меня больше нет компьютера и [пишущая] машинка сломалась! МГ

* Речь идет о библиотеке-фонде «Русское Зарубежье» (см. ниже).

7 января 2011 г.

Многоуважаемый Михаил Иванович

Большое Вам спасибо за страшно интересные главы Вашей биографии деда. Мы здесь с Катей [[Гардениной-Тумановой-Кондратьевой из Петербурга](#)] читаем и обсуждаем. Для нас все, что Вы пишете очень интересно по семейным причинам, но мне кажется, что если Вы хотите опубликовать книгу про знаменитого деда, [то] чтобы заинтересовать читателя, надо всех побочных родственников убрать и писать только о нем, Софье Ивановне, о детях.

При этом меня все время сбивают с толку все эти Сони! [(жена Р.Э. Классона Софья Ивановна, ее племянница Софья Николаевна Мотовилова, дочь первых Софья Робертовна Классон-Богомолова-Гарденина, дочь последней и С.Ф. Гарденина Софья Сергеевна)] Надо было бы найти что-то, что каждую из них отделяло бы от других Софий (но это просто мне лично трудно сразу понять, про какую Софью идет речь – мы здесь об отчествах забыли, и трудно [[всех этих многочисленных Софий](#)] запоминать).

<...> P.S. Так забавно: мне моя мать и ее сестры и братья тоже всегда рассказывали про прекрасную жизнь инженеров: точь-в-точь те же гувернантки, Mademoiselles и Fräuleins. И поездки в курорты и в Финляндию. Сундгрены ежегодно уезжали в Bad Reichenhall, в Баварии, недалеко от Berchtesgaden'a, и всегда останавливались [[ненадолго](#)] в Вене, которая в те далекие времена была культурным центром Европы.

10 марта 2011 г.

<...> Вот, что я слышала от отца в моем детстве (архив отца, вместе с архивом Генерала Юденича, мы передали А.И. Солженицыну, когда он очутился на Западе).

Феодор Викторович Гарденин, даты рождения не знаю, а скончался он трагично в 1915 г. в Ташкенте, где служил агрономом. Там произошло восстание, и жители убили всех русских чиновников и их сожгли. Ф.В. был в том числе. Он был агроном. Отец мне говорил, что отец Ф.В. был грузинский князь Чавчавадзэ (?), которого бездетные Гарденины усыновили, чтобы имя Гардениных продолжалось (!?) и что роман [[Эртеля](#)] «Семья Гардениных» как будто бы (+/-) описывает настоящих Гардениных.*

Елена Константиновна, княжна Палей-Белопольская, даты рождения не знаю, знаю, что она скончалась в 1920-х годах у дочери Александры. Сначала они жили в Орле и имели имение под городом, где родился мой отец [[Михаил](#)]. Феодор Викторович – агроном, имел возможность купить довольно дешево имение партизана Дениса Давыдова на Урале [[по данным М.Ф. Гарденина, в Бугульминском уезде Самарской губ. – МК](#)]. Он продал дом и имение орловские и переехал на Урал. К сожалению, Феодор Викторович, хотя и агроном, но в делах был очень плох, его обжулили и разорили, и ему пришлось занять пост агронома в Ташкенте [[по данным М.Ф. Гарденина, в Пржевальске Семиреченской обл. – МК](#)].

Бабушка осталась одна, с детьми, в Уфе, где дети учились. Она была очень умная женщина, научилась [[древне](#)]греческому и латинскому языкам, чтобы помогать детям в школе. Жили довольно бедно, дедушка сначала высылал деньги, но потом перестал (мой отец думал, что у него там завелась вторая семья). Так что сыновья все работали в школе репетиторами и давали [[частные](#)] уроки, так как учились очень хорошо (кроме Бориса).

Мария первая уехала в Петербург, на педагогические курсы Лесгафта, и стала учительницей, мечтавшей учить народ. Борис и Сергей стали революционерами.

* Со слов матери, Елены Константиновны Палей-Белопольской, М.Ф. Гарденин утверждал, что это был отпрыск кавказского рода Шервашидзе (см. выше).

Борис, меньшевик, был сослан в Сибирь, из которой бежал в Бельгию, где проживал в Брюсселе, был электротехником. Вернулся в Россию в 1915 г., умер в лагере в 1939 г. * У Бориса не было ни жены, ни детей.

Сергей, большевик, тоже очутился в Бельгии, где стал работать в шахтах около Льежа, где активно занимался развитием беспорядков и стачек [с началом войны был в 1914-м интернирован в немецком Аахене – МК]. Вернулся в Россию в 1917 г. Про Сергея Вы лучше знаете, чем я, хотя отец мне говорил, что он очень его любил и уважал, но у него был тяжелый и твердый характер, и что он предпочитал Андрея, как продолжателя имени Гардениных.

Мария Федоровна вышла замуж в 42 г[ода] за В. Лесмана и имела дочь Елену [(Лёлю)], р. 1924 г., [когда] скончалась, не могу точно вспомнить. Это она [(Елена)] меня разыскала, через объявление в Парижской Газете «Русская Мысль» ** .

Антонина, даты рождения не знаю, скончалась в 1962 г. Была замужем за революционером Войтовым. Когда в 1936-37 гг. начались «чистки», Войтов, чтобы спасти жену и детей, развелся, его арестовали и расстреляли. Но это не спасло Антонину, ее так же арестовали и сослали на 10 лет в Сибирь – и тут я Вам расскажу удивительное происшествие.***

* Как мы уже могли видеть, Б.Ф. Гарденин был обвинен в мифической подготовке диверсионного акта на Кировском заводе в Ленинграде и расстрелян там же 18 июня 1938 г.

** В формате еженедельной газеты «Русская мысль» издавалась на русском языке во Франции с 1947 г., взяв название периодического литературно-политического издания, прекратившего свои выпуски в Париже в 1927 году. – Из Википедии

*** По-видимому, это Ипполит Иванович Войтов (1884-?).

<...> Перед Февральской революцией был выслан из Уфы за «вредного направления лекции на заводах» и, переехав в начале февр. 1917 г. в Вятку, занял место редактора местной с.-х. технической «Крестьянской Газеты». После [Октябрьского] переворота, в середине марта 1917 г., был избран председателем Вятск. Совета рабочих и солдатских депутатов. Принадлежал к местным с.-д. меньшевистским лидерам. Будучи делегирован на первый Всеросс. Съезд Советов, выбран на нем по списку меньшевиков в состав первого ВЦИК'а. После Октябрьской революции заведывал культурно-просветительным отделом Челябинск. союза потребительных об-в. После образования антисоветского Областного правительства Урала в 1918 г. Войтов принял в нем должность помощника управляющего ведомством финансов. В сент. 1918 г. подписал от имени Уральского правительства акт об образовании «всероссийской верховной власти» (директории), принятый Уфимским совещанием белых правительств и организаций.

В конце 1918 г. поступил в Уральск. союз потребительных об-в зав. опотделом, но затем за статью против Колчака в газете «Урал» был привлечен к суду, вследствие чего перебрался, воспользовавшись командировкой, в Сибирь. Здесь продолжал работать в кооперации, а впоследствии перешел на педагогическую работу, как преподаватель по историческому материализму, политической экономии, кооперации и т. д. в учебных заведениях и на различных курсах (Ветеринарно-зоотехнический ин-т, Землеустроительный ин-т и др.); заведывал учебной частью на рабфаке при Сибирск. с.-х. академии. В Сибири Войтов отошел и фактически и формально от партии меньшевиков. Из Сибири перешел на кооперативную и педагогическую работу в Оренбург. В 1924 г. переехал в Свердловск, где стал работать как зав. эконом.-статистическ. частью с.-х. банка, ведя вместе с тем педагогическую работу в промышленно-экономич. техникуме (по кооперации) и сотрудничая в местной и центральной печати («Хозяйство Урала», «Уральский Кооператор», «Экономическая Жизнь», «Северн. Азия», «На аграрном фронте» и др.). – Из словаря «Деятели революционного движения в России»

Войтов Ипполит Иванович. Родился в 1884 г., Украина, Харьковская обл., г. Чугуев; украинец; Уралколхозсоюз, консультант. Проживал: Уральская обл., г. Свердловск. Арестован 18 апреля 1930 г. Приговорен: 28 июня 1931 г. Приговор: 5 лет конц. лагерь. Источник: Книга памяти Свердловской обл.

Войтова Антонина Федоровна. Родилась в 1886 г., Орловская обл., г. Орел; русская; Уральский Индустриальный институт, экономист. Проживала: г. Свердловск. Арестована 23 февраля 1938 г. Приговорена: 10 июня 1938 г. Приговор: 8 лет ИТЛ. Источник: Книга памяти Свердловской обл.

В тех же годах старшая сестра [Эльна] моей матери Эмси Сундгрэн, которая была замужем за русским инженером, которого даже назначили директором металлургического комбината в Днепропетровске [в Днепродзержинске – МК], была тоже арестована как «жена вредителя». Ее мужа Владислава [Всеволода – МК] Жданова арестовали и сразу же расстреляли.

А она доехала до Москвы, где учился ее младший сын, и ее там арестовали и тоже сослали. И вот в каком-то общем [(пересыльном)] пункте она встретила Антониной! Последняя ужасно горевала, думая о дочери-подростке, которая осталась совершенно одна. Мы здесь, в Бельгии, узнали об аресте Ждановых – никаких писем, никаких новостей не получали в течение 20 лет, и вдруг в 1956 г. тетя Эльна написала письмо, что она на свободе и реабилитирована. Отец Кристиана [Альберт], который был химик, специалист по нефти и которому часто от Финского правительства приходилось ездить в Россию, встретился с ней в Москве – тайно!! Она смогла выехать в Финляндию и приезжала сюда, в Бельгию к старшему сыну, который остался здесь в 1927 г. для учения.

Она и рассказала нам про встречу с Антониной и что у нее была дочь – Елена, с которой я так же имела радость познакомиться. Елена хорошо говорила по-немецки ([научила] гувернантка). Она в 1939 году вошла в Институт и вышла [из него] учительницей немецкого языка, чем и занималась всю жизнь. Она была замужем за двоюродным братом, сыном [моей тети] Александры, Кувайцевым – имела сына рано умершего, развелась. Скончалась в 1962 г.

Евгения Ф., не знаю ни даты рождения, ни смерти, таинственно исчезла в Москве где-то в 1940-х годах (?).

Михаил Ф., родился в 1889 г. [в 1887-м – МК], скончался в 1977-м. Братья имели на него большое влияние, он тоже был очень революционно настроенный, учился [в Уфимской гимназии] блестяще, поступил на юридический факультет в Москве [в Петербурге – МК]. В 1905 г. (или в 1904-м?) был тайный съезд в Финляндии, на котором он присутствовал с братьями*. Тут он ужаснулся. Его поразила слепая ненависть к России, которая там объявилась. Это его [всего] перевернуло. Возвращаясь в Россию, решил порвать с революцией и поступить на службу России. Держал экзамены в нескольких учебных заведениях, выдержал все и выбрал Морское Инженерное училище в Кронштадте.

Учился блестяще, студентом был послан в Англию, на разные верфи, изучать кораблестроение. Вернулся и со своим другом Шиманским (будущим академиком) написал первую в России книгу по кораблестроению на русском языке.** Когда началась война 1914 г., его послали покупать сталь на Днепровский завод, где директором служил мой [будущий] дедушка Сундгрэн. Влюбился в его дочь Эмси, повенчались они в 1915-м в Гельсингфорсе. Дедушка тогда уже вышел на пенсию, имел консультантское бюро в Петербурге, но [также] имел дом в Гельсингфорсе. Когда началась революция, отец вывез мать [Эмси] к родителям, думая, что это просто временные беспорядки.

* По-видимому, речь могла идти о Таммерфосской конференции, проходившей с 12/25 по 17/30 декабря 1905 года. Однако, как следует из воспоминаний М.Ф. Гарденина, это была конференция Петербургской конференции РСДРП в Териоках, 1907 год (см. ниже).

** «Справочная книга для корабельных инженеров», изданная в 1916 г. в Петрограде, уже упоминалась, а здесь приведем начало служебного списка М.Ф. Гарденина (далее он получит еще должность флагманского корабельного инженера) из того же Списка офицерских чинов Русского Императорского флота В.Ю. Грибовского:

Гарденин Михаил Федорович. Родился 18 июня 1887 г. Кор. гард.-суд. [(Корабельный гардемарин-судостроитель)] (1911). Пдпрч. [(подпоручик)] (1911). Произведен в штабс-капитаны Корпуса корабельных инженеров 6 декабря 1915 г.

Участвовал в движении Юденича, с которым имел самые дружеские отношения, и после смерти Юденича его жена передала весь его архив отцу, который оный свято хранил и с радостью смог его поручить Солженицыну.*

Мой отец имел очень независимый и твердый характер. Он всегда выкручивался [из сложных ситуаций] один. В Бельгию они [Михаил и Эмси] приехали в 1922 году. Дедушке и бабушке не хотелось жить в Финляндии, а дедушка получал хорошую пенсию от общества Cockerill-Sambre, которое владело Днепровским заводом. Вся семья Сундгренов (кроме Эльны, оставшейся в России, и Эрнеста – старшего брата, тоже химика, который был женат на финке и который остался в Хельсинки) переехала в Брюссель.

Отец Кристиана – Альберт был еще студентом, химиком, младшая сестра матери – Хедди, замужем за доктором Орестом Феодоровичем Вейнертом, тоже последовала [в Брюссель].**

Я родилась в 1924 г. в Брюсселе, а через 10 дней [в семье Вейнертов] родился и мой двоюродный брат, двойник [сверстник? – МК] Игорь, с которым я воспитывалась. Мы все виделись ежедневно у бабушки, каникулы тоже часто бывали общие. Игорь скончался 10 лет тому назад.

Я училась сначала в английском детском саду Miss Mary Marx, где научилась очень хорошо по английскому языку. Потом училась в коммунальной школе в St. Gilles (это одна из Брюссельских коммун).*** Закончила хорошо учение во время войны, в 1941 году. Поступила в Консерваторию по драматическому искусству. Поступила в Национальный театр Бельгии, где познакомилась с будущим мужем Эдуардом Майон (Mahillon). Повенчались в 1947 г.

В 1948-м покинула Национальный театр и уехала в Париж, муж тоже последовал [за мной]. С другими актерами Национального театра мы создали «Плавучий театр» (Théâtre Flottant) на барже. Жили на другой маленькой барже, где у каждой пары (нас было 3 пары + 2 детей + музыкант-пианист + разведенная актриса) [была своя каюта].

Было страшно весело, имели громадный успех, плыли по всей Бельгии и до Парижа. Увы, баржа-театр была [нами лишь] нанята, и хозяин потребовал ее обратно, чтобы перевозить уголь. Так как денег у нас [на выкуп баржи] не было, то должны были расстаться. Я еще имела счастье провести 6 месяцев в Алжире, играла в тамошнем театре и разъезжала по всей стране. Но это было в 1954 г., год, когда начались восстания [за получение независимости]. Вернулась в Брюссель в 1955 г., у муж было ателье по выделке декораций.

Пошли дети – Филипп, Елена и Вероника, и я перестала играть [на сцене]. Никогда об этом не сожалела, так как дети были для меня самое важное [в жизни]. [Теперь у меня] внуки: у Филиппа [дети] – Лидия и Николай, у Елены – Варвара, у Вероники – Леопольд и Лора. Все живем дружно.

* По понятным причинам генерал Н.Н. Юденич, еще в конце 1919 г., прежде чем передать свой архив на временное хранение М.Ф. Гарденину в Гельсингфорсе (см. ниже воспоминания последнего), распорядился уничтожить оперативные документы, «с именами, паролями, явками».

** Из книги Александра Широкограда «Упущенный шанс Врангеля. Крым – Бизерта – Галлиполи», 2009 г.: <...> В 1925 г. семья Врангеля, в которой в 1922 г. родился еще один ребенок – сын Алексей, переехала в Брюссель, а сам он с матерью остался в Сремских Карловцах, где среди прочих дел зимой 1926 г. приступил к редактированию своих воспоминаний и подготовке их к изданию. В ноябре 1926 г. сам Петр Николаевич переезжает к родным в Брюссель. <...> Ну а мы опять вернемся к нашему барону. 8 марта 1928 г. Врангель простудился и слег в постель. Лечил его русский доктор немецкого происхождения Вейнерт.

*** Коммуна Сен-Жиль (Saint-Gilles) – южный пригород столицы (около 2,5 км к югу от исторического центра Брюсселя), одна из девятнадцати коммун Брюссельского столичного региона.

У меня теперь настоящая европейская семья. Филипп женился на итальянке, Елена замужем за немцем (родившемся в Конго), а Вероника замужем за стопроцентным французом!

Извините мои ошибки и почерк – надеюсь, еще не надоела.

Хотелось тоже Вам заметить: в Ваших записках [биографических очерках – МК] вы смешиваете «Christian Science» (одна из многих церквей-сект Америки) и «Scientology» ([тоталитарная] секта, более похожая на французские масонства, но без всякого идеала – они выуживают деньги у своих членов, обещая им «науку» как войти в высшие круги и заработать как можно больше денег и власти; во Франции и Бельгии секта запрещена, но все же кружки [подпольно] существуют).

Сердечно кланяюсь

Марина Гарденина

6 мая 2012 г.

(в ответ на мой электронный запрос об «Эльне», внезапно возникшей в воспоминаниях М.Ф. Гарденина, получил электронный же ответ)

Эльна Сундгрэн – старшая сестра моей матери Эмси Эрнестовны Сундгрэн-Гардениной. Она была замужем за инженером Владиславом Ждановым, работавшим на заводе Каменское Запорожье (теперь Днепропетровск [правильнее, Днепродзержинск – МК]), под дирекцией дедушки Эрнеста Сундгрена. Они остались в России, имели двух сыновей – Юрия и Славу. В 1927 году Эльна смогла приехать в Брюссель, на похороны своего отца (моего дедушки), Юрия оставила в Брюсселе. Вернулась со Славой. Владислав Жданов (дядя Вадя) был послан на стажировку в Америку, когда вернулся, был посажен в лагерь.

Но потом его выпустили и назначили директором Запорожского завода [Днепродзержинского, бывш. Днепровского в Каменском – МК], где он работал до 1937 года, когда его арестовали как японского шпиона и сразу расстреляли. Тетя была сослана в лагерь, в Сибирь и потом – в Бишкек. В 1956 году реабилитирована и как финка выбралась к брату в Финляндию, где скончалась в 1976 (?), 1977 (?) году. <...>

* Марина Михайловна Гарденина немного ошиблась в имени своего родственника – это Всеволод Иванович Жданов, известный металлург, и в месте его работы. Из воспоминаний Исаия Львовича Абрамовича (www.sakharov-center.ru/asfcd/auth/?t=page&num=12417):

<...> Итак, прибыл я на завод, сдал в отдел кадров путевку, выданную управлением кадров Наркомтяжпрома, и явился на прием к директору. Директор Днепродзержинского металлургического завода А.П. Завенягин не выразил восторга, ознакомившись с нашими биографиями.

Что ж, его можно было понять: сразу на шею ему вешали двух троцкистов! Однако на работу нас зачислили: меня – старшим инженером-экономистом планового отдела УКС (управление капитального строительства), Арвида – туда же инженером-экономистом. Но работать нам с Завенягиным пришлось недолго: его перебросили директором Магнитогорского завода, а к нам был назначен директором И.П. Манаенков. Техническим директором Днепродзержинки был Бардин, но и он вскоре уехал в Кузнецк, и его заменил В.И. Жданов, один из старейших и выдающихся русских металлургов.

Манаенков как-то рассказывал историю появления Жданова на заводе. Оказывается, он был назначен техническим директором завода и приехал в Днепродзержинск непосредственно из внутренней тюрьмы ГПУ на Лубянке 2, где сидел по делу «Промпартии». Ему инкриминировалась подготовка вместе с другими контрреволюционного переворота, после которого Совет народных комиссаров должен был быть устранен и заменен «кабинетом министров», возглавлявшимся Рамзиным. В составе этого «кабинета» Всеволод Иванович должен был якобы занять место министра по делам торговли и промышленности.

Продолжение примечания

В конце 1933 года я ехал вместе с В.И. Ждановым в командировку. В поезде разговорились, и я спросил его, верно ли все это. Всеволод Иванович подтвердил, что все верно. Разумеется, не в том смысле, что верны обвинения – они были с начала до конца лживы. Но он действительно два с половиной года сидел во внутренней тюрьме на Лубянке, где его избивали и пытали, пытаюсь добиться признания в несуществующих преступлениях. Однако, несмотря на пытки, он никакого «признания» не подписал. От этих лет у него остался непрекращающийся нервный тик.

Как же все-таки попал Всеволод Иванович с Лубянки в Днепродзержинск?

Когда Бардин уехал, и завод остался без технического директора, И.П. Манаенков, приехав в Москву и будучи на приеме у Г.К. Орджоникидзе, попросил его направить на завод какого-нибудь крупного специалиста-металлурга. Орджоникидзе предложил ему Жданова.

— Это было бы прекрасно, – сказал Манаенков. – Но, насколько мне известно, он сидит в тюрьме...

— Ну и что же? – сказал Орджоникидзе. – Существует такая практика, что по просьбе наркомов ГПУ освобождает из заключения специалистов для работы на предприятиях. Если ты не возражаешь, я поговорю с Менжинским...

Манаенков, конечно, согласился: лучшего технического директора ему было не найти. Орджоникидзе тут же позвонил Менжинскому, и очень скоро в кабинет Орджоникидзе явился конвоируемый геппеушником В.И. Жданов. Орджоникидзе познакомил его с Манаенковым и предложил ему должность технического директора на Днепродзержинском заводе

— Я согласился, – рассказывал мне В.И. Жданов, – при условии, что не буду заниматься вопросами реконструкции и строительства новых цехов и других объектов, а ограничусь только эксплуатацией. Орджоникидзе удивился: как можно вести строительство без увязки с эксплуатацией действующего завода? «Ваше дело, – сказал я, – я не навязываюсь на эту должность». «Но почему?» – продолжал изумляться Орджоникидзе. «Потому, что меня посадили в тюрьму, где я просидел два с половиной года, по обвинению во вредительстве. А "вредительство" заключалось в том, что направление, которое я давал строительству, вело якобы к неэффективной эксплуатации строящихся заводов. С меня хватит».

Тут вмешался Манаенков и сказал, что он согласен на то, чтобы Всеволод Иванович занимался только вопросами эксплуатации. На том и покончили. «Вертухая» отправили обратно с распиской Орджоникидзе. Тут же Серго поручил своему секретарю Семушкину выяснить, где семья Всеволода Ивановича. Семья его оказалась в Москве, на той же квартире, только половину ее забрали. Через несколько минут на столе Орджоникидзе лежал номер телефона жены Жданова, и Всеволод Иванович прямо из кабинета наркома позвонил домой. Немедленно было отдано распоряжение освободить квартиру Жданова, и Всеволод Иванович на машине Орджоникидзе поехал домой. А наутро встретился с Манаенковым, чтобы обсудить практическую сторону дела.

Вот что предшествовало началу работы нового технического директора. Что и говорить, похоже на сказку. Но чего не бывало в тех условиях: просто было казнить, но если требовалось, просто было и миловать. Закон в обоих случаях был тут ни при чем – как, впрочем, и сейчас.

...О Всеволоде Ивановиче Жданове как о личности и деятеле следует рассказать подробнее. Я чувствую себя обязанным сделать это, потому что ни у кого я не научился столь многому, как у него, и ни у кого не было так интересно учиться...

Днепродзержинский завод не был для него новым. В.И. Жданов считался выдающимся инженером этого завода еще до революции, когда тот принадлежал Днепровскому металлургическому акционерному обществу, правление которого находилось в Петербурге. Завод был построен в 1912 году по новейшему тогда слову техники в поселке Каменское (нынешний Днепродзержинск) польским акционерным обществом. Директором его был Сунгрем [правильно, Сундгрэн – МК], на дочери [Эльне] которого женился Жданов. Инженерное образование Всеволода Ивановича как небо от земли отличалось от нашего – поверхностного и скороспелого. Мы были по существу недоучки, а в области общей культуры вообще недоросли.

Жданов, всю жизнь работавший над самыми сложными проблемами металлургического производства, еще до революции объехал все сколько-нибудь заслуживавшие внимания металлургические заводы мира. В совершенстве владевший английским, французским и немецким языками, он получал все специальные иностранные журналы и другую литературу и регулярно знакомился с ними. Несмотря на невероятную загрузку, он находил время для того, чтобы постоянно читать новейшую русскую и иностранную художественную литературу. Возможность удовлетворять свои широкие и разносторонние интересы он получал благодаря своей невероятной организованности и работоспособности. Это была совсем несвойственная нам высочайшая степень культуры труда.

Продолжение примечания

У него не было, например, секретарши, которая сидела около кабинета и охраняла своего шефа от посетителей. В определенные часы приема, которые он сам строжайше соблюдал, к нему мог прийти каждый в порядке живой очереди. Секретарь же (или, как называл его Жданов, «писарь»), мужчина, печатавший на машинке, вел картотеку, в которую заносил все распоряжения Жданова, и строго следил за их выполнением (ежедневно он клал на стол Жданова справку с указанием фамилий работников, не выполнивших распоряжения в срок); готовил всю почту и был, кроме того, библиотекарем Жданова.

Ежедневно просматривая получаемую литературу, Всеволод Иванович тут же помечал, что нужно перевести на русский язык и кому разослать переводы. Переводом и перепечаткой занималась специальная машинистка, владевшая иностранными языками, а рассылкой – секретарь, фиксировавший в картотеке и срок отправки, и содержание сопровождавшей ее резолюции. Исполнение распоряжений проверялось неукоснительно – и не внезапно, в порядке проверки, а изо дня в день.

Распределение премий (а премии завод получал большие), распределение квартир для инженерно-технических работников зависело непосредственно от выполнения ими распоряжений руководства, и тот, кто без предварительного обоснованного объяснения не выполнял приказа, не получал ни премии, ни квартиры. Занимался этим лично Жданов, и директор в это не вмешивался, а Жданов неотступно придерживался своего принципа. При этом – и это все знали – не было случая, чтобы он покривил душой, оказал снисхождение тому, кому он симпатизирует, или, наоборот, к кому-нибудь придрался. Его уважали не только за ум, талант и организованность, но и за справедливость. В высшей степени свойственно было ему врожденное чувство собственного достоинства и, вероятно, поэтому совсем несвойственно чувство страха – во всяком случае, оно никогда не проявлялось. Впрочем, это видно уже из того, что он выдержал два с половиной года мучений, не подписав ложного навета на себя.

Во время работы его на заводе произошел такой случай. Манаенков уехал в отпуск, и его заменял Жданов. В это время сдавалось в эксплуатацию какое-то помещение, построенное для нужд завода и расположенное рядом с райотделом ГПУ (все жилые и административные здания в городе принадлежали заводу). Начальник райотдела позвонил Жданову и попросил его отдать новое помещение райотделу ГПУ. Жданов отказал. ГПУ заняло помещение самовольно. Жданов позвонил командиру батальона, несшего охрану завода и приказал ему немедленно выселить незаконно вселившихся. Но охрана состояла из войск ГПУ, и комбат отказался вступить в конфликт со своим непосредственным начальством. Тогда Жданов обратился непосредственно к секретарю Днепропетровского обкома партии М.М. Хатаевичу и сказал ему, что если ГПУ не освободит здание, он будет просить помощи у Орджоникидзе.

Здание немедленно освободили. Не знаю, пошел ли бы на такой открытый конфликт с ГПУ (даже с районным отделом) Манаенков или какой-нибудь другой ответственный работник, и не соприкасавшийся никогда с этим учреждением. А Жданов, испытавший на себе все его порядки и нравы, не смолчал, не стерпел. Это тоже свидетельствует о масштабе личности. Всеволод Иванович был предельно точен и аккуратен. Не той безжизненной аккуратностью, которая заменяет иным ум и воображение (той, что ходила в те времена под названием «каменная задница»), а той дисциплиной ума и воли, без которой немыслима напряженная умственная работа.

День его был строжайшим образом расписан по часам и минутам, и все знали его расписание: с 6 до 8 утра обход цехов; с 8 до 9 – завтрак; с 9 до 11 – работа с секретарем, просмотр почты и иностранной литературы; с 11 до 12 – у директора завода; с 12 до 15 – обед, отдых, чтение; с 15 до 18 – прием начальников отделов и цехов и вообще всех вызванных и пришедших по собственной инициативе лиц. Время, отведенное для приема вызванного, соблюдалось строго, и на каждый свой вопрос посетитель получал ответ – либо немедленно, либо, в редких случаях, через некоторое время, нужное для того, чтобы навести справку.

Расхлябанности он не терпел. Сам никогда и никуда не опаздывал и того же требовал от других. Растраты времени на бессмысленное ожидание тоже не выносил. Помню, он как-то назначил совещание на 19 часов. Все пришли немного раньше, и когда стрелка часов стала подходить к 19-ти, слышались шутки: вот, дескать, и непогрешимый Всеволод Иванович может опоздать. Но, как только большие часы в его кабинете пробили семь, дверь распахнулась, и вошел Жданов.

Было однажды на этой почве столкновение с Всеволодом Ивановичем и у меня лично – очень поучительное. Мы ехали вместе в командировку в Москву. Поезд отходил из Днепродзержинска в 22.00. Жданов предупредил меня, чтобы я был готов к 21.00, ровно в это время за мной заедет его шофер. Я считал, что выехать надо раньше. Жданов был непреклонен. «Успеем еще на вокзале выпить по рюмке водки и закусить бутербродом», – сказал он. В 20 часов я начал нервничать, еще через полчаса вызвал шофера Жданова и стал уговаривать его заехать за мной пораньше. Он не хотел, ссылаясь на приказ Всеволода Ивановича, но потом сдался. К дому Жданова мы подъехали в 20 часов 15 минут. Я попросил шофера посигналить, но на этот раз он решительно воспротивился.

Продолжение примечания

– Через пятнадцать минут посигналю, как Всеволод Иванович велел, – сказал он.

Тогда я, к ужасу шофера, сам нажал на клаксон. Напрасно. Жданов вышел ровно в назначенное время, сел в машину и спросил шофера:

– Почему гудели раньше срока?

Я признался в своей вине. Всю дорогу до вокзала Всеволод Иванович пилил меня за расхлябанность, за неуважение к своему и чужому времени. И оказался прав. Мы и в буфет успели зайти, и спокойно дошли по перрону до своего вагона, сели – и поезд отправился только через две минуты. Это был наглядный урок точного расчета времени, и я его запомнил на всю жизнь.

Всеволод Иванович Жданов навсегда остался для меня образцом культуры труда, поведения, отношения к людям, к своему слову – своего рода моральным и культурным эталоном.

На этом повествование И.Л. Абрамовича придется прервать, поскольку в октябре 1935 г. он был снят с должности зам начальника планового отдела как «бывший троцкист», в тот же день вместе с семьей уехал в Одессу, но вскоре был арестован и затем прошел все круги Гулага...

В статье «Новый шахтинский процесс» в парижском «Возрождении» за 11 февраля 1930 г. В.И. Жданов фигурировал как «вредитель»:

Ближайший сподвижник Сталина, [председатель ВСНХ] Куйбышев, произнес в Петрограде на общем собрании инженеров и техников речь, которая заставляет ждать нового, направленного против инженеров процесса вроде шахтинского, но еще в большем масштабе.

<...> Когда наступило разочарование в скором падении советской власти, то, по словам Куйбышева, инженеры перешли [от усилий по сохранению предприятий в ожидании возвращения их бывших владельцев] к прямому вредительству, которое «выразилось в составлении неисполнимых планов». По показаниям инженеров Жданова и Гартвана, на которых было возложено составление плана работ металлургических заводов, они составили злокозненный, вредный для народного хозяйства план, имевший целью задержать развитие металлургии, перепутать машиностроение и тем самым привести народное хозяйство к кризису и к зависимости его от иностранного капитала. <...>

Итак, В.И. Жданов был арестован в декабре 1928 г. (см. ниже). Согласно адресно-справочной книге «Вся Москва-1927» он занимал пост заведующего металлургическим отделом в Главметалле ВСНХ СССР. А его «подельник» Рейнгольд Яковлевич Гартван служил заместителем председателя промышленной секции в производственном секторе Госплана СССР.

31 марта 1938 года в Днепропетровске заседала выездная сессия Военной коллегии Верховного Суда СССР. Военная коллегия рассматривала дела, подготовленные Днепропетровским областным управлением НКВД.

Под безжалостную гребенку попали многие днепродзержинские руководители, обвиняемые в участии в контрреволюционных организациях всесоюзного масштаба. Слушания проводились без присутствия обвиняемых и без права на защиту. Поэтому «производительность труда» судей Военной коллегии была высока. В этот день были приговорены к смертной казни руководство Государственного Днепропетровского металлургического завода. Это директор Иосиф Манаенков, главный инженер предприятия Всеволод Жданов, главный бухгалтер Георгий Рак, бухгалтер Иван Войтенко, главный калибровщик завода Эдмунд Крикент, заместитель коммерческого директора Алексей Зубенко, начальник ОТК Юлиан Лада, заведующий бюро теплотехнической лаборатории качества Вацлав Лешер, инженер Виктор Урих, геодезист УКС Эрнест-Макс Менниксар, бригадир монтажного цеха Владимир Московец. Из коксохимиков к высшей мере наказания осуждены конструктор Баглейского управления «Коксохиммонтаж» Карл Менниксар и технический директор ДКХЗ Роман Вальман. В тот же день ночью все они были расстреляны в специально вырытой траншее на девятом километре шоссе Днепропетровск – Запорожье. – Из Интернета

Некоторые подробности этого жуткого процесса можно узнать из книги Александра Слоневского «Судебные процессы и преступность в Каменском-Днепродзержинске» (Днепропетровск, 2010), в частности:

<...> Манаенков свою причастность к организации и связями с «сообщниками» не отрицал, как и того, что он придумал версию о Сталине, который якобы имеет шифр, при помощи которого ежедневно руководит борьбой испанского пролетариата... Приговором Военной коллегии Верховного Суда СССР от 31 марта 1938 года Манаенков Иосиф Петрович приговорен к высшей мере наказания расстрелу. Приговор приведен в исполнение в тот же день.

Продолжение примечания

По бухаринскому делу [т.е. по делу Н.И. Бухарина, в рамках процесса «Антисоветский правотроцкистский блок», который состоялся 2-13 марта 1938 года в Москве – МК] был арестован и главный инженер ДМЗ Всеволод Иванович Жданов. Он родился в 1880 году в Киеве, русский, из служащих, беспартийный, женат, имел двоих детей. Крупный специалист черной металлургии, он получил образование еще в дореволюционное время, окончив Петербургский горный институт. Был тактичным, точным, обязательным руководителем, не терпевшим «бумаготворчества». Он уже однажды был арестован в декабре 1928 года в числе «антисоветски настроенной верхушки буржуазной интеллигенции в системе ВСНХ» по обвинению в организации экономического саботажа.

Тогда Жданова приговорили к высшей мере наказания, которая, однако, была заменена десятью годами исправительно-трудового лагеря. В. Жданова назначили руководителем закрытого проектного бюро, которому поставили задачу спроектировать и построить советский блюминг. За сравнительно короткое время задачу удалось решить, и первый советский блюминг смонтировали на Макеевском металлургическом комбинате. Все заключенные инженеры и техники, участвующие в создании советского блюминга, в том числе и Жданов, были досрочно освобождены в октябре 1931 года и даже награждены. После этого Жданов получил назначение на завод Дзержинского.

Впрочем, жизнь В. Жданова, этого талантливого инженера, трагически оборвалась в 1938 году, когда он был вновь репрессирован и по приговору Военной коллегии Верховного Суда СССР расстрелян в один день с И. Манаенковым и остальными «членами законспирированного правотроцкистского блока» 31 марта 1938 года. Также с большой степенью вероятности, на основании даты вынесения приговора, органа, вынесшего приговор и даты приведения его в исполнение, можно предположить, что по «делу Манаенкова» проходили:

1) начальник отдела технического контроля завода Дзержинского Юлиан Станиславович Лада; 2) заведующий бюро измерений теплотехнической лаборатории качества Вацлав Христианович Лешер; 3) главный калибровщик завода и начальник вальцетокарного цеха Эдмунд Карлович Крикент; 4) главный бухгалтер завода Георгий Викторович Рак; 5) геодезист отдела капитального строительства завода Дзержинского Эрнест-Макс Георгиевич Менниксар; 6) конструктор Баглейского управления «Коксохиммонтаж» Карл Георгиевич Менниксар.

Все они 31 марта 1938 года приговорены Военной коллегией Верховного Суда СССР к расстрелу и в тот же день расстреляны. Более «повезло» заместителю коммерческого директора завода имени Дзержинского Алексею Даниловичу Зубенко. 31 марта 1938 года Военной коллегией Верховного Суда СССР он был обвинен в принадлежности к контрреволюционной организации и приговорен к 15 годам исправительно-трудовых лагерей.

Александр Слоневский в своей книге «Судебные процессы и преступность в Каменском-Днепродзержинске» приводит список репрессированных жен «врагов народа», согласно которому 16 декабря 1937 г. была приговорена к 5 годам лагерей и украинка Ольга Степановна Жданова, мать двоих детей.

Однако это не жена В.И. Жданова, супругой которого была, как известно, Эльна Сундгрэн, и арестовали последнюю уже в Москве (возможно, поэтому она и не попала в отмеченный список в книге А. Слоневского; нет ее, кстати, как и ее мужа, в «Жертвах политических репрессий» Мемориала). Между прочим, в этой же книге приводится и такой эпизод на Днепровском заводе, еще из дореволюционной жизни, который мы оставим без комментария (поскольку он требует дополнительного изучения):

Екатеринославская газета «Южная заря» в номере от 7 марта 1913 года опубликовала заметку «Министерство путей сообщения и Каменской завод». Вот ее содержание.

«На страницах нашей газеты уже сообщалось о подделке Каменским заводом казенных клейм на частных и правительственных заказах, благодаря чему никуда не годные, сфабрикованные наспех и из недоброкачественного материала фабрикаты сдавались железным дорогам, адмиралтейству, казенным оружейным и частным заводам. Само собой разумеется, что вся почти тяжесть от этой хитроумной затеи обрушилась на главных заказчиков и клиентов завода, преимущественно, следовательно, на железные дороги и ведающий ими орган – министерство путей сообщения.

Далее, как уверяют, для раскрытия преступления местной прокуратурой приглашен был в эксперты, как специалист, инспектор по приему заказов, инженер путей сообщения И.И. Тихонов. Последний, стараясь по возможности добросовестно исполнить свою миссию, предпринял целый ряд поездок «на места» и, собрав уличающий заводоуправление материал, стал приводить его в систематический порядок. Однако в самый решительный момент дело закончилось не менее решительным финалом.

Гарденин Михаил Федорович
[17.06].1887 [ст. стиля] – 18.08.1977

Памятные места в Санкт-Петербурге:

Гарденин Михаил Федорович, родился в 1887 году. Морское инженерное училище 1911. Капитан корпуса корабельных инженеров, флагманский корпусной инженер флотилии Северного Ледовитого океана. В белых войсках Северного фронта в Архангельске до эвакуации. В эмиграции в Бельгии. Умер 18 августа 1977 в Брюсселе.

(Люди Петербурга – www.pershpektiva.ru)

Окончание примечания

Как уверяют, местным окружным судом получена от министерства путей сообщения «бумага», в которой указывается, что г. Тихонов, состоя членом целого ряда приемочных, проверочных и ревизионных комиссий, и без того перегружен работой. Замечательно, что в тот же день, от того же министерства и такого же характера «бумага» была получена и г. Тихоновым».

Комментарий: В этой истории привлекают внимание два момента.

1. Подделка клейм на Днепровском заводе не могла происходить без ведома директора-распорядителя Эрнеста Сундгрена. Пытаясь получить прибыль даже на недоброкачественных фабрикатах, он не мог не понимать, какими последствиями может обернуться такая затея. Случись авария на железной дороге по причине поломки рельсов, это повлекло бы за собой человеческие жертвы.

2. Дело получило широкую огласку и дошло до правительственных сфер. Но вдруг самая заинтересованная в раскрытии экономического преступления сторона – министерство путей сообщения, фактически отзывает эксперта Тихонова от участия в расследовании инцидента. Почему? Надо полагать, что лишь личное вмешательство директора-распорядителя Южно-Русского Днепровского Металлургического Общества (ЮРДМО) Игнатия Ясюковича, долгое время руководившего Днепровским заводом, потушило разгорающийся скандал. Доверие И. Ясюковича к Э. Сундгрону поколебалось, и последний, несмотря на все свои административные и профессиональные достоинства, перестал быть для И. Ясюковича кандидатом номер один на замещение поста руководителя ЮРДМО. Однако честь мундира и стремление не допустить падения высокого авторитета продукции Днепровского завода на российском и мировом рынках, заставило И. Ясюковича, имеющего прочные связи в правительственных, финансовых и министерских кругах, пойти на сделку с совестью. Тяжба была замята, скандал потушен.

Оказывается, шпионаж и вредительство на Днепровском заводе расцвели еще в 1920-е. Из заметки в берлинском «Руле» от 6 июня 1925 г.:

В Екатеринославе началось слушание дела об экономическом шпионаже на Днепровском заводе. На скамье подсудимых 20 человек. Большинство из них инженеры. Главный обвиняемый – инженер Шихов. Они обвиняются в «шпионаже в пользу международной буржуазии и в противодействии нормальной деятельности завода». Защита ходатайствовала о вызове ряда ответственных работников правления Югостали для опровержения ряда фактов, на которые опирается обвинительный акт, и для установления того, что все восстановительные работы по ремонту выполнялись с согласия Югостали и заводоуправления. Прокурор высказался против ходатайства защиты, заявив, что эти ходатайства представляют собой попытку «подменить истинный контрреволюционный характер деятельности подсудимых моментом объективной полезности их восстановительных работ».

И концовка этого процесса («Руль», 3 июля 1925 г.):

Президиум ВЦИК удовлетворил ходатайство осужденных по делу об экономической контрреволюции на Днепровском заводе о смягчении приговора. Шихов, Храповицкий и Простаков взамен смертной казни приговорены к 10 годам заключения. Остальные подсудимые будут заключены на сроки, указанные в приговоре, но без строгой изоляции и без поражения в [избирательных] правах после отбытия наказания.

В «Руле» от 31 октября 1922 г. появилась весьма странная информашка (вряд ли это однофамилец «нашего» Жданова):

Убийство инженера Жданова

Нам сообщают об убийстве в железнодорожном вагоне красноармейцем горного инженера Жданова. Он был недавно назначен членом правления металлургического треста. Кроме того, Жданов был главным металлургом ВСНХ и вместе с Л.И. Игнатьевым руководил промышленной политикой [металлургического] Донбасса.

18.08.1977 в г. Брюссель скончался старейший корабельный инженер флота. Капитан **Михаил Федорович ГАРДЕНИН** 90 лет от роду.

Михаил Федорович окончил Морское Инженерное Училище в Кронштадте в 1911 г. и служил в Главном Управлении Кораблестроения. В 1916-м г., будучи назначен Главным Инженером формирующейся флотилии Северного Ледовитого Океана совершил переход на «**Варяге**» из Владивостока в Архангельск [??? – МК], где продолжил свою службу до эвакуации генералом Миллером Архангельска. После чего занимался коммерческими делами в Бельгии.

(Корттик: флот, история, люди – kortic.borda.ru)

Из дневника контр-адмирала Владимира Константиновича Пилкина

(militera.lib.ru/db/pilkin_vk/index.html)

31 января 1919 г. [(Гельсингфорс).] Был в Soci t  Hotel и познакомился там с неким Гардениным. Это бывший механик, женившийся на богатой шведке, имеющий дела с англичанами и играющий поэтому политическую роль. Я просидел с ним часа полтора, но он не сообщил мне ничего нового. Те же сплетни об [генерал-лейтенанте В.К.] Арсеньеве и его интригах, те же общие места о политике союзников. Меня заинтересовало очень одно: он рассказал мне, что до Колчака [в Сибирь] можно доехать в 12 дней, только надо захватить порядочную сумму денег, чтобы иметь возможность, не давая лошадей – купить их и т.п. Если бы я был здоров, с каким наслаждением поехал я таким курьером. <...>

Вечером меня вызвал Юденич и предложил ехать сговариваться с эстляндскими правителями, в составе комиссии кн. Волконский и Лианозов. Я отказался. Я сказал ему, что для меня неясно, что можно и должно в настоящее время уступать Эстляндии. Думать же, что уступать ничего «посольству» не придется, – наивно. Состав посольства неудовлетворителен. Волконский – фигура, которая выдает Эстляндии <1 нрзб>. Кроме того, мы все трое не знаем друг друга, а времени столкнуться нет. Потом... потом я болен и подохну в Ревеле. Я не сказал ему еще, что денег у меня нет, в особенности чтобы жить с такими тузами, как Лианозов и Волконский, а брать деньги неизвестно от кого... от Гарденина я не хочу. Юденич недоволен!

24 марта 1919 г. <...> Был Гарденин. Зачем? – неизвестно. Он сообщил, что Овчаров написал в Париж донос на Ваню [(корабельный инженер, полковник Корпуса корабельных инженеров Иван Александрович Гаврилов)]. Я давно предвидел это. Ваня просил Гарденина помочь ему достать визу. Тот обещал. Не нравится мне Гарденин! <...>

19 апреля 1919 г. Погода испортилась: солнца нет, был сперва туман, потом ветер.

Был у меня Долматов-Дитерихс с докладом. Довольно сумбурное у него сообщение. Мало фактов, много рассуждений, никакой системы. Впрочем, кое-что интересное. Он сказал мне, что Гарденин дал для чего-то Лукину 22 тысячи марок. Это сделано Гардениным, по-видимому, для каких-то неизвестных Юденичу дел. На границе Финляндии худо. Она совершенно закрыта, и даже курьеры английские не могут через нее пробираться. Финляндцы ловят их и для этого доезжают иной раз до Толбухина. <...>

[Моя жена] Маруся спросила Ал<ександру> Ник<олаевну> Юденич, не придут ли они с мужем, faute de mieux [(если лучшего не предусмотрено)], разговестись с нами после завтра? Я был убежден, что Юденичи приглашены, но, к удивлению моему, Ал<ександра> Ник<олаевна> сказала, что они придут с удовольствием, что им не хочется ехать к Гардениным [(в загородный дом к его тестю Эрнесту Сундгрёну)], где придется ночевать и туда далеко идти.

Мы позвали и <нрзб.>, Данилевского и Покотилова [Н.А. Покотилло, адъютант Н.Н. Юденича и племянник его жены Александры Николаевны – МК]. Но они хотят ехать к Гардениным. И это понятно. Там, наверное, и богато, и модно, и весело.

Позвали мы Горбатовского (который вчера приехал из Копенгагена) и Кондзеровского, но и эти старики приглашены или где-то условились встречать эту ночь в складчину.

<...> Я старался прилечь, когда все ушли, но не мог заснуть – нервы. Я открыл все окна и двери и до меня доносился благовест. Наконец, в 2 часа появились и наши, и Ал<ександра> Ник<олаевна> Юденич с мужем. Все сели за стол. Ал<ександра> Ник<олаевна> ничего не ела, а Н<иколай> Н<иколаевич> кушал с аппетитом и отдал честь всему: и окороку, и телятине, и пасхе с яйцами, и салату даже. «Бабу» он назвал «дамой» и отдал ей должный респект [(уважение)]. Я и Маруся были рады. Но разговор не клеился. Все чувствовали себя усталыми.

Вдруг раздался стук в дверь. Я вышел отворить – Данилевский. Решил, что опасно было бы оставлять Н<иколая> Н<иколаевича> одного возвращаться пустынным парком и улицами. Правильно, т.к. мы бы не догадались проводить. Или догадались бы?!

Разговор о богослужении [на Пасху]. Благодаря слухам, что финны хотели устроить скандал на заутрене, все немного волновались, но оказалось, что полиция прислала наряд и в самую церковь, и на паперть. Всех спрашивали: православный? и кто не умел ответить – того не пускали. Не глупо! Данилевский подарил девочкам два маленьких шоколадных яичка. Это мило с его стороны. А они, неблагодарные, уверяют, что он двоюродный брат великана!.. Он действительно громадный.

Я спросил Юденича, знает ли он, что Гарденин дал Лукину 22 т<ысячи>? «Не думаю, чтобы Гарденин давал эти деньги», – ответил Юденич. <1 нрзб>, спрошу!

16 января 1920 г. Утром я был у Юденича, и он мне подписал мои доклады. Потом мы вместе пошли в Церковную посмотреть телеграммы о тоннаже. Почему-то Сенютович (Троцкий) озабочен этим вопросом. Почему-то он сносится через Долуханова (?).

На Церковной я видел подробные отчеты о денежных расходах, которые ведет для Юденича Гарденин. В газетах появились наглые статьи каких-то общественных деятелей, не подписавших, однако, своих фамилий. Эти деятели или эти анонимы требуют у Юденича отчет в израсходовании им громадных сумм. Совершенно большевистский прием. Люди с улицы или прямо улица предъявляют какие-то юридические права. Каждый, кому не лень, может требовать, чтобы я перед ним отчитывался. Я помню, как на «Петре Великом» к командиру обратились «от имени народа» группа хулиганов матросов, не имевших никакого отношения к казенным деньгам. Кто же может требовать сейчас у Юденича отчет? Науськивают офицеров, и они желали бы разделить остатки данных Колчаком денег. Ведь и во время революции первое, что делали, – это делили казенные суммы. Это делали матросы; теперь это желают делать офицеры.

Газета «Верный путь» ведет кампанию против Юденича, и «Свобода России» тоже. Обе газеты пытаются подорвать веру в успех борьбы против большевиков, уговаривают не ехать на Юг, к Деникину и т.п. Все статьи направлены не против большевиков, как можно было бы ожидать от органа правительства, которое первым пунктом своей программы поставило борьбу с большевизмом. Если бы у меня было время, если бы у меня было... письменный стол, я бы написал статейку на эту тему.

Гарденин мне рассказывал, что в смете правительства указано, что в Финляндию послано 65 миллионов. Но денег этих «они» (т.е. Гарденин и Юденич или Юденич и Гарденин) найти не могут. Он мне высказывал свои предположения относительно этих денег, т.е. денег С<еверо>-З<ападного> правительства. Перед отъездом отсюда их надо будет уничтожить. Ввиду пропажи упомянутых 65 миллионов проштемпелевать остальные. (Впрочем, это я как будто не совсем понял. Ведь номера отосланных в Финляндию денег известны.)

Вследствие того, что денежных знаков, самых разнообразных, выпущено в России бесчисленное число, чеки Сев<еро>-Зап<адного> фронта, которых сравнительно немного, будут очень в цене.

Я высказывал Гарденину опасение, что в случае, если с Колчаком что-либо случилось, не дай Бог, Сибирское п<равительст>во закроет кредит и Юденичу, и мне. Между тем у нас обоих есть обязательства. Я ему сказал, что просил Гулькевича положить находящиеся в моем распоряжении деньги на мое имя в банк, но он не сделал этого. Я вообще боюсь, что денег у Гулькевича нет. Гарденин согласился с моим мнением и сказал, что вообще большая была ошибка класть эти деньги в кассу Гулькевича. Теперь Юденич распорядился перевести 100 тысяч фунтов в Лондон, но будет ли это исполнено?

10 мая 1920 г. [(Париж).] <...> Случайно попал на завтрак в Café de la Paix с Гардениным, который приехал в Париж. Я недоволен, что позволил себя уговорить. Я очень люблю и Николай Н<иколаевича>, и Александру Николаевну [Юденич], но их размах жизни не по мне и не по моему карману. Я еще недоволен, что был на этом завтраке без [жены] Маруси.

БИОГРАФИИ ВОЕННО-МОРСКИХ ЧИНОВ

<...>

Гарденин Михаил Федорович (18.06.1887-18.08.1977), капитан Корпуса корабельных инженеров за отличие (28.07.1917). Окончил Морское инженерное училище (1911). Производитель работ высшего оклада кораблестроительной чертежной Главного управления кораблестроения (с 16.02.1915), одновременно непосредственно наблюдающий по кораблестроительной части за постройкой кораблей в Балтийском море (с 22.09.1915). В 1916 г. служил на выкупленном у Японии крейсере «Варяг», затем – в Архангельске участвовал в вооружении вспомогательных судов. В конце 1917 г. вышел в отставку, в сентябре 1918 г. бежал в Финляндию. В 1918-1920 гг. проживал в Гельсингфорсе, затем в Париже, после – в Брюсселе, где занимался коммерческой деятельностью. Скончался в Брюсселе. Воспоминания М.Ф. Гарденина хранятся в Библиотеке-фонде «Русское Зарубежье».

<...>

Из книги: Н. Рутыч. Белый фронт генерала Юденича. М., 2002

(автор пользовался «Воспоминаниями» М.Ф. Гарденина, находящимися в Доме Русского Зарубежья им. А. Солженицына)

<...> В 20-х числах ноября 1918 г., пользуясь документами на другое имя, генерал Юденич вместе со своей супругой Александрой Николаевной и адъютантом Н.А. Покотило, прибыл в Гельсингфорс из Петрограда. Переезду генерала Юденича и его устройству в Финляндии в первое время помогал инженер Михаил Федорович Гарденин. Он был одним из инициаторов создания тайной офицерской организации, занимавшейся переброской офицеров через границу и посылкой курьеров в Петроград.

Организацию поддерживал проживавший постоянно в Стокгольме английский финансист и банкир Ф.Ф. Лич, сочувствовавший Белому движению и, как мы увидим позже, встретившийся с генералом Юденичем в Стокгольме. По получении Юденичем валюты от адмирала Колчака именно Лич помог положить ее на личные счета генерала в надежные банки, в том числе созданный с этой целью Русско-английский банк [сие кредитное учреждение лишь предполагалось создать в Петрограде, по занятии оною армией Юденича, чего, как мы знаем, не случилось – МК].

Генерал Юденич, вывезенный из России вместе со своей женой при помощи тайной организации, проживал в загородном доме тестя и тещи М.Ф. Гарденина, женатого на финке. Тесть был в прошлом главным директором Екатеринославского [правильнее, Днепровского или Каменского, после революции Днепродзержинского – МК] металлургического завода. Считая Россию своей родиной, он оказывал совершенно бескорыстную поддержку Белому движению и в том числе генералу Юденичу. «Все самые секретные собрания, – пишет М.Ф. Гарденин, – происходили на его даче». На эту же дачу, позже, после ликвидации Северо-Западной армии 22 января 1920 г. адъютантом Юденича капитаном Н.А. Покотило тайно была привезена уцелевшая часть архива армии Юденича.

Первую подробную информацию о положении в Финляндии генерал Юденич получил от семьи М.Ф. Гарденина. Позже Юденич, для удобства ведения дел, переехал в скромную гостиницу в Гельсингфорсе «Сосиетэ» (Societe), где познакомился с представителями уже существовавшего «Особого комитета по делам русских беженцев», в том числе с бывшим товарищем председателя Государственной Думы III и IV созывов князем В.М. Волконским, графом А.А. Бугсгевденом и с самим его председателем, бывшим премьер-министром А.Ф. Треповым.

<...> 26 июня 1919 г. генерал Юденич вернулся в Гельсингфорс. Опытным глазом он без труда разглядел, что Северо-Западная армия (переименованная из «Северной» 1 июля 1919 г.) не в состоянии наступать на Петроград после того, как были упущены шансы на победу во время восстания на форту Красная Горка. Да и в разговорах с Родзянко слышались опасения, что армия «растает» в случае занятия Петрограда. Как пишет сам Родзянко, в то время «...всякая надежда на движение на Петроград отпала».

Поэтому в июне 1919 г. генерал Юденич с еще большей настойчивостью продолжал стремиться к осуществлению своего стратегического замысла об ударе на Петроград с севера. Ибо упоминание о выходе к станции Бологое, т.е. на полпути к Москве, говорит о том, что в этом замысле лежала идея не только о занятии бывшей столицы, но и о наступлении на Москву с севера, одновременно с наступлением генерала Деникина с юга. А многочисленные и разносторонние (и по линии Национального Центра, и по линиям офицерских групп адмирала Пилкина, М.Ф. Гарденина и др.) данные о подпольных организациях в Петрограде позволяли рассчитывать на быстрое развертывание русской добровольческой армии на основе все еще огромных мобилизационных резервов, как среди учащейся молодежи и офицеров, служащих в Красной Армии и флоте, так и благодаря наличию технической базы.

<...> Никаких документов разведывательного отдела штаба Северо-Западной армии в коллекции Юденича, находящейся в Бахметьевском архиве Колумбийского университета и в архиве Гуверовского университета войны, революции и мира Стэнфордского университета, до сих пор не обнаружено. Они не упоминаются и в «Описи дел Северо-Западной армии, отправленных в Америку», составленной покойной Натальей Аркадиевной Томиловой, супругой генерала П.А. Томилова, которому генерал Юденич поручил написать историю Северо-Западной армии.

По словам ее мужа (переданным ею автору этих строк в 50-х гг.), все дела разведывательного отдела были уничтожены по приказу генерала Юденича в январе 1920 г., перед тем как остальная часть архива (находящаяся ныне в Колумбийском университете и в Гуверовском институте в Стэнфорде) была передана адъютанту Главнокомандующего, капитану Н.А. Покотило, для доставки и сохранения на даче М.Ф. Гарденина под Гельсингфорсом, откуда уже позже она была перевезена к генералу Юденичу в его усадьбу в Сэн Лоран дю Вар около Ниццы.

<...> Прибыв 25 февраля 1920 г. из Эстонии в Ригу, генерал Юденич почти сразу воспользовался полученной еще в Ревеле шведской визой и в начале марта находился уже в Стокгольме. Здесь он устроил свои денежные дела (как показывает его переписка со своим поверенным в делах в Париже, весь оставшийся у него валютный фонд лежал в шведских кронах) из той части переведенной адмиралом Колчаком валюты, которую он с помощью английского финансиста Лича оставил на счетах в Швеции. Здесь же в Стокгольме генерал Юденич выждал выезда из Гельсингфорса своей супруги Александры Николаевны, находившейся у Гардениных на даче и ожидавшей, когда ее муж сможет покинуть помещение английской миссии в Ревеле. Она прибыла, сопровождаемая верным адъютантом генерала капитаном Покотило, доставившим из Ревеля на дачу Гардениных уцелевшую часть архива Северо-Западной армии.

Михаил Федорович Гарденин. Воспоминания
(Дом русского зарубежья им А. Солженицына, Ф. 1, Дело Е-63
ксерокс с машинописи, 43 страницы)*

М.Ф. Гарденин на закате жизни

* В оцифрованном здесь тексте исправлены явные опечатки в оригинале и восстановлены, насколько это возможно, пропущенные буквы-слоги-слова. Огромное количество грамматических и синтаксических ошибок заставляет предположить, что текст своих воспоминаний уже престарелый Михаил Федорович (в 78 лет?) печатал сам и потому сослепу далеко не все из них исправил. – Примеч. М.И. Классона

Я родился 17 июня 1887 года и, таким образом, пережил японскую войну, революцию 1905 года, период до войны 1914 года, революцию 1917 года, большевистское восстание, гражданскую войну, эмиграцию, вторую [мировую] войну и период после поражения Германии, вторую и третью эмиграцию. С 1904 года я более или менее [активно] принимал участие в происходивших вокруг меня событиях и старался сознательно относиться как ко всему происходящему, так и к деятельности отдельных личностей, играющих главные или, вернее, ведающиеся роли в течение этой многолетней эпохи, которую я пережил с всегдашним вниманием и глубоким интересом.

Постараюсь передать, что мне кажется интересным о событиях и действующих лицах с наиболее возможной правдивостью и точностью.

Я был шестым ребенком в семье из восьми человек, моя старшая сестра [Мария] и два брата [Борис и Сергей] с 1904 года отдались служению революции. В 1904 году один из моих братьев [(Сергей)], студент Медико-Хирургической военной Академии в Петербурге, был арестован и выслан в Уфу под надзор полиции и всецело отдался революционной деятельности и, я думаю – под влиянием Ленина, вошел членом партии большевиков, был снова арестован, посажен в тюрьму и выслан на три года в город Великий-Устюг.

В течение 1904 года брат ввел меня в революционные кружки и заставлял исполнять разные революционные поручения: переносить и прятать нелегальную литературу, разбрасывать и расклеивать, а также печатать на гектографе, прокламации и т.п. Дом наш всегда был полон революционной молодежи и непрерывными спорами между с.-р., меньшевиками и большевиками.

Мне вспоминаются Егор Сазонов – убийца Великого Князя Сергея Александровича, мой товарищ по классу [Александр] Прокофьев, взорвавшийся впоследствии в Европейской гостинице в Петербурге, племянник Халтурина[? – МК] и серия женской и мужской молодежи критикующей правительство голословно и безапелляционно, и конечно неудачную [русско-японскую] войну. Я был тоже самым левым и крайним революционером, ничего не понимая и слепо следуя за буйной толпой – бестолковой, завистливой и злобной.*

* Здесь М.Ф. Гарденин спутал Егора Созонова, убившего в 1904 г. министра внутренних дел В.К. Плеве и приговоренного к вечной каторге, с Иваном Каляевым, действительно убившим в 1905-м московского генерал-губернатора, великого князя Сергея Александровича и повешенным. Степан Халтурин в 1880 г., после проноса тайком в Зимний дворец динамита, взорвал последний: погибло 11 солдат и 56 человек было ранено; лишь после убийства в 1882-м вместе с Николаем Желваковым генерал-майора В.С. Стрельникова в Одессе оба они были повешены. Сюжет с Александром Прокофьевым (соучеником М.Ф. Гарденина по Уфимской гимназии), якобы племянником Степана Халтурина (?), требует дополнительных, трудоемких розысков. В 1921 г. Иван Павлович Халтурин (племянник) в журнале «Былое» опубликовал «Семейные воспоминания о Степане Халтурине», со слов своего отца Павла Николаевича и родственников.

Из статьи «Бомбисты в Петербурге» (Занимательный Петербург, 23 апреля 2014 г.):

Мало кому известно, что до 1917 года нынешняя гостиница «Октябрьская» пользовалась взрывной славой. «Взрывной» – в прямом смысле этого слова. Тогда этот отель назывался гостиница «Знаменская», а чуть позже гостиница «Северная». <...> 31 марта 1904 года в одном из номеров гостиницы «Северная» произошел взрыв. Паникующие постояльцы и служащие долго не могли понять, что произошло, говорили об утечке газа. Ситуация прояснилась, когда полиция добралась до номера где прогремел взрыв. В нем были обнаружены человеческие останки и три неразорвавшиеся бомбы. Речь шла о «несчастном случае на производстве». Изготовление бомб в то время было крайне опасным делом. Любой толчок мог вызвать детонацию взрывчатки на основе нитроглицерина. Жертвой такого случайного взрыва стал и бомбист в гостинице «Северная». От заговорщика осталась только деталь стопы, причем таких миниатюрных размеров, что газеты писали об останках женщины или подростка. Лишь потом выяснилось, что в гостинице погиб член эсеровской Боевой организации Алексей Покотиллов. Он «обладал как раз таким «аристократическим сложением» — такими маленькими ногами и руками, что они могли быть сочтены за полудетские....»

Произошли события: забастовки, беспорядки в войсках и в результате [вышел Высочайший] Манифест, который многие приняли за революцию, кончившуюся умирением войск, разгромом Московского восстания и разгромом Советов. В гимназии мы, конечно, объявили забастовку «до окончательного изменения политического и социального строя». Через 5 дней занятия возобновились, и все ученики старших классов были прощены, даже без сбавки балла за поведение.

Однако брожение в гимназии продолжалось и появились раздоры между учениками: умеренные – громадное большинство и крайне революционные – к [их] числу принадлежал и я. Левых нас было в трех старших классах человек 15-20, и нас использовали партийцы в качестве защитников революции, создав из нас вооруженные дружины – первое время для защиты так называемых общественных деятелей: адвокатов, земских и городских служащих и т.д. от появившейся правой оппозиции, угрожавшей убийствами и разгромом этих левых элементов, начавшей многочисленные демонстрации с иконами, царскими портретами и пением гимна и патриотических песен, что и повлияло на решительные меры со стороны Правительства и заставило революцию снова уйти в подполье.

Нас же вначале вооружили и 15-16-ти и 18-летних мальчишек послали по квартирам охранять жилища левых, чем мы были очень горды, не понимая какому риску нас подвергали партийцы. Все прошло благополучно: мы могли продолжать наше образование, но партийцы не оставили нас в покое и большую часть направили на пропаганду, поделив между собой: большевиков, меньшевиков и даже анархистов и эс-эров. Из нас постарались выработать безвольных и строго подчиненных партии людей, исполняющих приказы согласно с директивами: одних – пропагандистами, других – организаторами восстаний, забастовок и всяких, всевозможных беспорядков, дезорганизующих и расшатывающих власть, а так же боевых дружин, назначением которых было убийство высших государственных деятелей и также низших, включительно до простых полицейских и дворников, и заниматься, особенно у большевиков, грабежами и экспроприациями. Из добытых этим способом средств очень незначительная часть шла на покупку оружия, часть – в партийную кассу, а главная часть денег шла на без[под]отчетные расходы участников грабежей.

Всем руководили анонимные Цен[тр]. Комитеты, большей частью состоявшие из недоучившихся студентов, авантюристов, бездельников, темных пройдох и, за редким исключением, идеалистов, практически не игравших активной роли и подчиняющихся обязательным решениям большинства. Я попал, ввиду организаторских способностей, в кружок пропагандистов среди рабочих – уфимских железнодорожников. Занимались скрытно в лесах, на берегу реки Белой, по праздникам.

Окончание примечания

«Авария на производстве» погубила Покотилова, но временно сохранила жизнь министру внутренних дел Плеве, для которого предназначались бомбы. Но вскоре, в «Северную» заселился новый гость – 23-летний эсер Максимилиан Швейцер. 15 июля 1904 года он вышел из отеля с чемоданом бомб, которые затем были переданы боевикам. Спустя несколько часов Плеве не стало... Сам Швейцер ненадолго пережил свою жертву. Из Северной гостиницы он переехал в отель «Бристоль» у Исаакиевской площади. Там он и встретил свою судьбу в февральскую ночь 1905 года. Бомба опять взорвалась преждевременно, а взрыв был такой силы, что «прилегающая часть Вознесенского проспекта... была завалена досками, кусками мебели и разными вещами, выброшенными взрывом из меблированных комнат... часть вещей перекинуло в Исаакиевский сквер... там же были найдены части пальцев Швейцера».

Так протекала наша жизнь за три последних года пребывания в Уфимской классической гимназии, где в 1907 г. я получил мой диплом и приготовился поступить в Петербургский Университет на юридический факультет. Все три последние года пребывания в гимназии я имел постоянный контакт с членами партии большевиков, оказывал услуги: пропагандой их идей, хранением и распространением их литературы, разбрасыванием и расклейкой прокламаций и многими мелкими услугами, однако не пожелал вступить в партию раньше чем не побываю в Петербурге и [не] познакомлюсь с работой центра.

Должен сказать, что меня поразило, почему революцией [верховодят] в высших сферах почти всегда иностранцы и, главным образом, евреи, скрывающиеся под ложными именами и старающиеся выдвигать на опасные действия и рисковать нас – русских, прячась сами в свою нелегальность. Мне ни разу за это время не пришлось узнать имя [(имена)] наших руководителей.

На Урале и, в частности, в Уфе никогда не существовало антисемитизма, это явление было совершенно нам неизвестно, и руководство русской революцией евреями меня поразило и впервые заставило задуматься о происходивших событиях! Какие-то анонимы и иностранцы занялись судьбой России – эти мысли впервые возникли у меня перед отъездом в Петербург.

Университет не играл [существенной] роли, все время мы проводили не в слушании лекций, а в огромном коридоре или в столовой Университета – в разговорах и разрешении мировых проблем и судеб России. Главным центром была университетская столовая, где открыто велась пропаганда всех трех партий, т.е. большевиков, меньшевиков и эс-эров.

Каждая партия имела свой стол и открыто торговала легальной и нелегальной литературой, раздавала прокламации и вербовала среди молодежи новых членов, главным образом, для исполнения наиболее рискованных поручений: пропаганды среди армии и флота, переправки через финляндскую границу [в Россию] нелегальной литературы, работы в тайных типографиях, перевозки оружия в Россию и переправки этого оружия внутрь страны – в города, особенно отмеченные как революционные, главным образом, Сибирские, Уральские, Прибалтийские, Польские и Юго-западные.

Меня два раза отправляли с двумя чемоданами полными револьверов в Уфу. Прямо удивительно, как жандармы могли пропустить незамеченными эти перевозки. Носильщики с большим трудом тащили их и когда спрашивали, что я везу, я отвечал – учебники, и этим все ограничивалось. Однако [подобная] эксплуатация, с риском тяжелых последствий в случае неудачи, заставила меня задуматься, и многое стало ясным: именно, что благо русского народа совсем не в интересах партий, а главное – это личные интересы руководителей, в большей части авантюристов, недоучек, бездельников и даже полу-кретинов.

В 1907 г. я был приглашен на очередной съезд большевистской партии, который происходил в Финляндии – Териоках. Присутствовали все главные члены партии, и тогда я познакомился с Лениным, Алексинским, Троцким и многими другими. Заседания происходили на открытом [воздухе] и продолжались два дня. Ленин молчал, говорил больше всего Алексинский – депутат Думы, и дебатировался вопрос о пропаганде в армии и флоте. Заговор был раскрыт, и в результате был роспуск Думы и предание суду и аресту членов Думы, принадлежавших к партии большевиков.*

* В.И. Ленин в Териоках (terijoki.spb.ru/history/tpl3.php?page=usys5):

Первая из общегородских петербургских конференций РСДРП, состоявшихся в Териоках, проходила 11-12 июня 1906 года.

Меня на этом съезде представили студенту Горного института Глебу Бокию, которому были даны инструкции, как меня использовать. Первое время меня отправляли в разные полки – разносить прокламации, а потом – по заранее подготовленным лекциям [(инструкциям)] – на тайные сходки, где я должен был говорить о восстании в армии по данному сигналу. Мой полк – гатчинские Лейб-Гвардии Кирасиры – собирались в гатчинском парке. Солдат приходило около 10-12, и я им втолковывал о необходимости подачи наказа Гос. Думе революционного содержания и другие глупости.

Бокий все время уговаривал [меня] войти в партию и заняться грабежами, причем, по его плану, надо было знакомиться с прислугой богатых людей, добиваться доверия и просить ночью открыть дверь и грабить.* Мне не было еще 20 лет, когда пришлось столкнуться со всей грязью и темными личностями и принять твердое решение порвать всякое общение со всем этим обществом и заговорщиками. За последние годы гимназии, а так же [за] год пребывания в университете много времени было посвящено на чтение и изучение революционных и социалистических теорий и философий: Маркса, Энгельса, Каутского, Фурье, книг о французской революции, Гегеля, Спинозы, Геккеля, Дарвина и многих других, выяснивших общее желание затуманить истину и затуманить мозги лживыми положениями и безумными, злостными идеями и желанием добиться власти над людьми при помощи Лжи и Зла и Неверия.

С принятыми и окончательными решениями весной 1907 года я вернулся в Уфу. По прибытии домой я сообщил, что буду держать конкурсные экзамены в технологический и путевый институты, а университет бросаю, ибо юристом быть не могу!

Окончание примечания

<...> 6 января 1907 года 71 делегат – 40 большевиков и 31 меньшевик – приехали в Териоки. <...> На конференции Ленин выступил с докладом об избирательных соглашениях с революционно-демократическими партиями и группами на выборах во II Думу. <...> Третья сессия общегородской конференции, собравшаяся в Териоках 12 февраля 1907 года, поддержала резолюцию большевиков Петербурга. Значительным событием для Петербургской организации РСДРП стала общегородская конференция, собравшаяся в Териоках 25 марта 1907 года. <...> Конференция состоялась в Териоках на даче М. Уотинена по Церковной улице. <...> На заседании обсуждался вопрос о недопустимости участия социал-демократов в буржуазной прессе, а также о взаимоотношениях с социал-демократической фракцией II Думы. <...> 8 апреля 1907 года в Териоках начала работу вторая сессия конференции. Ленин выступил в прениях по докладу о деятельности социал-демократической фракции II Думы и рекомендовал предложить V съезду партии пригласить на съезд представителей боевых дружин РСДРП. <...> В середине апреля в Териоках собирается третья сессия мартовской конференции. <...>

Такое множество собраний не позволяет идентифицировать дату участия в оных М.Ф. Гарденина. Но если зайти через участие депутата Госдумы Алексинского, то появляется больше определенности:

На конференции петербургской городской организации РСДРП, состоявшейся в Териоках (Финляндия) 25 марта (7 апреля) 1907 года, присутствовало 133 делегата (92 большевика и 41 меньшевик), из них свыше 100 делегатов – рабочие.

<...> Вторая сессия конференции состоялась также в Териоках 8 (21) апреля 1907 года. На повестке дня стояли вопросы: о праздновании 1 мая; о митинговой кампании; о совете уполномоченных; выборы на V съезд партии; доклад депутата II Государственной думы Алексинского; организационные вопросы; кооперативное движение; борьба с черной сотней; безработица. Однако за недостатком времени последние три вопроса не обсуждались.

<...> Конференция обсудила доклад депутата Алексинского, выработку резолюции по его докладу поручила особой комиссии. Конференция вынесла также ряд решений по организационным вопросам. Ленин выступил в прениях по докладу Алексинского и рекомендовал петербургской делегации внести на V съезд партии предложение о приглашении на съезд представителей боевых дружин в связи с вопросом об их реорганизации. – leninism.ru/works/53-tom-15/2868-primechaniya-15.html

** Глеб Бокий (партийные псевдонимы – Кузьма, Дядя, Максим Иванович) при большевиках сделает стремительную карьеру, дослужившись до члена коллегии ВЧК/ОГПУ; правда, в 1937 г. те же большевики его расстреляют.*

Я скрыл [от родных и знакомых] о происшедшем со мною событии: в последнем моем путешествии, с оружием, в вагоне второго класса в отдельном купе ехал священник, мы разговорились, и он оказался учителем богословия в Морском Инженерном Училище Императора Николая I-го. Я стал его расспрашивать и получил сообщение, что это военноморское училище, выпускающее во флот инженеров-механиков и инженеров-кораблестроителей, что принимают по конкурсному экзамену 50 воспитанников на механическое отделение и 5 – на кораблестроительное, всех желающих и окончивших гимназию или реальное училище. Разве [это] не указание Божие и не покровительство меня, грешного, которое я не заслужил[?]

Я мог одновременно избавиться от революционеров и заняться созидательной работой. Мои решения приняты, и я усиленно начал готовиться к экзаменам. К счастью, экзамены в Морское училище – 1-го сентября, а в Технологический и Путейский – 15-го августа, и таким образом мне удалось выдержать конкурс и в Технологический и в Путейский, поехать в Кронштадт и представить результаты начальнику Училища Ген.-Лейтенанту Пароменскому.

Этот исключительный педагог и воспитатель юношества отнесся внимательно к моему желанию поступить на кораблестроительное отделение и сообщил: к конкурсным экзаменам я допущен и от меня зависит, попаду или нет в училище, что не позже 18-го августа я должен приехать в Кронштадт и в продолжение всех экзаменов проживать на положении воспитанника, подчиняясь полностью уставу училища.

Со страхом прибыл в Кронштадт, где собрались все конкуренты [(абитуриенты-конкурсанты)] – и на механическое и на кораблестроительное отделения; насколько мне память не изменяет, около 250-ти на механическое и 65 на кораблестроительное. Нас разделили в группы по 50 человек и заставили держать письменные и устные экзамены по арифметике, алгебре, геометрии, тригонометрии, физике, русскому языку и Закону Божьему. Все экзамены мои прошли успешно, кроме физики, на которой я на один из вопросов не ответил ясно, и если бы не помощь генерала Пароменского, который лично следил за моими экзаменами, я рисковал не получить минимум [в] 10 баллов и быть включенным в число конкурентов, но мои остальные крайне высокие отметки позволили принять меня пятым [т.е. последним на кораблестроительное отделение – МК] в Морское Инженерное Училище.

Чем старше я становлюсь, тем яснее понимаю Руку Бога, направляющую меня на истинный путь и руководившую всей моей дальнейшей жизнью. Встреча со священником, когда я совершал глубоко преступное, совершенно безнравственное и подлое действие, – разве это не величайшая Милость Божия[?] Вся моя дальнейшая жизнь протекла под непрерывным благоволением и помощью Бога и прощением моих грехов, что я чувствовал каждое мгновение моей жизни, и моя вера во всемогущество Божие сойдет со мною в могилу.

Поступление на кораблестроительное отделение Морского училища ввело меня в общество, поставившее своей целью работу на пользу и величие России и русского народа. Как высшее руководство, воспитатели, профессора и вся обстановка жизни в училище были созданы для воспитания нас преданными и верными исполнителями возложенного на нас долга перед отечеством, так и воспитанники этого исключительного и неповторимого учебного заведения следовали этим путем.

Все наше время было точно по часам распределено для непрерывных занятий: лекции, работы в чертежных, лабораториях и механических мастерских, а также чисто военные упражнения и гимнастика. Рабочий день кончался в восемь вечера, и мы обычно шли в прекрасно оборудованную читальню, где был огромный выбор книг и журналов на русском и иностранных языках, по всем морским вопросам. Обычно исполнялись всякие желания, высказанные воспитанником о приобретении журнала или книги по специальности. Наша читальня обладала большим выбором общеобразовательных книг и беллетристики.

Наш рабочий день начинался в 7 часов и кончался в 8 часов вечера с перерывами для обеда, ужина и вечернего чая, весь день был строго расписан и проходил с военной точностью, это позволяло выпускать морально и физически здоровых людей. Описание жизни и методов воспитания этого учебного заведения может занять много страниц, но, во всяком случае, мы все, бывшие воспитанники этого учебного заведения, вспоминаем как о самом счастливом времени нашей жизни, годы пребывания в нем и наша общая дружба, оставшаяся до конца дней, это подтверждает.

За время пребывания в училище я имел счастье увидеть и пользоваться влиянием таких крупных людей как идеальный воспитатель и благородный человек Генерал-Лейтенант Пароменский, обожаемый всеми инженер-механиками и корабельными инженерами, бывшими его воспитанниками.*

* Александр Иванович Пароменский в 1908 г. по доносу инженера-механика И.С. Горюнова был снят с должности начальника училища. Из переписки на форуме сайта wap.kortic.borda.ru:

И.Р.: Начальник МИУ (1900-1908) генерал-лейтенант по Адмиралтейству Александр Иванович Пароменский (1850-1922).

И.Р.: «...В своих речах перед подчиненными проявляет глубокое презрение ко всему русскому: понятие о патриотизме, об уважении к народным обычаям, к народным святыням по-видимому в его мозгу не умещается... отношение к религии возмутительное... один раз в церкви, на Богоявление Господне, он кощунственно осмеивал обряд окропления жилых помещений святою водою – подчеркнув, что священники не окропляют ватерклозетов, сказал: чорт там может спрятаться... генерал-лейтенант Пароменский по-видимому не способен понять, не хочет поверить в существование русских людей, искренне благоговящих перед Помазанником Божьим... когда он очень неосторожно выразился по поводу редакции верноподданнической телеграммы Государю Императору...» и т.п.

Это из доноса на Пароменского, составленного училищным офицером И.С. Горюновым <...>. В результате целой «операции» высшего морского командования, Пароменского (одного из лучших специалистов в организации учебного дела во флоте – что признавалось всеми, в т.ч. после революции как у нас, так и за рубежом) просто вышвырнули на улицу. А вот Горюнов, став к 1917 г. генерал-майором, при всем своем благоговении перед помазанником, после революции сразу оказался в рядах Красного флота.

Автроиль: Прелестно! Позволяет ощутить аромат того времени, пусть и отдает он не всегда черемухой. С уважением...

aden13: А для Горюнова все закончилось отчислением из училища и выговором: Приказ Морского Министра И.М. Дикова: № 69. 1-го апреля 1908 года. Старший отделенный начальник Морского инженерного училища Императора Николая I, корпуса инженер-механиков флота, подполковник Горюнов, получив от Товарища Морского Министра разрешение изложить, совершенно откровенно, причины, побуждавшие его ходатайствовать о предоставлении ему места на Балтийском судостроительном и механическом заводе, дозволил себе в представленной, согласно сему разрешению, записке войти в оценку деятельности начальника училища и притом в выражения недопустимых со стороны подчиненного по отношению к начальнику, за каковой проступок, независимо от последовавшего уже отчисления подполковника Горюнова от вышесказанной должности, объявляю ему выговор.

Инспектор классов – инженер-механик [Алексей Иванович] Погодин, читавший курс термодинамики и автор всеми признанного труда по термодинамике; инженер-механик полковник и профессор Петербургского политехнического института [Георгий Николаевич] Пио-Ульский, читавший курс паровых машин и паровых турбин и создавший атлас в 6 томов в красках – паровые машины и их детали – единственный в то время и пользовавшийся большим успехом среди инженеров в те времена.

По другим специальным предметам и высшей математике курсы читались более или менее заслуженными лекторами, а теорию корабля и корабельную архитектуру читал окончивший Морскую Академию и помощник инспектора полковник [Владимир Иванович] Невражин, он же руководил нашими летними занятиями на заводах и верфях Петербурга; строительная механика корабля и проектирование судов читались молодым академиком капитаном Сосиновским.*

Окончание примечания

И.Р.: Сделано это было исключительно для профформы, ввиду явной неблаговидности проступка. Через год его взяли обратно в училище, он стал затем ротным командиром, а к концу службы заведующим строевой и хоз. частью. С новым начальником училища (полковник П.И. Тыртов из МК [(Морского Корпуса)], его там все не любили и дали прозвище «цука») он сработался и характеризовался всегда отлично. А Тыртов, кстати, с началом февральской революции сразу свалил в Финляндию (при этом он с начала войны успел посидеть полгода в плену!), бросив свое училище. Тыртов во время своей службы в МКК [(Морском кадетском корпусе)] настучал на гардемарин во время известного обряда «похорон альманаха» – такого кажется не делал никто из начальства. А Пароменскому одним из пунктов обвинения вменяли то, что он ПОЛНОСТЬЮ уничтожил не только арест воспитанников, но и сами арестные помещения в училище! Это в то время, когда в МКК были случаи самоубийств арестованных воспитанников. При Тыртове все восстановили, но мест для арестантов не хватало и их везли даже на гарнизонную губу.

* О преподавателе МИУ Сосиновском в Интернете имеются весьма скудные сведения. Например, в книге Р.Ф. Мельникова “Броненосные крейсера типа «Адмирал Макаров»” (coollib.com/b/281001/read):

Уроки войны заставляли воздерживаться от легковесных решений, основанных лишь на интуиции и личных убеждениях членов МТК [(Морского технического комитета)], как это подчас бывало до войны.

В оправданности выреза сомневался и главный корабельный инженер С-Пб порта. 16 декабря 1905 г. он напомнил Главному инженеру о возможности усиления на корабле вибрации, которая на прежнем «Баяне» была и без того значительной. По поручению главного корабельного инженера строитель А.И. Мустафин и корабельные инженеры М.И. Сосиновский (1877-1930, Польша, один из авторов проекта дредноута «Императрица Мария») и Р.А. Матросов (1874-после 1918) провели исследование проблемы. Здорово, четко и внятно исполнитель исследования Р.А. Матросов задавался тремя вопросами. Во-первых, чтобы решить проблему обеспечения поворотливости крейсера «Баян» (и делать или не делать вырез в его дейдвуде) надо знать, «какие вообще находятся в нашем распоряжении средства для достижения той же цели». Во-вторых, надо выяснить степень радикальности этих средств, и в-третьих, оцепить последствия применения этих средств.

Есть вариант написания фамилии преподавателя – Сасиновский, см., например, книгу Никиты Кузнецова «Русский флот на чужбине» (coollib.com/b/132115/read):

В польском флоте служило наиболее значительное количество выпускников российских морских учебных заведений, поляков по происхождению. Нельзя не отметить, что из 16 человек, имевших в польском флоте в период с 1919 по 1950 г. адмиральские чины, 12 были выпускниками русских морских учебных заведений, при этом большинство из них были произведены в адмиралы и генералы еще на русской службе. О судьбе многих из них рассказано в пятой главе книги. Здесь мы приведем известную нам информацию о некоторых офицерах, либо служивших в ВМФ Польши до 1939 г., либо о тех, данными об участии которых во Второй мировой войне мы не располагаем.

<...> Подполковник Корпуса корабельных инженеров Сасиновский Марион Иванович (1876-1930). Окончил в 1904 г. Морское инженерное училище. Капитан 1-го ранга польского флота.

Все преподаватели относились с большим вниманием к своим предметам и заставляли нас работать, проверяя наши успехи каждые два месяца, затем – полгода и конечно – раз в год. Кроме того, если курс по какому-нибудь предмету длился более года, мы обязаны были сдавать экзамен по этому предмету после прослушанного полного курса, наши работы на верфях в летний период должны были [быть] оправданы письменными записями и чертежами.

Полный курс продолжался 4 года, и весной мы держали торжественно, перед специально назначенной государственной комиссией, во главе которой обыкновенно стоял видный адмирал, государственные экзамены, заканчивавшиеся сдачей дипломного проекта, выбранного самим гардемаринном по его свободному желанию и собственной инициативе. Свой дипломный проект каждый защищал перед членами государственной комиссии и всей присутствовавшей публикой, ибо государственные экзамены были доступны для членов морской корпорации и всех гардемариннов училища.

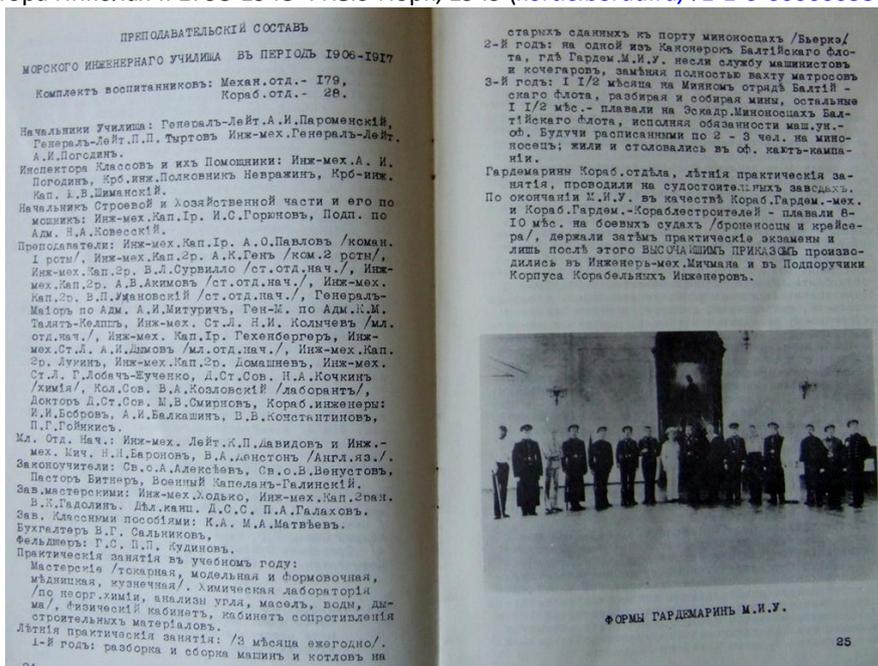
По окончании экзаменов мы производились в корабельные гардемаринны и назначались плавать на какое-нибудь из военных судов, проходившее боевую подготовку; на положении полуматросов плавание было совместно с гардемариннами Морского Корпуса и гардемариннами инженерами-механиками и имело свое значение, т.к. по окончании мы сдавали экзамены перед плавающим офицерским составом и после этого, получив диплом, зачислялись в Корпус корабельных инженеров и производились Высочайшим Приказом в подпоручики Корпуса корабельных инженеров. Это был один из самых больших дней моей жизни.*

Окончание примечания

Тот же вариант фамилии используется в книге И.Ф. Цветкова “Гвардейский крейсер «Красный Кавказ»” (www.navylib.ru/ships/krasny-kavkaz/04.htm):

После заявления цены и сроков готовности [легких] крейсеров в Техническом бюро РСО [Русского судостроительного общества] под руководством подполковника М.И. Сасиновского началась разработка эскизного проекта крейсера для Черного моря. Одновременно фирме «Дж. Браун» были высланы спецификации по корпусу и механизмам. Разработка теоретического чертежа и чертежей общего устройства крейсера закончилась в начале апреля 1913 г., после чего они были высланы в Англию.

* Из «самиздата» корабельного инженера Н.К. Арцеулова (выпуска 1909 г.) «Морское Инженерное Училище Императора Николая I. 1798-1948». Нью-Йорк, 1949 (kortic.borda.ru/?1-1-0-0000053-000-90-0):

Воспитание в Морском Инженерном Училище было поставлено на принципах исполнения долга, любви к родине и службе России и на крепких моральных основах Православной Церкви. Богословие преподавалось до последнего класса, и, конечно, мы обязаны были регулярно ходить на церковные службы, а так же исповедоваться и причащаться раз в год.

Жизнь внутри [училища] была налажена согласно военному уставу, и мы подчинялись правилам для нижних чинов флота. На второй год [учебы] нас приводили к присяге, и мы отвечали за свое поведение согласно военным законам. Весь внутренний распорядок был приспособлен, чтобы дать нам возможность изучить избранный нами предмет с наибольшей полнотой, поэтому все заботы материального порядка были с нас сняты: мы были одеты, обуты, накормлены, обеспечены помещением и удобствами для поддержания чистоты и порядка в повседневной жизни. Все устройство начиная со спален и кончая баней было прямо роскошно и содержалось в исключительной чистоте и порядке, от нас требовалось учение и дисциплина и наблюдение за своими поступками.

Жили мы в большой дружбе и взаимном благожелательстве, я не помню ни одной ссоры или проявления зависти за все 4 года моего пребывания в училище, но, наоборот, была большая дружба, взаимопонимание и желание помочь друг другу и защитить в трудных случаях перед начальством.

В течение всей последующей жизни мы все продолжали наши добрые отношения, и всегда наша любовь взаимная продолжалась в продолжение службы Родине, и принципы воспитания: «все силы – России» продолжали доминировать между офицерами корпусов морских инженеров. Мы принимали назначения и мало беспокоились о материальной стороне, но больше об исполнении долга, и это было отличительной чертой громадного большинства офицеров корпусов инженеров-механиков и корабельных инженеров, привитой нам в стенах нашего незабываемого Училища – нашими воспитателями и профессорами, о чем [мы] помнили после, во время службы Родине. Мы продолжали одинаково мыслить и на работе в России, а также, находясь в эмиграции, всегда помнили об оставшихся на Родине.

После производства [в офицерское звание] и получения диплома я получил назначение на Балтийский Судостроительный и Механический завод и был принят в качестве конструктора в техническое бюро. Наконец я получил возможность показать мою подготовленность и начать платить моей Родине за все благодеяния, которыми я был наделен с такой щедростью.

Окончание примечания

Преподавательский состав Морского Инженерного Училища в период 1906-1917

Комплект воспитанников: Механ. отд. – 179, Кораб. отд. – 28.

Начальники Училища: Генерал-Лейт. А.И. Пароменский, Генерал-Лейт. П.П. Тыртов, Инж.-мех. Генерал-Лейт. А.И. Погодин.

Инспектора Классов и их Помощники: Инж.-мех. А.И. Погодин, Крб. инж. Полковник Невражин, Крб. инж. Кап. Ю.В. Шиманский.

Начальник Строевой и Хозяйственной части и его помощник: Инж.-мех. Кап. I р. И.С. Горюнов, Подп. по Адм. Н.А. Ковесский.

Преподаватели: Инж.-мех. Кап. I р. А.О. Павлов (командир 1-й роты), Инж.-мех. Кап. II р. А.К. Ген (командир 2-й роты), Инж.-мех. Кап. II р. В.Л. Сурвилло (старш. отделенн. нач.), Инж.-мех. Кап. II р. А.В. Акимов (старш. отделенн. нач.), Инж.-мех. Кап. II р. В.П. Улановский (старш. отделенн. нач.), Генерал-Майор по Адм. А.И. Митурич, Генерал-Майор по Адм. К.М. Талят-Келиш, Инж.-мех. Ст. Л. Н.И. Колычев (мл. отделенн. нач.), Инж.-мех. Кап. I р. Гехенбергер, Инж.-мех. Ст. Л. А.И. Дымов (мл. отделенн. нач.), Инж.-мех. Кап. III р. Лукин, Инж.-мех. Кап. II р. Домашнев, Инж.-мех. Ст. Л. Г. Лобач-Жученко, Д. Ст. Сов. Н.А. Кочкин (химия), Кол. Сов. В.А. Козловский (лаборант), Доктор Д. Ст. Сов. М.В. Смирнов, Кораб. инженеры: И.И. Бобров, А.И. Балкашин, В.В. Константинов, П.Г. Гойнкис. <...>

Выходит, М.В. Гарденин познакомился с Ю.В. Шиманским еще в училище!

Энтузиазм, которым я был охвачен, был замечен таким большим и высокоталантливым инженером, начальником бюро **Р. Маттесом**, который впоследствии, будучи уже директором Путиловской верфи, покончил с собой по лично-семейным причинам. **Р.Ю. Маттес** занялся мною как родным сыном и кроме текущей работы в бюро привлек к проектированию крейсеров типа Измаил, водоизмещением 30 000 тонн и вооруженных 12-ю 14-ти дюймовыми орудиями, в 4 башнях по 3 орудия в каждой, и с соответствующим остальным вооружением и бронированием, скоростью 30 узлов.*

Экипаж [(отряд, команда)] инженеров был во главе с Маттесом – инженеры Владимир Иванович Юркевич, Н. [Владимир Львович – МК] Поздюнин, М. Олигер и я, под общим высшим руководством профессоров Морской Академии генералов Алексея Николаевича Крылова и Ивана Григорьевича Бубнова, и с указаниями по вопросам прочности переборок профессора С.Т. [Степана Прокофьевича – МК] Тимошенко.

* Почему-то в Интернете нет ссылки на **Р.Ю. Маттеса**, зато имеется **Б.Р. Маттес**, например:

В 1911 г. Морское министерство объединило Балтийский и Адмиралтейский судостроительные заводы. Однако объединение носило скорее формальный характер. Заводы по-прежнему существовали самостоятельно. Пожалуй, наибольшую выгоду от слияния получило лишь дело проектирования в «Объединенном проекционном бюро» обоих заводов, шагнувшее дальше вперед. Постоянное местонахождение бюро было определено на Балтийском заводе. Возглавил его бывший начальник техбюро Балтийского завода **Б.Р. Маттес**, а его заместителем был назначен заместитель начальника бюро Адмиралтейского завода **А.И. Маслов**, позднее, в 1916-1917 гг., возглавивший все объединенное техбюро. Отдел проектирования состоял из трех основных подразделений: кораблестроительного (67 чел.), механического (104 чел.) и электротехнического (22 чел.).

Окончание примечания

В этот период в нем работали блестящие специалисты: **В.И. Юркевич** (теория корабля), **В.И. Васильев** (ведущий конструктор по корпусу), **Б.А. Сушенков** (расчеты прочности), **А.Ф. Папкович** (расчеты под артиллерийские установки), **В.Л. Поздюнин** (системы). Традиции передовой школы проектирования были заложены на Балтийском заводе в 900-х гг. **И.Г. Бубновым**, под руководством которого в техбюро завода в 1908-1909 гг. были спроектированы первые русские дредноуты класса «Севастополь».

В рассматриваемый период подготовки к строительству новых линкоров это была сильнейшая кораблестроительная проектная организация в России. – **С.Е. Виноградов**. Последние исполины Российского Императорского флота. 1999 (в Указателе сей книги дается ссылка на Маттеса **В.Р.**, e-libra.ru/read/226703-poslednie-ispoliny-rossijskogo-imperatorskogo-flota.html)

У **Б.Р. Маттеса** был брат **В.Р. Маттес**?:

С 1950 по 1975 г. кафедрой [строительной механики корабля бывш. Нижегородского политехнического института] заведует д.т.н., проф. Наталья Викторовна Маттес (1909-1975). Она родилась в Санкт-Петербурге. Отец ее, Маттес Виктор Робертович, окончил Морское инженерное училище в Кронштадте (он учился с **Ю.А. Шиманским**, в будущем – академиком АН СССР), затем он работал главным инженером на Северной верфи (филиале Путиловского завода), проектировал вместе с **И.Г. Бубновым** линкору «Севастополь» и «Петропавловск». Дед **Н.В. Маттес** по отцу – выходец из норвежской семьи, работал капитаном на Волге. – С сайта www.nntu.ru

Однако из переписки на том же форуме сайта wap.kortec.borda.ru следует, что это был один и тот же **Виктор Робертович Маттес** (как будто покончивший с собой)!!!:

Амтан: Уважаемые форумчане! Кто может что-нибудь сообщить о причине смерти **В.Р. Маттеса** (1880-1916), начальника техбюро Балтийского-Адмиралтейского заводов, а затем главного инженера Путиловской верфи? Выпускник МИУ 1902

Dirk: Скоропостижно скончался в субботу, 09.01.1916 в Петрограде (РГАВМФ. Ф. 417. Оп. 4. Д. 1920. Л. 9). Погребен 12.01.1916 на Смоленском лютеранском кладбище (РГАВМФ. Ф. 417. Оп. 2. Д. 2195. Л. 10). Увы, всё...

Амтан: Dirk, а не скажете что-нибудь по его карьере, весьма успешной? И что-нибудь по родословной?

Dirk: Увы, под рукой нет, надо смотреть документы...

stem: Родился 5.04.1880 в Самаре, где его отец Карл Роберт Маттес (пруссский подданный) держал книжный магазин. В декабре 1901 г. Виктор Маттес принял русское подданство.

Меня привлекли на общие дискуссии и поручили вычисления плавучих качеств будущих кораблей, т.е. водоизмещения, [расположения] центра тяжести и центра водоизмещения, величин остойчивости, непотопляемости, плавучести и других морских качеств корабля, согласно с требованиями других конструкторов, занимавшихся проектированием теоретического чертежа и всей конструкции корпуса и бронирования корабля.

Работы по проектированию [крейсеров типа Измаил] начались после окончания спешных работ по постройке кораблей-дредноутов типа Севастополь, из которых два строились на нашем заводе. Текущая работа была крайне интересна тем, что вы видели исполненными ваши вычисления и чертежи и могли судить о своих способностях в инженерном искусстве.

В связи с работой по постройке кораблей я имел счастье познакомиться с инженером Ю.А. Шиманским [с «переменным отчеством» Венцеславович-Александрович; как мы уже могли заметить, первое знакомство произошло в стенах Морского инженерного училища – МК], заслужить его дружбу и сделаться как бы его братом. О моих работах с этим талантливым [человеком], впоследствии членом [Морской] академии, я напишу немного дальше.

Мы начинали работать над проектом супер-дредноута [типа Бородино] около 5 часов вечера и продолжали до глубокой ночи и после недолгого, но очень крепкого сна приходили к 8-ми часам утра, к началу работ. Изучение корпусных обводов корабля было поручено В.И. Юркевичу*, проводившему целые дни в испытательном бассейне, начальником которого был профессор академии и создатель кораблей типа Севастополь, первый строитель подводных лодок в России и создатель строительной механики корабля, погибший от нищеты и голода при сов. власти, непреклонный русский человек, воспитанник нашего училища И.Г. Бубнов.

* Владимир Иванович Юркевич (1885, Москва – 1964, Нью-Йорк) – русский и американский инженер-кораблестроитель. Известен прежде всего как конструктор лайнера «Нормандия».

В 1903 г. поступил на кораблестроительное отделение С.-Петербургского политехнического института. Окончил его в 1909-м, продолжил обучение на последнем курсе Кронштадтского морского инженерного училища военного флота и через год, получив диплом корабельного инженера, был произведен в подпоручики. Работал в Кронштадтском порту в должности корабельного инженера. Работал в конструкторском бюро Балтийского флота, участвовал в разработке проектов линкоров типа «Севастополь» и линейных крейсеров типа «Измаил». Был строителем подводных лодок «Форель» и «Ерш». Активно содействовал организации в Петербурге в 1915 году Союза морских инженеров, став впоследствии его секретарем. В 1918-м был назначен помощником руководителя отделения Балтийского завода в Николаеве. В 1920 г. Юркевич покинул Россию, будучи эвакуированным из Николаева на недостроенном танкере «Баку». В Турции работал в авторемонтной мастерской, организованной группой русских эмигрантов. В 1922 г. переехал в Париж. Работал токарем, а затем чертежником на заводе Рено. Благодаря рекомендации адмирала Погуляева, Юркевич устроился работать в судостроительную компанию Penhoët, строившую крупные пассажирские корабли. Разработал проект большого пассажирского океанского лайнера для трансатлантических маршрутов, предложив оригинальный профиль корпуса корабля, имевший своеобразные «бульбообразные» обводы (особая конструкция носа корабля получила в дальнейшем название Бульб Юркевича). Опытные испытания модели в гамбургском бассейне подтвердили высокие ходовые качества конструкции. Из более чем 20 представленных вариантов проект Юркевича оказался лучшим и был положен в основу при создании парохода «Нормандия». Построенный в начале 1930-х годов, этот лайнер стал одним из самых больших, быстроходных и комфортабельных судов. После первого рейса в 1935 г. лайнер стал обладателем приза «Голубая лента Атлантики», установив рекорды наименьшей продолжительности перехода и наивысшей средней скорости. После успеха «Нормандии» Юркевич основал собственное проекторочное бюро, разрабатывал корпуса морских судов. В 1937 г. переехал в США. В 1941 г. получил американское гражданство. Работал техническим консультантом Управления морского флота США. Преподавал в университете Мичигана и Массачусетском технологическом институте. Возглавлял Союз русских морских инженеров в эмиграции. – Из Википедии

Инженеру Юркевичу, после долгих трудов и многочисленных испытаний, удалось найти такие обводы кораблей, которые позволили значительно уменьшить, сохраняя заданную скорость, мощность машин и тем самым, по своим преимуществам, выйти победителями среди всех других конкурентов [(участников конкурса)]; и Балтийский завод получил заказ, по его рабочим чертежам должны были строить корабли и на Адмиралтейском заводе, кроме того завод получил денежную премию, разделенную между всеми участниками конкурса и инженерами и многочисленными чертежниками.

Корабли были заложены, и надо было думать о рабочих чертежах и ответственных расчетах. Было решено, что всякий детальный расчет должен быть отпечатан и подписан сделавшим его инженером, на ответственности которого оставалась его правильность. Эта система исключала ошибки и заставляла много раз проверять свои работы, прежде чем их передать к исполнению.

Мои дружеские беседы с инженером и моим самым большим другом [Ю.А. Шиманским], с которым мы проводили все свободное время и обсуждали вопросы кораблестроения, привели к решению написать и издать первую на русском языке Справочную книгу для корабельных инженеров.

Много часов заняли у нас обсуждение программы, финансов. Мы разделили наш труд на 4 отдела: 1) Математика с точностью необходимой для вычислений по кораблестроению; 2) Строительная механика и архитектура корабля; 3) Проектирование корабля; 4) Приемные условия всех материалов необходимых для постройки и оборудования корабля. Общая редакция была возложена, главным образом, на Ю.А. Шиманского, и я занимался сношением с типографией, изысканием средств, корректурой, продажей книги, выпущенной в количестве 500 экземпляров, и работой по составлению 1-ой, 2-ой и 3-ей частей и решений задач для примеров по строительной механике.

Книга имела большой успех и была распродана в первые полгода, кроме того мы получили премию от Морского министерства. Наш успех был поводом к тому, что мы решили подготовить к изданию еще две работы: Справочную книгу для техников и чертежников судостроения и Энциклопедию кораблестроения. Для второго труда мы предполагали пригласить сотрудниками и возглавителями [(руководителями)] профессоров Морской Академии и всех выдающихся инженеров-судостроителей и инженеров-механиков.

Но сначала занялись подготовкой программы этого капитального труда – начавшаяся война разрушила не только наши чаяния, но и нашу Родину, и ящики с материалами остались у меня на квартире в Петербурге и погибли. Одновременно мы с Ю.А. Шиманским, деканом кораблестроения Мор. Инж. Уч., занимались модернизацией программы кораблестроительного отделения, желая ее представить на рассмотрение Морского министерства, что так же было остановлено наступившей трагедией.

В первые дни войны была бешеная работа по достройке кораблей типа Севастополь, которые по своим морским и боевым качествам не уступали по мощности лучшим боевым судам противника. Нам удалось ввести их в строй на второй год войны и благодаря этому значительно усилить нашу силу сопротивления на Балтийском море.

Работы по достройке судов супер-дредноутов типа Бородино подвигались успешно, и в 1915 году был летом спущен на воду первый корабль в моем присутствии, в расчетах по спуску которого я принимал участие. Вскоре меня перевели в Главное управление кораблестроения, где было создано высшее техническое бюро, разрабатывавшее проекты боевых судов согласно планам Морского Генерального Штаба.

Но произошло много перемен в моей жизни. Во-первых, в это время Ставка решила занять Константинополь, и для десанта, сформированного для выполнения этой задачи, решили заказать многочисленные баржи Морскому ведомству. Работа была срочной, и меня отправили со специальным предписанием заказать и принять на металлургических заводах необходимые [марки] стали, и были даны прямо неограниченные полномочия заказывать, принимать и срочно отправлять на Николаевский Судостроительный завод всю необходимую сталь.*

Успех моей работы, помимо наград, сделало мое имя известным в морских кругах. Сразу по возвращению с Юга России меня пригласил к себе в штаб эскадры особого назначения [контр-]адмирал [А.И.] Бестужев-Рюмин, на должность флагманского корабельного инженера – это было уже ответственное назначение и меня выдвигало вперед.

Эскадра особого назначения [(Отдельный отряд судов особого назначения)] была создана для защиты подступов к Мурманскому берегу и беломорским берегам, через порты которых, Мурманский и Архангельский, ввозилось боевое снаряжение, заказанное в Англии, Америке, Франции и других странах. Три судна были куплены у Японии: Пересвет, Чесма и Варяг – их надо было привести в порядок, произвести полный ремонт и подготовить к условиям плавания на севере России. Суды были доставлены во Владивосток.

М. Ф. Гарденин – флагманский корабельный инженер в чине штабс-капитана

* Когда началась война 1914 г., его [(Михаила Федоровича)] послали покупать сталь на Днепропетровский завод, где директором служил мой [будущий] дедушка Сундгрэн. Влюбился в его дочь Эмси, повенчались они в 1915-м в Гельсингфорсе. – Из письма М.М. Гардениной М.И. Классону

Владивостокский порт после [русско-]японской войны был заброшен и обладал самым примитивным оборудованием, но к июлю месяца 1916 года все три корабля были подготовлены к далекому плаванию и были снабжены необходимыми жизненными условиями для плавания и проживания на севере, и поход был назначен на 15 июня.

Однако произошло событие, заставившее отложить поход на неопределенное время. Пересвет во время испытания девиации [определение и дальнейший учет отклонений магнитной стрелки компаса от правильных показаний, на разных курсах, из-за воздействия на нее металла корабля – МК] выскочил своим носом на прибрежную [подводную] скалу, и все попытки снять его примитивными способами не дали положительных результатов. Пришлось обратиться к японской спасательной фирме, которая и сняла его с камней и ввела в док.

Осмотр в доке показал, что починку корабля из-за отсутствия необходимых материалов и бедности портового оборудования займет очень много времени, и Морской Министр приказал отправить Пересвет в Японию, а два других судна срочно направить на север, где подводные лодки немцев приносили чувствительные затруднения в своевременности доставки военного и крайне необходимого материала.

Ввиду сложившегося положения я попросил адмирала отпустить меня немедленно в Петербург, чтобы я мог заняться находящимися в Архангельске мелкими судами и тральщиками, вооружив их 100-миллиметровыми скорострельными пушками, что позволило бы защитить транспорты, везущие вооружения. Адмирал согласился с моими соображениями, телеграфировал Морскому Министру, тот отдал приказ прикомандировать меня к Морскому Генеральному штабу и немедленно отправить в его распоряжение. По прибытии в Петербург мне было приказано отправиться в Архангельск и на Мурманск и поручено: приготовить и произвести необходимые предварительные работы для принятия приходивших с востока судов, а главное – вооружение судов и тральщиков по моему выбору. Работа была очень срочная и ответственная. Я попросил и получил разрешение на: исполнение установки орудий по моей системе и за моей полной ответственностью, без предварительного утверждения кораблестроительным отделом чертежей моей системы, и дать в мое распоряжение и в помощь для исполнения работы мастера по моему выбору с Балтийского Судостроительного завода, предоставив ему возможность набрать экипаж рабочих по своему усмотрению.

С этими, преданными своему делу и большими патриотами, людьми мне удалось в течение нескольких недель вооружить все подходящие суда по одной 100 м/м скорострельной пушкой на корме, что позволило морскому командованию остановить, насколько возможно, уроны, наносимые немецкими подводными лодками транспортам, идущим к нам с запада с закупленным вооружением и материалом военного [на]значения. Из сравнительно крупных судов мною были вооружены ледорезный пароход Канада* и две купленные в Америке роскошные яхты водоизмещением около 800 тонн.

* С началом войны возникла жизненная необходимость обеспечить постоянный подвоз из союзных стран разного рода грузов для снабжения фронта и городов, а также увеличить вывоз в эти страны экспортных товаров. Это потребовало переоборудования Архангельского порта, увеличения длины причальных линий, постройки складов, углубления подходов к причалам. Узкую колею железной дороги Архангельск – Вологда срочно стали перешивать на широкую колею, что было закончено к январю 1916 г. В Кемь (Попов остров) стал строиться глубоководный порт, а в Сорочке – глубоководная пристань. Одновременно осенью 1914 г. началась организация ледокольной флотилии, с тем чтобы продлить навигацию на Белом море до 9-10 мес. в году. С августа 1914 г. министерство торговли и промышленности (отдел торговых портов) стало приобретать за границей ледоколы и ледокольные пароходы. Всего за время войны было куплено и построено 20 таких судов (6 морских ледоколов, 7 портовых ледоколов и 7 ледокольных пароходов).

Вся флотилия состояла приблизительно из 25-30 судов, укомплектована офицерским и матросским составом и подчинена капитану 1-го ранга Викорсту. Эта флотилия до конца [войны] и весьма успешно боролась с деятельностью немецких подводных лодок, и потопление идущих к нам транспортов практически приостановилось.*

Вторая моя задача была по возможности приготовить Архангельский и Мурманский порта к приему должной прибыть эскадры Особого назначения и постепенное и возможное приведение в надлежащий военный вид Архангельского и Мурманского портов. Эти два порта до войны, с военной точки зрения, не существовали, в частности, Мурманский представлял из себя просто снежную пустыню и посещался главным образом рыболовами [(рыбаками)], базирующимися на Архангельске и приходящими в Мурманск в период ловли рыбы и других неисчислимых богатств мурманского края.

Все эти богатства, звериные и рыбные, да и сам один из самых крупных и круглый год незамерзающих порт, открыла нам война 14-го года. [Она же способствовала] проведению железной дороги и доставке при помощи ее грузов прямо в Петербург без необходимости, в продолжение зимнего периода, перегрузки с транспортов на специально построенные ледорезные пароходы, в период от 6 до 7 месяцев, что замедляло доставку на место и сильно удорожало стоимость транспорта [(транспортировки)].

Ввиду успешности борьбы с подводными лодками немцы при помощи шпионов [(диверсантов)], главным образом так называемых финляндских егерей, служивших у немцев, начали взрывать склады вооружения, расположенные в Архангельске, в пригородах Баккарице и в зимнее время – в устье реки Мудьяге**. Мне пришлось пережить все это летом 16-го года на Баккарице, где на протяжении нескольких километров причальной набережной линии были сосредоточены огромные склады военного имущества, [когда] был взорван один из транспортов, стоящий у причала и вызвавший пожар на складах. Эта катастрофа продолжалась несколько дней и, несмотря на самоотверженные работы рабочих, солдат и матросов, причинила огромный ущерб России.***

Окончание примечания

Первым был приобретен у канадского правительства ледокол (ледорез) «Эрл Грей», переименованный в «Канаду». Судно прибыло в Архангельск 9 октября 1914 г. С помощью этого ледокола в первую зимнюю навигацию удалось провести во льдах 146 грузовых пароходов и продлить навигацию на Белом море до 4 января 1915 г., когда работа «Канады» была прервана аварией. Затем в Канаде же были приобретены ледокольные пароходы «Линтроз» (переименован в «Садко»), «Брюс» («Соловей Будимирович») и ледокол «Минто» («Сусанин»). Все они прибыли на Север в течение 1915 г. – Н.А. Залесский. Флот русского севера (www.ivki.ru/kapustin/journal/zalesskiy.htm)

* Согласно приказанию от Морского министра [капитан 1-го ранга Николай Эммануилович Виккорст] выехал 13 июня 1915 года [из Каспийской флотилии] в секретную командировку на Север. 3 августа 1915 г. секретным Высочайшим приказом по Морскому ведомству за № 1455 назначен начальником морской партии траления Белого моря. 10 июня 1916 г. назначен начальником дивизии траления Северного Ледовитого океана (СЛО). С 1 января 1917 г. – командующий под брейд-вымпелом дивизией траления СЛО. 15 апреля 1917 г. возложено выполнение командования флотилией СЛО (ФСЛО) с оставлением в занимаемой должности. 2 июня 1917 г. назначен начальником штаба ФСЛО. 28 июля 1917 г. Высочайшим Приказом по Армии и Флоту о чинах Морского ведомства за № 117 произведен в контр-адмиралы «за отличие по службе». 14 сентября 1917 г. Приказом Морского министра назначен командующим ФСЛО. – С сайта «Наш Баку» (www.ourbaku.com)

** Правильнее говорить об острове Мудьюг, расположенном в 60 верстах от Архангельска, в устье Северной Двины.

*** 23 октября 1916 года под выгрузку у 20-го причала порта Бакарица встал пароход «Барон Дризен». В его трюмах находилось 4000 тонн различного груза, из них 1600 тонн взрывчатых веществ: детонаторные трубки, снаряды, черный порох, жидкий хлор, пикриновая кислота, сульфат алюминия, тринитротолуол, бездымный порох.

Окончание примечания

В порт пароход прибыл 17-го, но стоял на рейде напротив центра города в ожидании причала. С этого времени трюма были открыты и больше не закрывались. 26-го было выгружено 700 тонн, из которых 250 тонн взрывчатых веществ было вывезено. В обеденный перерыв все рабочие ушли с судна. Осталась только команда. Капитан с женой и старший помощник еще утром уехали в город. Часовой у трапа отсутствовал. Около часа дня на «Дризен» раздался взрыв, через несколько секунд последовал более мощный второй взрыв. Возник пожар на пароходе и причале. Уцелевшие люди бежали с причалов территории порта, бежали и команды стоявших пароходов. Через 40 минут раздался самый мощный, третий взрыв и началась канонада – взрывались выгруженные снаряды и патроны. Перепуганные жители наблюдали с противоположного берега огромный столб черного дыма и оранжевые языки пламени. Сила взрыва была столь велика, что обломки огромных размеров забросило за сотни метров на главный железнодорожный путь. От взрыва пароход затонул, затонули и рядом стоявшие английский пароход «Эрл оф Фор фар» и буксир «Рекорд». Исправник из Холмогор телеграфировал, что там ощущалось колебание почвы, а в училище так же, как и в архангельских домах, вылетели все стекла.

В поселке взрывами и пожарами было уничтожено 27 барачных домов для солдат, 5 каменных зданий, несколько причалов, электростанция, почти все жилые дома, портовые склады, на месте причала, у которого стоял «Дризен», образовалась огромная воронка. На берегу загорелись ящики со снарядами и взрывчатыми веществами. Возникали новые очаги пожара.

Когда этот ад немного поутих, начали прибывать буксиры с солдатами гарнизона и военными моряками. Лишь поздно ночью удалось ликвидировать пожар.

Официальные данные явно занижали количество погибших, пропавших без вести и раненых. Начальник Архангельского порта Веретенников доносил Морскому министру: «Взрывами на Бакарице убито 650 человек, насчитывается 839 раненых. Пропали без вести 14 человек Архангельской пешей дружины, Костромской дружины, флотского полуэкипажа, ратники, люди из офицерской стрелковой школы, отдельной караульной команды, Тамбовской дружины, автошколы, служащие таможи». В отчете губернатора говорилось о 607 погребенных трупах и 1166 только зарегистрированных раненых. По другим данным, погибло и пропало без вести более двух тысяч человек. Среди погибших было много китайцев, которые работали на строительстве портовых сооружений и железной дороги. Трупы или то, что осталось от людей, возили на остров Зеленец и хоронили в общую могилу. С английских пароходов погибли 27 и ранены 15 человек.

Прибывшие на место трагедии судебный следователь Архангельского окружного суда Рындин в присутствии прокурора окружного суда С.Р. Некраша при понятых Степане Аполлоновиче Юрьеве и Петре Григорьевиче Суворове составили протокол осмотра места происшествия: «Порт Бакарица расположен в 5-6 верстах от Архангельска и в 4-х верстах от станции Архангельск-пристань. На месте происшествия обнаружены: остатки парохода «Эрл оф Форфар» (оторванная кормовая часть и разрушенная надводная часть с полу оторванным бортом), разрушенные 3 дома и электрическая станция. В большом числе лежат трупы людей, то поодиночке, то целыми группами, в одном месте насчитывается около 100 трупов. Местами – отдельные оторванные части тел – руки, ноги, кости. Площадь пожарища во все стороны – около 200 сажень». <...> Взрыв окончательно разрушил 100-тонный кран и английский пароход. Последствия были бы не столь ужасными, если бы детонаторные трубки, снаряды, бездымный порох и тринитротолуол не лежали рядом, а это было уже преступлением. – Форум информационного портала Архангельска и области (a29.me)

Оказывается летом 1922 г. большевики пытались извлечь грузы, оставшиеся на затонувшем судне «Барон Дризен». Для этого в феврале 1922 г. архангельский губсовнархоз заключил договор с местной военной водолазно-спасательной партией, но как только в мае того же года ей удалось поднять на поверхность первые тонны грузов (металла), на часть их стало претендовать Северо-Беломорское управление Наркомвнешторга. Эти притязания равно как и притязания таможи с помощью губернского и областного экономсовещаний удалось отбить, но тут свои права предъявил Беломорский округ морских путей сообщения (БОМПС), ссылаясь при этом на постановление Совнаркома, согласно которому «разгрузка затопленных судов в водах БОМПС не может быть допущена без согласия Наркомата путей сообщения». В итоге архангельский торговый порт на имеющиеся у него валютные средства стал заказывать оборудование для своей водолазно-спасательной партии. Всю эту историю описали 31 августа 1922 г. «Известия».

Второй взрыв произошел в январе месяце 1917 года, т.е. за несколько недель до февральской революции; был взорван ледорезный пароход Челюскин с 3 000 тонн тринитротолуола. На этом ледорезном судне я был пассажиром, возвращаясь из Мурманска в Архангельск, и должен был остаться ночевать, но Господь Бог спас меня от гибели. Взрыв произошел в три часа ночи и такой мощности, что во всех домах в радиусе около 70 километров треснули стекла и тяжелые части транспорта-ледореза Челюскин взлетали на несколько десятков метров вверх и падали за несколько километров, и конечно весь склад взорвался.

Когда я прибыл в [Мудьюг](#) для принятия участия в спасении того, что еще можно было спасти, то у пристани рядом с Челюскиным стоял еще другой транспорт и начинал гореть. Я решил попробовать его спасти и вызвал охотников из команды пойти со мной на этот риск. Как всегда нашлось достаточно желающих, но спасти второй транспорт не удалось – он взорвался при нашем приближении, и мы отделались лишь незначительным потрясением. Странное явление: мы находясь в нескольких шагах от транспорта не понесли никакого урона, т.к. волна взрыва прошла по-видимому выше и нас не задела.*

Итак, другая задача моя была заняться оборудованием портов, это при условиях военного времени было не совсем легко. Однако ввиду того, что главноначальствующим был сам Морской Министр, многие вопросы разрешались. Адмирал Григорович был независимым и решительным человеком и не боялся нести ответственность за свои действия и поддерживал своих подчиненных, работавших по его указаниям или следовавших одобренным им идеям.

* Не прошло и трех месяцев после трагедии в Бакарице, как до Архангельска донеслись новые взрывы. На этот раз *со стороны Экономии, расположенной в 25 километрах ниже по реке на берегу притока Двины – Кузнечихи*. 13 января 1917 года, в начале 10 часов утра, гул мощного взрыва пронесся над городом, пошатнулись дома, со звоном вылетели в окна стекла, двери сами, как в сказке, распахнулись.

Около часа пополудни в городе услышали второй, не менее мощный взрыв, а под вечер, в половине пятого, третий. Что же произошло на этот раз? 16 декабря 1916 года в Кольском заливе близ Мурманска ледокольный пароход «Семен Челюскин» принял с борта французского судна «Святой Фома» в свои трюмы 900 бочек мелинита, более 5 000 ящиков синкрита (взрывчатого вещества, в полтора раза превосходящего по силе динамит), около 1 000 ящиков со снарядами, прочие боеприпасы, бертолетову соль, аптекарские товары и несколько десятков грузовых и легковых автомобилей. 12 января в четыре часа дня «Семен Челюскин» стал к причалу Экономии под разгрузку. С вечера того дня до 7 часов утра 13 января грузчики стивидорской конторы фирмы «Шмидт» вели непрерывную разгрузку судна в две смены.

В начале 10 утра, во время откатки бочек, одна из них дала сильное пламя, передавшееся на группу рядом стоящих бочек, и «Семен Челюскин» взорвался... Так же, как и «Барон Дризен» в Бакарице, «Семен Челюскин» разлетелся на куски. Вскоре после полудня взлетел на воздух ошвартованный по носу «Семена Челюскина» английский грузовой пароход «Байропна», а спустя четыре с половиной часа над Экономией прогремел третий взрыв – это на причале у железнодорожных путей взорвалось 300 тонн тетрила. В течение следующих трех суток на берегу Кузнечихи слышались частые взрывы – это рвались доставленные судном снаряды и боеприпасы. В порту не осталось ни одного неповрежденного строения (а их насчитывалось почти 300), вся территория складов была засыпана обломками взорвавшихся пароходов, грузовиков и аэропланов, стоявших на них, бревнами, досками и осколками снарядов. Железнодорожные пути не работали на протяжении трех километров от порта.

К счастью, число человеческих жертв на этот раз оказалось меньше, чем в Бакарице. Убитых и пропавших без вести насчитывалось 284, раненых 299 человек. С тех трагических событий в городе на берегах Двины прошло более семидесяти лет. В Архангельске фактически не осталось живых очевидцев этих двух катастроф. О событиях, уже давно ставших легендой, в прессе нет подробных сведений, и едва ли кто из историков, включая даже архангельских краеведов, возьмет на себя смелость высказать точную причину этих взрывов. – Форум информационного портала Архангельска и области ([a29.me](#))

Порта Архангельский и Мурманский не имели почти никакого технического оборудования – ни мастерских, ни плавучих средств. Морское Министерство срочно решило приобрести на Западе хотя бы самое необходимое и минимальное. Решено было купить плавучие мастерские, а так же буксиры морских качеств и большой мощности, отсутствие которых не позволяло маневрировать с транспортом большого тоннажа. Морским агентам в союзных странах было поручено отыскать и приобрести: плавучую мастерскую, плавучий подъемный кран и возможное количество мощных буксиров и доставить в Мурманск. К сожалению, это требовало времени, и [к тому же] несколько закупленных буксиров при переходе было затоплено подводными лодками противника.

Чтобы разрешить эту задачу, мною было предложено закупить необходимые буксиры в финляндских портах, что представляло [(позволяло)] получить буксиры по гораздо более низкой цене и избежать риска потопления.

Доставку буксиров, ввиду мелководья Мариинской системы, я предложил произвести, погрузив буксиры на баржу и отбуксировав [ее] до Архангельска. Мой доклад был одобрен [Морским Министром] Адмиралом Григоровичем, была назначена комиссия под председательством кап. 1-го ранга Веселаго и в составе одного инженера-механика и меня.* Мы нашли в портах Финляндии – Выборг, Гельсингфорс и Або необходимые суда, и после тщательной приемки они были направлены в Петербург, где погружены на баржи и благополучно доставлены в Архангельск [в том числе по Мариинской системе], а оттуда три из восьми направлены в Мурманск. Таким образом, кризис с буксирами был разрешен. Каждый буксир был мною вооружен кормовым орудием и имел двух артиллеристов для обслуживания орудия.

Осенью 1917 года [весной-летом 1917-го? – МК] произошли изменения в командовании эскадры особого назначения: адмирал Бестужев-Рюмин и командир Пересвета кап. 1-го ранга Иванов 9-й были уволены по болезни в отставку, и начальником Беломорского укрепленного района был Морской Министр, командиром портов в Архангельске и Мурманске и всего флота и береговых укреплений – Вице-адмирал Корвин.** Меня оставили флагманским инженером при Корвине, а также прикомандированным к Морскому Генеральному Штабу.

* Веселаго Николай Николаевич (1870-?). Окончил Морское училище (1891), артиллерийский офицер 1-го разряда (1902). <...> В 1913-1914 гг. состоял начальником 4-го дивизиона эскадренных миноносцев Балтийского моря. В мае 1915 г. исполнял должность начальника Минной дивизии. 7 июля 1915 г. зачислен в Гвардейский экипаж с назначением командиром крейсера «Олег», 26 ноября того же года – командиром крейсера «Светлана». В марте 1917 г. состоял при морском министре помощником начальника Управления Беломорско-Мурманского района. После октября 1917 г. остался на службе в красном Балтийском флоте. В мае 1918 г. состоял членом комиссии по эвакуации Петроградского района. В сентябре того же года арестован ВЧК, но по ходатайству комиссара Главного морского штаба был освобожден. 17 мая 1919 г. назначен инспектором Высшей военно-морской инспекции, с 1 июля того же года состоял членом комиссии по проверке запасов угля в Балтфлоте. Других сведений найти не удалось. – Из примечаний в книге В.А. Меркушева. “Из дневника подводника. Записки командира подводной лодки «Окунь». 1914-1915 гг.” (militera.lib.ru/db/merkushov_va2/index.html)

24 апреля [1915 г.] бригада крейсеров в районе маяка Форс, на удаление 28 кбт, слева по борту. Крейсера обнаружили два немецких крейсера типа «Бремен». После 30 минутного боя, не добившись результатов, корабли разошлись. После чего бригада вернулась на базу Утэ, а после на Люм. На Люме у крейсера «Олег» сменился командир, им стал капитан 1 ранга Н.Н. Веселаго. – Бронепалубный крейсер 1-ранга «Олег» (forum.worldofwarships.ru)

** Речь идет об Анатолии Ивановиче Бестужеве-Рюмине, который чин контр-адмирала получил в 1916 году. В феврале 1916 г. назначен начальником Отдельного отряда судов особого назначения с присвоением чина контр-адмирала. Во главе отряда из двух русских кораблей, выкупленных у Японии, совершил переход с Дальнего Востока через Суэцкий канал к западным границам России. Держал свой флаг на флагманском линкоре «Чесма».

Первое время по возвращении из Владивостока меня направили на работу в только что созданное при Морском генеральном штабе, по инициативе его начальника адмирала Русина, техническое бюро, начальником которого был талантливый артиллерийский офицер, капитан 1-го ранга В.И. [Николай Иванович – МК] Игнатъев, который вскоре получил другое назначение, и его место занял капитан 2-го ранга Леонид [Георгиевич] Гончаров, так же выдающийся офицер. Задачей бюро была подготовка планов и технических условий для конкурсов по будущим кораблям большей мощности, легким крейсерам, миноносцам и подводным лодкам.*

Окончание примечания

В феврале 1917 г. назначен начальником Кольского района и Отряда судов обороны Кольского залива, впервые в истории флота возглавил крупную группировку военно-морских сил в Заполярье. Скончался от инфаркта 23 марта 1917 года.

Что касается Иванова 9-го, то по другим данным после выпуска в 1894 г. из Морского кадетского корпуса в списках царского флота Модест Васильевич числился как Иванов 14-й, с 1907 года – Иванов-10-й, а с 1910 года – Иванов-7-й. Эскадренным броненосцем «Пересвет» он командовал в Порт-Артуре. После Февральской революции 1917 года капитан 1-го ранга М.В. Иванов командовал 2-й бригадой крейсеров Балтийского флота. Однако у него не сложились отношения с Морским министром Временного правительства Лебедевым, сподвижником Керенского. В августе 1917 года М.В. Иванов был отправлен в отставку, но оставался на посту начальника бригады благодаря поддержке матросов этой бригады.

Вице-адмирал Людвиг Бернгардович Кербер (сменивший в октябре 1916 г. свою немецкую фамилию на Корвин) в ноябре 1916-го был назначен главноначальствующим Архангельска и Беловодского водного района, а также командующим флотилией Северного Ледовитого океана, таким образом, возглавил первое в истории оперативное соединение на Севере России. В марте 1917-го был отстранен от должности.

* В Интернете существует легенда о том, что М.Ф. Гарденин якобы совершил длительный переход из Владивостока в Архангельск на крейсере «Варяг» (7 июля – 17 ноября 1916 г.). Однако добирался он до Петербурга по суше, как сам и указывал. Связь между ним и «Варягом» заключалась в следующем:

Секретным приказом по флоту и Морскому ведомству от 30 ноября 1916 г. «Варяг», все еще числившийся в Балтийском флоте (как и «Чесма» – в Черноморском), был зачислен в состав флотилии Северного Ледовитого океана. Приказом Командующего флотилией крейсер назначался флагманским кораблем «Отряда судов обороны Кольского залива» <...>. О необходимости его ремонта адмирал Бестужев-Рюмин не раз напоминал еще по пути из Владивостока. <...> Ведомости были составлены на флотилии флагманским корабельным инженером штабс-капитаном М.Ф. Гардениным. <...> – www.navy.su/navybook/melnikov/varyag/08.html

С другой стороны, дочь М.Ф. Гарденина Марина Михайловна писала М.И. Классону (см. выше):

Моему отцу правительство поручило принять [во Владивостоке] флот, привести его в порядок. А когда флот уплыл в Россию, дальним плаванием через мыс Доброй Надежды в Архангельск, отец с матерью (они были молодоженами) вернулись по суше в тот же Архангельск, где он стал работать по увеличению акватории порта, чтобы разместить возвращенный японцами флот.

Относительно Морского генерального штаба и технического бюро:

<...> В 1914 г. Александр Иванович [Русин] – уже начальник Морского генерального штаба. За день до начала войны взял на себя ответственность за минирование устья Финского залива. Получив доклад от командующего флотом адмирала Н.О. Эссена о сосредоточении в Балтике немецкой эскадры, сразу отправился к военно-морскому министру [И.Г. Григоровичу]... Тот отказался позвонить Николаю II или самостоятельно принять решение. Тогда Русин сам ответил Эссену: «Минируйте!». Через год, в период сплошных наших неудач на фронте, именно начальника МГШ император поставил во главе комиссии всех родов оружия для организации в Лондоне и Париже поставок для русской армии. Став «главным адмиралом» ставки, А.И. активно участвует в разработке летней кампании 1916 г., <...>. – Владимир Урбан. Время менять командующих. «Военно-промышленный курьер» (vpk-news.ru/articles/2336)

Николай Иванович Игнатъев (1880-1938). Капитан 1-го ранга (10.04.1916). Окончил Морской кадетский корпус (1899). <...> В 1905 г. присвоена квалификация артиллериста 1 разряда. <...> В 1915 г. преподаватель тактики в Морской академии. <...> С осени 1915 г. он, как один из крупнейших в то время специалистов в области морской тактики и артиллерии, активно привлекается к выработке основных характеристик планируемых новых линкоров. В октябре 1915 г. капитан 2-го ранга Игнатъев прикомандировывается «для занятий» к МГШ, а 07.05.1914 г. назначается начальником его организационно-тактического отдела<...>.

В свободное вечернее время я работал в испытательной лаборатории, под руководством знаменитого профессора Степана Тимофеевича Тимошенко, по изучению крепости [водо]непроницаемых переборок и по заклепочным соединениям, и после создал, с позволения Морского министерства, частное проектировочное бюро. Мое бюро занималось участием во всех конкурсах морского ведомства и предлагало свои проекты военных кораблей, вспомогательных судов и, главным образом, подводных лодок.

Одновременно мы занимались программой транспортного предприятия, затеваемого мною с группой моих соплавителей [здесь имеются в виду плавания в акваториях портов Владивостока и Архангельска-Мурманска, но отнюдь не сам переход Владивосток – Архангельск – МК] на Варяге. Это были офицеры и мои друзья, все пять из гвардейского экипажа, [старший штурманский офицер, старший лейтенант] барон [Б.А.] Нольдэ, [лейтенант Н.Ф.] Пешков, [лейтенант Н.Д.] Семенов-Тяньшанский, [минер лейтенант И.Э.] Вуич и [артиллерист лейтенант В.Г.] Гессе. Все предполагали по окончании войны выйти в отставку и создать большое транспортное дело с крупными, чисто государственными задачами. Моим главным помощником в бюро и другом был Г.Ф. Лукашев, высокоталантливый инженер и исключительный математик, и инженеры [поручик Корпуса корабельных инженеров Эрнест Иоганович] Ма[а]зик и Руманов [последняя фамилия зачеркнута в машинописи – МК], все три несколько моложе меня по выпуску из Морского Инженерного Училища, и около шести чертежников из технического бюро Балтийского Судостроительного завода.*

Окончание примечания

<...> В сентябре 1915 г., после свертывания всех работ по разработке 16" линкоров, он назначается флагманским артиллерийским офицером штаба командующего Балтийского флота. В 1917 г. исполняет должность нач. артиллерийского отдела ГУК, а с 1.06.1917 г. – должность нач. ГУК. – www.navy.su/persons/10/ni_ignatev.htm

Служба Л.Г. Гончарова до революции 1917 г. представляется следующим образом. 1901-1903 гг. – обучение в Морском кадетском корпусе с получением первого офицерского звания – мичман. Последующие 5 лет – служба в составе 1-го Балтийского флотского экипажа <...>. В 1908-1909 гг. он обучается в Артилл. офицерском классе, получает квалификацию – артилл. офицер 2 разряда. Затем – Николаевская Морская академия, которую Гончаров успешно заканчивает в 1912 г., с квалификацией – штурманский офицер 1-го разряда. <...> В период 1914-1915 гг. он – ст. офицер учебного судна «Петр Великий», капитан 2-го ранга за отличие (25.8.1914), а 29.4.1915 г. назначен командиром эсминца «Лейтенант Ильин». С 17.10.1915 г. Л.Г.Гончаров является членом Особой комиссии по рассмотрению изобретений, а также пост. членом морского крепостного совета крепости Императора Петра Великого. <...> С февраля 1917 г. Л.Г. Гончаров на службе в Морском Ген. штабе, нач. отдела, капитан 1 ранга. – Дьяконов Ю.П. Л.Г. Гончаров: основоположник академической школы подготовки офицеров-оружейников (www.rgavmf.ru/index.php?catid=37:fleethistory&id=324:2010-04-14-07-02-28&Itemid=56&option=com_content&view=article)

* Лукашов Гавриил Федорович (1892 – ?). Морское инженерное училище 1913 г. Поручик корпуса корабельных инженеров флотилии Северного Ледовитого океана. В белых войсках Северного фронта с ноября 1918 г., в июле – августе 1919-го в судоремонтных мастерских Архангельска. – С.В. Волков. Офицеры флота и Морского ведомства: опыт мартиролога (militera.lib.ru/bio/volkov_sv01/index.html – опция «DOC после OCR»)

<...> Автроиль: Вернемся к любимой теме. МААЗИК Эрнест Иоганович (18.11.1890 – 18.12.1949), поручик ККИ (МИУ 1914). Родился в Эстляндии. Из крестьян Хельмеской волости Валгаского уезда. Первоначальное образование получил в Юрьевском реальном училище. После производства в офицеры (16.07.1914) зачислен по корпусу и назначен на Балтийский судостроительный и механический завод (03.08.1914) помощником главного строителя линейных крейсеров «Кинбурн» и «Измаил». С февраля 1916-го в должности инженера-судостроителя проходил службу в Штабе Минной обороны БМ [БФ или Балтийского флота? – МК]. Одновременно являлся «непосредственно наблюдающим» за строительством кораблей в Гельсингфорсе. В годы Гражданской войны вначале находился в войсках Северной области, затем через Финляндию откомандирован в распоряжение Военно-Морского Управления Северо-Западной армии [Юденича]. На 18 декабря 1919 года – корабельный инженер Отряда (Дивизиона) посыльных катеров. С окончанием военных действий обосновался в Таллине.

Работали обычно от 7-ми [часов вечера] до часу ночи, и нашу работу оплачивали частные судостроительные фирмы, не обладавшие достаточным персоналом и поручавшие моему бюро ответственные работы. Бюро прекратило свою деятельность в связи с назначением меня во Владивосток. Вся моя дальнейшая деятельность не позволила заниматься этой интересной и созидательной работой, и, к сожалению, среди моих сотрудников не нашлось достаточно предприимчивого человека.

Среди трудов моих до революции заслуживает внимание разборка, погрузка и перевозка миноносцев, строившихся в Риге, на Мюльграбенской верфи. Летом 1915 года немцы повели наступление на Рижском фронте, и мне было приказано найти среди находившихся в портах Балтийского моря пароходы, могущие принять [на борт] уже довольно близкие к достройке миноносцы, и отправить на достройку в Петербург, т.к. опасались захвата их немецкой армией, тем более что турбины к этим миноносцам, последнего слова техники, [перед войной] были заказаны в Германии [у фирмы Шихау].

Эта работа была поручена мне, и я, взяв с собою с Балтийского завода экипаж мастеров и рабочих, отправился в Ригу и, на месте наметив способ наиболее правильной и целесообразной разборки миноносцев по частям, отыскал в Петербургском и Ревельском портах подходящие плавучие средства, отправил транспорты в Ригу, где работы по разборке уже были сильно авансированы, и через неделю разобранные миноносцы были погружены на транспорты согласно точным спецификациям, чтобы облегчить предстоящую сборку. К сожалению, последний из 4-х транспортов – Сербино был затоплен подводной лодкой при выходе из Рижского залива.*

Окончание примечания

С 1920-го по 1926 год руководил отделением судостроения и преподавал корабельную архитектуру в Таллинском Техникуме. В 30-х годах, будучи судовладельцем и техническим директором одной из крупнейших на Балтике судостроительных компаний, состоял в правлении Союза судовладельцев Эстонии. Длительное время занимал пост заместителя председателя международного союза судовладельцев «Baltic & International Maritime Conference». В периодической печати неоднократно публиковал статьи на общие темы и исследования по вопросам развития национального мореплавания, до 1940 года был редактором «Бюллетеня торгового флота и судоходства». С момента учреждения – член Кассы взаимопомощи русских моряков. При присоединении Эстонии к СССР арестован органами НКВД (14.06.1940) и решением Военного Трибунала (от 17.06.1942) приговорен к десяти годам ИТЛ. Умер в Востураллаге в Свердловской области под Тавдой. – wap.kortici.borda.ru/?1-1-60-00000008-000-210-0

М.Ф. Гарденин тут противоречит сам себе: частное бюро было создано до Владивостока или после?

* В Интернете имеется не совсем точная информация по этому поводу:

До начала Первой мировой войны на Мюльграбенской верфи заложили четыре эсминца типа «Гавриил» [типа «Гогланд»? – МК]. К 14 августа 1914 года готовность их корпусов составляла 35, 22, 17 и 8 процентов. В июле 1915 года, ввиду угрозы захвата Риги немцами, всю сталь со стапелей [? – МК], станки и часть оборудования верфи сняли и вывезли морем в Петербург. – pribalt.info/finansy/rosso-balt

Более достоверная информация:

<...> В октябре 1913 г. все чертежи эсминцев типа «Гогланд» были утверждены Морским министерством. <...> Первые два эсминца— «Гогланд» и «Гренгам»— на Мюльграбенской верфи заложили с опозданием. <...> В декабре состоялась закладка эсминцев «Кульм» и «Патрас». В 1914 г. заводу Лесснера в Петербурге было заказано минно-торпедное вооружение для эсминцев типа «Гогланд». <...> В январе 1916 г. вопрос о Мюльграбенской верфи рассматривался на Совещании по судостроению. В связи с угрозой захвата Риги немцами в 1916 г. [в 1915-м? – МК] Мюльграбенская верфь была реквизирована русским правительством, четыре корабля переданы на достройку Металлическому заводу. Их следовало перевооружить под быстроходные тральщики. <...> Заказ на строительство четырех таких кораблей был выдан Металлическому заводу в ноябре 1916 г. <...> Окончание постройки эсминцев-тральщиков планировалось на 1918 г. К 1 февраля 1917 г. готовность кораблей, заказанных Металлическому заводу, не превышала 18%, поэтому решением уже Временного правительства от 14 октября 1917 г. их постройка была приостановлена. – statehistory.ru/books/YU--G--Stepanov--I--F--TSvetkov--Eskadrennyy-minonosets-Novik/13

Меня всегда поражала поразительная преданность и патриотичность простого русского рабочего или матроса при выполнении всех порученных работ как на суше, так и на судах. Я ни одного раза не слышал ропота на трудность или усталость, особенно, если выказывали сами пример честного выполнения своего долга.

За время моей полезной деятельности мне посчастливилось встретиться и познакомиться с целым рядом поразительных людей, которые своей деятельностью и выполнением принятых на себя обязанностей воспитывали молодые поколения в желании вполне и бескорыстно служить Родине и возможно честнее выполнять свой долг, и это явление было общее и среди старшего поколения, и молодежи.

Окончание примечания

А вот и сюжет с подъемом затопленных в территориальных водах Эстонии судов:

В феврале 1924 года к разрешению этой проблемы активно подключилось руководство Таллиннских портовых мастерских. <...> Мастерские оценивали вес металла затопленных судов примерно в 28 000 тонн. Чтобы получить максимальную прибыль от реализации поднятого металла, предлагалось поднять затонувшие суда и прибуксировать их в Таллинн, где произвести утилизацию и полученный металл продать. Фактически были предложены две программы проведения работ:

Малая – работы провести теми плавсредствами, которые имелись в распоряжении мастерских, и поднять доступное для них имущество. К разборке в первую очередь предлагались:

<...> – пароход «Сербино» (в проливе Хари Курк); цель работ – вынуть груз из трюмов;

<...> 17 июля 1931 года Управление водных путей заключило с «Эстонским обществом по разделке судов «Metallum» Георг Кухлман и К^о» договор на работы по подъему и разборке затопленных объектов <...>. Известно, что в 1933 году «Metallum» разборкой судов не занимался. Только 1 июля 1934 года эта фирма продолжила работы на «Сербино», и проводились они довольно успешно. В числе поднятого с судна материала был и памятник Петру Первому, отправленный в 1915 году из Риги в Петроград. Позже этот памятник возвратился назад в Ригу.

Я близко видел таких людей как генерал Пароменский – начальник Мор. Инж. уч., адмирал Н.О. Эссен – командующим Балтийским флотом, адмирал Григорович – Морской Министр, профессора А.Н. Крылов, И.Г. Бубнов, С.Т. Тимошенко, адмирал Бахирев*, капитаны [(по морскому чину)] [Н.И.] Игнатъев, Л.[Г.] Гончаров, Рыбалтовский**, инженеры Маттес, Ю.А. Шиманский, И.И. Бобров, Г.Ф. Гойнкис, директора заводов Н.И. Давыдов, К.М. Сосновский, и множество [других] людей, преданных своему [делу] на незаметных должностях.

Революцию я встретил в Петербурге, куда был послан для доклада Морскому Министру о взрыве на Мудьюге транспорта Челюскин, а так же о состоянии крейсера Варяг, только что пришедшего из Владивостока. На Варяге я встречал Рождество Христово и трагический 1917 год.

* 24 декабря 1914 г. М.К. Бахирева «за отличие против неприятеля» произвели в контр-адмиралы и назначили командующим 1-й бригады крейсеров Балтийского моря. <...> 21 августа 1917 г. М.К. Бахирев, уже в чине вице-адмирала, возглавил Морские силы Рижского залива. <...> На заседании 9 января 1920 г. Коллегия ВЧК постановила: «Бахирева Михаила... расстрелять, приговор привести в исполнение по особому постановлению Президиума ВЧК, оставив Бахирева в качестве заложника на случай террористических актов со стороны агентов белогвардейцев». <...> 16 января 1920 г. Михаила Коронатовича, «Короната» – расстреляли. – **копия с заблокированного ресурса coollib.net/b/196194/read**

** Было четыре брата Рыбалтовских – два расстреляно «Софьей Власьевной», два выжили при оной:

Владимир Юльевич Рыбалтовский (1889-1951), флаг-артиллерист (1918-1919), комендант форта «Красная горка» в Кронштадте (июнь-июль 1919), главный артиллерист Черноморского флота (1920), участник гражданской войны. В 1920-м обратился с просьбой к Ларисе Рейснер: «При ликвидации Архангельского фронта брат уговорил отряд офицерства в 1500 человек перейти на сторону советской власти и вот, несмотря на эту заслугу, он до сих пор сидит в тюрьме. <...> Лариса Михайловна, Вы, я знаю, не откажетесь помочь нам в этом горе, <...> я видел его в Петрозаводске, говорил с ним, он хочет служить Сов. власти честно, быть может, он пригодится Федору Федоровичу [[Раскольникову](#)], ведь брат [Юлий? – МК] старый артиллерист и опытный».

Александр Юльевич Рыбалтовский (1887-1919), начальник штаба Кронштадтской крепости [*и даже начальник штаба Балтфлота!* – МК], расстрелян в сентябре 1919 г. по подозрению в участии в подготовке восстания [12-15 июня] на форте «Красная Горка».

Николай Юльевич Рыбалтовский (1896-1967 или 1969), в 1917 г. окончил Морской кадетский корпус, гардемарин. В 1925-м окончил Военно-морскую академию. Вахтенным начальником линейного корабля «Гангнут» участвовал в Ледовом походе Балтийского флота в 1918-м. С 1918 г. командир эскадренного миноносца «Ретивый». В годы Гражданской войны командовал эскадренными миноносцами «Ретивый», «Яков Свердлов» и «Карл Либкнехт». С 1925 служил в Главном гидрографическом управлении. В 1928 прикомандирован к Пулковской обсерватории. В 1930 был начальником отдельного гидрографического отряда Балтийского моря. С 1937 на преподавательской работе в Военно-морской академии. <...> – www.nvmu.ru/archiv/2/n_15/8270.htm

С началом эвакуации войск союзников с русского севера, команды всех блиндированных поездов стали комплектоваться белогвардейцами. В феврале 1920 г., после краха белого фронта на севере России, все поезда попали в руки красных. Судьба членов команд блиндированных поездов была различной, но чаще – трагической. 18 февраля 1920 г. у станции Холмогорская нижние чины из команды поезда «Адмирал Колчак» перешли на сторону красных. Офицеры поездов «Адмирал Колчак» и «Адмирал Непенин», вынужденные отступить в пешем порядке к Мурманской железной дороге, в пути были окружены красными и сдались им. <...> Всех морских офицеров из командного состава блиндированного поезда «Адмирал Колчак» и других расстреляли в Холмогорах. Так погибли капитан 1-го ранга Юлий Юльевич Рыбалтовский (1886 – март 1920), <...> и многие другие. – www.diary.ru/~15061981/p198138199.htm?oam

18 июня для наказания участников в измене и заговоре на форту был назначен временный полевой суд. <...> Предписывалось всех виновных в измене и заговоре судить по революционным законам военного времени. <...> Первоначально комендантом форта был назначен военмор В. Рыбалтовский, комиссаром Каллис. Вскоре Рыбалтовский, как участник заговора, был арестован, а комендантом временно назначен Суслов, командированный с форта Тотлебен. – krasnaya-gorka.org/kgur/kg/6-1919-part2

Не совсем понятно, кого именно из четырех братьев Рыбалтовских имел в виду М.Ф. Гарденин... Правда, В.Ю. стал капитаном 1-го ранга только в 1935-м, А.Ю. дослужился лишь до старшего лейтенанта, Н.Ю. только в 1917-м окончил Морской кадетский корпус, гардемарин; значит, это Юлий Юльевич?

Пользуюсь случаем сообщить очень характерное происшествие, характеризующее наших так называемых союзников – англичан. Сообщение между Архангельском и Мурманском происходило при помощи двух специальных полуледокольных судов, которые по очереди, раз каждые две недели, поддерживали сообщение между двумя портами. Мне пришлось отправиться на английский судне. Мы благополучно пришли в Мурманск, и я обратился к капитану корабля коммерческого флота с просьбой просигналить на Варяг о присылке за мною шлюпки. И неожиданно получил надменный ответ: а имею ли я разрешение от английского капитана Кемпа?*

Я имел довольно вспыльчивый характер и возмущение мое было огромно, [поэтому] потребовав к себе через переводчика капитана [коммерческого флота] и посадив его рядом с собой, твердо сказал ему, высунав из кармана револьвер, что даю ему на размышление 5 минут и если он не отдаст приказ просигналить о присылке за мною шлюпки, то я его пристрелю, сигнал был отдан и шлюпка прислана.

На другой день капитан Кемп приехал с извинением к командиру Варяга, объяснив, что капитан парохода коммерческого флота не понял моего предписания. Но я понял, что заносчивый англичанин уже решил, что находится в своей колонии – но ошибся!

В момент февральской революции я находился в Петербурге и тяжело переживал это время. Мне было ясно, что главари, заправлявшие переворотом, ясно видели, что медлить нельзя, ибо победа России была, уже принятыми мерами, неизбежна, надо было действовать, и темные силы, возглавляемые иностранными политическими врагами России, привели в действие свою сатанинскую машину и добились так называемого февральского переворота, воспользовавшись результатами продолжительной беспринципной пропаганды, разложившей русский народ сверху донизу. Заговором совершенно открыто руководило английское посольство, а наша интеллигенция и честолюбцы из высших военных кругов ослепли, не понимая страшного безумия, надвигающегося на нашу Родину.

Удивительно, что в первые дни восставшие солдаты петербургского гарнизона были в массе [своей] против революции и боялись только наказания за нарушение присяги. Так же и рабочие на больших заводах высказывали желание о присылке полицейских для защиты от банд явно подкупленных бандитов и бездельников, угрожавших настоящим рабочим исполнять свой долг. Генералитет, высшее офицерство, профессора, адвокаты, журналисты, писатели, поэты и даже Великие Князья приняли, или по недомыслию или по карьерным соображениям, революцию, украсились красными бантами и занимались безудержным произношением крайне левых речей, забыв о смертельной опасности, которой подвергли Россию ее враги.

Вот два разительных примера.

Великий Князь Кирилл Владимирович на третий день революционного бунта, еще до отречения Императора, взбунтовал еще вполне нейтральный Гвардейский Экипаж и во главе его с красным знаменем и огромным красным бантом на груди походным порядком через весь Петербург привел подчиненных ему гвардейцев к Таврическому Дворцу, где во главе с Председателем Государственной Думы камергером М.В. Родзянко находились все главные возглавители революционного бунта, подготовившего гибель Великой России и вместе с ней свою собственную и великую Христианскую культуру.**

* Томас Уэбстер Кемп (1866-1928) был не простым «капитаном», а старшим английским начальником в Романове-на Мурмане (Мурманске) и командующим союзной эскадрой на Белом море. В это время он имел чин Коммодора, второй класс, в апреле 1917-го дослужится до контр-адмирала.

** Около 4 часов Думу облетел слух о приходе Гвардейского Экипажа, с В. К. Кириллом Владимировичем. В Гвардейском экипаже, которым командовал В. Князь, с утра было неспокойно. Матросы арестовали некоторых офицеров. Намечены были офицеры, с которыми предполагалось расправиться.

Второй пример. В первые дни бунта в огромном зале Армии и Флота член государственной думы полковник Энгельгард созвал на митинг офицеров Армии и Флота.*

Окончание примечания

Слухи из Кронштадта возбуждали матросов. Недобрым огнем горели глаза некоторых. Таково было настроение, когда в экипаж явился В. К. Кирилл Владимирович. Ему доложили, что матросы желают идти в Думу, строем с офицерами. В. Князь знал, что правительства уже в Петрограде нет. Что власть в руках Думы. А батальон уже построился по собственной инициативе, ждут офицеров, командира... И В. Князь соглашается на просьбу и ведет Экипаж в Г. Думу. На Невском Проспекте с какой-то крыши Экипаж обстреляли из пулемета. Произошел переполох. Строй нарушен. Часть матросов разбежалась. Придя в порядок, матросы продолжают путь. Великий же Князь, по приглашению какого-то студента, сел с двумя матросами в его автомобиль и приехал в Г. Думу раньше прихода туда Экипажа.

В. Князь просил провести его к Родзянко. Председатель встретил его в Екатерининском зале. Великий Князь доложил, что через несколько минут придет Экипаж, который он и предоставляет в распоряжение Г. Думы. Родзянко благодарил и сказал несколько патриотических фраз матросам. В. Князя провели в одну из комнат Временного Комитета, барышни предложили чаю. У дверей, как парные часовые, встали матросы — великаны. Когда пришел батальон Экипажа, к нему вышел начальник военной комиссии Гучков. Он призывал матросов к порядку и исполнению долга перед родиной. Батальон ушел. Великого Князя обступили журналисты.

Появление в Г. Думе В. Князя произвело тогда большое на всех впечатление. Многие видели в этом поступке присоединение В. Князя к революции, другие смеялись, что он выставил свою кандидатуру на престол, в чем видели продолжение того, что называли «заговор велик. Князей». И если одни радовались этому поступку, видя в нем одно из доказательств успеха революции, то другие были огорчены, считая поступок изменой Государю и недостойным для члена династии. Часов около 8, усталый физически и морально, В. Князь вернулся к себе во дворец. Там его ожидал Гучков. Он был занят обороной Петрограда. По слухам к столице идут эшелоны генерала Иванова. Гучков просил В. Князя занять с Гвардейским Экипажем главный вокзал, что, по его словам, предотвратит кровопролитие. В. Князь ответил категорическим отказом. Гучков уехал. В. Князь бросился на кровать и заснул, как убитый.

Многие утверждали, что В. Князь был украшен красным бантом. Офицер Павловского училища, следовавшего в Думу, на одном перекрестке столкнулся с Экипажем и уступил ему дорогу, категорически утверждал автору этих строк, что банта не было. Павлоны, как замечательные строевики, заметили, что В. Князь был одет не по форме — палаш у него был под пальто. — Из воспоминаний генерал-майора А.И. Спиридовича (1 марта 1917 г., Петроград)

* Энгельгардт Борис Александрович (1877-1962), полковник, член IV Гос. думы, националист, затем октябрист, с 20 апреля 1916 г. состоял в распоряжении начальника Генерального штаба. Во время Февральской революции 1917 г. председатель военной комиссии Временного к-та Гос. Думы, и.о. воен. коменданта Петрограда. Член Исполкома Совета офицерских депутатов Петрограда, его окрестностей, Балтийского флота и Отдельного корпуса пограничной стражи. С 04.03.1917 г. работал в Военной комиссии под председательством ген. А.А. Поливанова. Начальник Подотдела сношений с войсками Отдела сношения с воинскими частями и провинцией Врем. к-та Гос. Думы. Летом 1918-го бежал из Петрограда (после начавшихся вслед за убийством Урицкого арестов). В ноябре 1918-го на Украине, с осени 1918 г. заведующий политической частью представительства Добровольческой армии в Киеве, с декабря 1918-го — в Одессе. Во ВСЮР с 18.03.1919 помощник управляющего отделом пропаганды (ОСВАГа) Особого Совещания при Главнокомандующем ВСЮР; летом 1919-го в штабе войск Юго-Западного края (Одесса), с декабря 1919 г. начальник того же отдела пропаганды. С марта 1920-го в отставке. Эвакуирован из Новороссийска.

В эмиграции во Франции, работал шофером такси, затем в Латвии, тренер Рижского ипподрома. После аннексии прибалтийских республик СССР в 1940-1946 гг. отбывал административную ссылку в Хорезмской обл. В 1946-м вернулся в Ригу. — Из Интернета

Передают, кто с ужасом, кто со злорадством о бунте в Кронштадте. Замучен и убит главный начальник адмирал Вирен, несколько десятков офицеров, адмирал Бутаков, генерал Стронский. Временный комитет встревожен. Надо защитить офицеров. Через них надо водворить порядок среди солдат, взять в руки гарнизон, а через него восстановить порядок... Но, прежде всего надо овладеть гарнизоном и встретить идущие с фронта войска. Этим занимается Военная комиссия, которую, вместо Энгельгардта, возглавил Гучков. Энгельгардт же назначен комендантом Таврического дворца.

Я имел несчастье присутствовать на этом первом и последнем собрании самоубийц и не могу без ужаса вспомнить о выступлениях полных подлости, низости и предательства в отношении всех великих принципов, которыми мы должны были следовать согласно данной нами добровольно присяги. К счастью, я видел на лицах некоторых штабс-капитанов, поручиков и прапорщиков недоумение и даже возмущение. Быстро выбежав из зала, я никогда более не присутствовал на митингах офицеров.

Пошло углубление революции: отречение без всякого сопротивления Царя и последующее – Великого Князя Михаила и появление на [политической] сцене совета солдатских, рабочих и крестьянских депутатов, состоявшего из явных проходимцев, главным образом евреев, армян, грузин и других инородцев. Ни один русский приличный человек не вошел в это грязное, предательское заведение, кроме типов вроде Керенского и иже с ним. Ленин и банда, прибывшая с ним, при помощи немцев и немецких шпионов еврейского происхождения прибыли к нам уже когда обстановка для захвата власти была подготовлена первыми преступниками, заполнившими советы.

Я не собираюсь рассказывать [подробно] о событиях, приведших к захвату власти сатанистами, но приведу событие, приведшее Керенского в военные министры. При морском министерстве была создана, выбранная среди личного состава флота, Комиссия для урегулирования отношений между офицерами и матросами, от беломорского флота, совершенно не зараженного еще революционными настроениями, среди других был выбран и я.

Заседания происходили в Адмиралтействе и не имели особой ценности, но были интересны беседы после окончания [заседаний] с матросами, которые начинали прозревать и понимать, куда заведет Россию безответственное руководство интернациональной банды преступников. Во время подачи в отставку первого временного правительства Милюкова-Гучкова [в апреле 1917 года] мне предложили место Морского Министра, что конечно было мною отвергнуто.

В этот момент в зале заседания появился [министр юстиции] Керенский в сопровождении двух адъютантов и, обратившись к собранию, закричал: «Товарищи, временное правительство пало! Выбираете ли вы меня Морским министром? И если да, пошлите в совет солдатских депутатов делегацию, подтверждающую ваш выбор!»*

Окончание примечания

Он должен организовать его оборону. Этот юркий полковник, из желания ли поддаться под настроение толпы или по растерянности, успел отдать по гарнизону приказ, воспрещавший офицерам отбирать у солдат оружие, причем грозили виновным строгими наказаниями до расстрела включительно. Такой приказ настраивал солдат на офицеров. – Из воспоминаний генерал-майора А.И. Спиридовича (1 марта 1917 г., Петроград)

Что касается вместимости Зала армии и флота. Как следует из снимка Штейнберга в иллюстрированном журнале «Искра» №23 за 18 июня 1917 г., во время проведения там Казачьего съезда 7 июня, в этом помещении было около 10 рядов, по 20 кресел в каждом, плюс еще человек 50 могло стоять у стен – итого 250 человек (www.odin-fakt.ru/iskry/ljeparlamentery_23_1917). Действительно, как сообщал тот же журнал в №12 за 26 марта, «10 марта в Петрограде в зале армии и флота состоялось общее собрание офицерских депутатов. Присутствовало 268 представителей различных частей и учреждений военного и морского ведомств Петрограда и его окрестностей. Председательствовал комендант Петрограда, член Государственной Думы полковник Б.А. Энгельгардт».

В Российском государственном архиве ВМФ имеется фонд р-27 «Особая комиссия при Морском министре по выработке положений о взаимоотношениях между офицерами и матросами». Возможно, хранящиеся в нем документы зафиксировали этот эпизод, например в Протоколах соединенного заседания комиссий члена Государственной думы Н.В. Савича и генерал-майора Юрковского, организационного заседания Особой комиссии под председательством члена Государственной думы Н.В. Савича.

Конечно, члены комиссии закричали; «выбираем, выбираем!» И среди них нашлось достаточно болванов, отправившихся с ним сначала в солдатскую подобную же комиссию, где повторилась та же комедия, и Керенский сделался военным министром. Печально, что в депутации приняли участие морские и военные офицеры. Таким образом, этот бездарный адвокатишка получил постепенно возможность выполнить поручение своих оккультных хозяев и привести сатанистов-большевиков к власти, дать возможность привести главного врага их – Империю и Православную Россию к гибели и поруганию. Одновременно с работой Керенского началась вакханалия пропаганды ленинской банды из захваченных Смольного института и дворца Кшесинской, чтобы окончательно разложить оставшиеся верными Родине части населения.

Я с назначенным новым главноначальствующим из земцев Черниговской губернии, личностью ничтожной, отправился в Архангельск, стараясь по возможности сдерживать развал. Вначале нас оставили в покое, и мы могли заниматься своими обязанностями, защитой северного и беломорского района, приемкой, охраной и отправкой военных материалов на фронт, не теряя еще надежды выиграть войну для спасения Родины. Несмотря на уход Григоровича и Корвина удалось удержать власть в руках Морского Генерального Штаба, который под именем Беломорского Военного Управления продолжал свою работу.

Быстро поняв всю бездарность назначенного Временным правительством земца только за то, что он принадлежал к кадетской партии, нам удалось заменить его даровитым Евгением Ивановичем Сомовым, официально принадлежавшим к партии с.-р., на самом деле – большим патриотом. После прихода к власти большевиков он вовремя, вместе со своим другом композитором Рахманиновым, в качестве его секретаря, уехал в Америку.*

* В местной исторической литературе имеются весьма скудные сведения о «бездарном комиссаре-кадете» (а М.Ф. Гарденин в ней вообще не упоминается!):

<...> По почину комитета общественных организаций был создан временный губернский комитет. 27 апреля 1917 года в зале заседания городской думы состоялось торжественное открытие заседания временного губернского комитета. Вступительную речь произнес *Главноначальствующий г. Архангельска и Беломорского района Н.П. Савицкий*. – Е.И. Овсянкин. На изломе истории. События на Севере в 1917-1920 гг. Архангельск, 2007

7 марта 1917 г. вместо отстраненного вице-адмирал Корвина, на должность Главнача назначен общественный деятель, бывший член Государственного Совета Н.П. Савицкий, который вскоре оставил этот пост. С июля 1917 г., вплоть до отмены должности 10 июня 1918 г., Главначальствующим был инженер Е.И. Сомов, член партии эсеров (Север не был чужим для Сомова; в 1908 г. он находился здесь в административной ссылке). – Т.И. Трошина. Великая война и Северный край. Европейский Север России в годы Первой мировой войны. Архангельск, 2012

Что касается Е.И. Сомова, то в той же исторической литературе он был отодвинут в тень мощной фигурой композитора С.В. Рахманинова. Поэтому в поисках перемещений первого приходится опираться на перемещения последнего: например, 1 ноября 1918 г. Сергей Васильевич вместе с семьей отплыл из Норвегии в Нью-Йорк.

Личность Евгения Ивановича Сомова (1881-1962) и его деятельность в эмиграции заслуживают отдельного исследования. Инженер по образованию, он в 1922-1939 годах работал секретарем и помощником С.В. Рахманинова, а с 1939 года — М.А. Чехова, состоял членом Комитета русской секции Американского Красного Креста, возглавляемого композитором. Евгений Иванович и его жена дружили с семьями Рахманиновых и Чеховых. С огромной симпатией относился к ним [художник] Константин Андреевич [Сомов]: «Евгений Иванович само совершенство – лучше человека себе нельзя и представить, – писал он. – Большего альтруизма я ни у кого не встречал <...>. Он очень спокойный, малоразговорчивый, но очень уютный, обожает жену». – Е.П. Яковлева. Рату Животовская – американская модель К.А. Сомова

Наша задача была по возможности сохранить север России, где еще было крепкое и верное Родине население, от наплыва темного элемента и тем позволить так называемым нашим союзникам, в обязательства которых мы еще верили, прийти к нам на помощь в наилучших материальных и моральных условиях. С этой целью мы решили создать в Петербурге представительство Главногоначальствующего Беломорского военного округа для сношений с морским министерством. Помещение было взято в маленьком домике на Галерной улице, где раньше помещался старший дворник графов Шуваловых. Служащих было два человека – я и мой секретарь.

Первой задачей было не допускать проникновения в Архангельск нежелательного элемента, и представитель [т.е. М.Ф. Гарденин – МК] получил приказ выдавать разрешение на проезд в Беломорский укрепленный район только лицам, имеющим отношение касательно этого района. И только письменные разрешения на специально подготовленных бланках за моей подписью и печатью позволяли проникнуть в Беломорский укрепленный район, и это давало так же возможность пропускать только желательных лиц. Второй задачей было войти в сношения с союзным командованием и выяснить, на какую помощь может рассчитывать Россия. Этот, чисто дипломатический, вопрос был довольно деликатен и труден, принимая во внимание отдаленность ответственных лиц союзного командования.

События внутри страны шли ускоренным темпом, и вскоре большевики оказались у власти, и нам пришлось ликвидировать наше Беломорское управление и или уйти в отставку или скрыться. Лично я, как никогда не принимавший присяги и не признававший ни Временное Правительство, ни большевиков, немедленно подал в отставку и решил все свои силы направить на борьбу с Безбожной властью.*

С этой целью, и так как я имел связи на севере, было создано Мурманское русско-английское Рыболовное и Судостроительное общество, в которое вошло официально Английское Правительство и Французы. Официально задачи этого Общества были: электрификация Мурманской [железной] дороги, через мощные водопады северных рек, постройка [современного] города и при нем судостроительной верфи – для создания рыболовного флота и консервного завода, постройка Большой Гостиницы, дававшей возможность прямого и быстрого сообщения с Америкой, и многое другое, позволяющее замаскировать настоящее назначение всего предприятия.*

* Уточнение даты ликвидации Беломорского управления и его Петербургского представительства, например 10 июня 1918 г. (см. выше) или же 1 января того же года (см. здесь), требует дополнительного исследования:

Приказ Народного Комиссариата по морским делам РСФСР от 27.01.1918

Об упразднении должности Главногоначальствующего над г. Архангельском и Беломорским водным районом. С 1 января 1918 года упразднить должность Главногоначальствующего над городом Архангельском и Беломорским водным районом, состоящие при нем должности, и прекратить все денежные отпуска по временным штатам Помощника и Представителя Главногоначальствующего.

Члены Верховной Морской Коллегии:

Народный Комиссар по морским делам ДЫБЕНКО

Управляющий Народным Комиссариатом по морским делам МОДЕСТ ИВАНОВ

* Похоже, рядом с этим легальным обществом подпольно функционировало другое, Русско-Английское ремонтное судостроительное т-во на Мурмане, которое, по версии чекистов, «занималось главным образом посылкой людей на Север и вырабатывало план оккупации Северной Области». Мы выше приводили список расстрелянных в декабре 1918 г. Петроградской ЧК людей, включая и сотоварища М.Ф. Гарденина Юрия Андреевича Бетулинского («У него на квартире происходило знакомство отдельных агентов организации с представителями английской миссии»).

Капитал был объявлен в 150 миллионов золотых рублей, из которых половина была подписана крупнейшими русскими предприятиями, и другая половина – Английским Правительством через главные лондонские банки. Все это импонировало первое время большевикам и позволяло действовать по намеченному плану. Наша задача была захватить Петербург, считая что в Петербурге началась революция и захватом его она и должна кончиться.

Для переговоров с англичанами я, в сопровождении представителей от англичан, поехал в Мурманск для свидания с командованием англичан [прежде всего, со старшим английским начальником Томасом Кемпом; м.б., в его воспоминаниях есть этот эпизод? – МК], [где] и изложил перед ними свой план быстрого захвата Петербурга. Я предлагал: сосредоточить тайно в Мурманске нужное число железнодорожных составов для перевозки от Мурманска до Петрограда необходимого количества военных сил, не более двух полков, и при полном секрете, ночью подвезти их к Петербургу и поставить большевиков перед свершившимся фактом – едущих по Невскому проспекту с музыкой английских солдат.

В декабре месяце [1917 года] большевики были еще слабы и совершенно не организованны и, по моему мнению, риск был не очень велик, хотя [план был] и авантюричен. Мое предложение было отклонено, и я возвратился с пустыми руками.*

По приезде обратно в столицу мы с представителем английских банков и [британского] правительства Ф.Ф. Личем, который разделял мою идею: «Прежде всего, надо освободить Петербург», решили заняться созданием северного фронта и постараться захватить Петербург.**

Окончание примечания

В публикации к.и.н. И.С. Ратьковского «Петроградская ЧК и организация доктора В.П. Ковалевского в 1918 г.» («Новейшая история России», №1, 2012) приводятся некоторые подробности этого дела и дополнительные данные по Ю.А. Бетулинскому (1888 г.р.): «Выпускник Катковского лицея и французской дипломатической школы в Париже, помощник обер-секретаря Сената в прошлом, он был также близким родственником адмирала Веселкина. Очевидно, с этим была связана и его работа в «Русско-Мурманском ремонтном и судостроительном Товариществе». И ни слова о закулисной роли М.Ф. Гарденина!

* Зинаида Гиппиус. Дмитрий Мережковский

(modernlib.ru/books/gippius_zinaida/dmitriy_merezhkovskiy/read/):

Они, большевики, тоже боялись «реакции», – в самом начале. Только потому вначале ленинское правительство действовало осторожно, постепенно, с чисто звериной хитростью. И умно поддерживало бунтовщицкое настроение в низах. При всяких слухах о грозящей опасности (извне, своего брата, русских «левых», не боялось), – все оно, все главари, готовились к побегу из Петербурга. Мы это знали непосредственно, так как гараж их автомобилей был на нашем дворе. *Может быть, даже белые генералы, с добровольческой армией, войди и они в Петербург, очистили бы его от последних большевистских остатков. Но это под сомнением, недаром же они туда не вошли. Зато нет никакого сомнения, что несколько англо-французских налетов на Петербург, в конце 17-го года и даже в начале 18-го, с легкостью изменили бы течение русской, – да и европейской, – истории. Чем дальше – тем это делалось все труднее...*

** К сожалению, в Интернете имеются лишь обрывочные сведения о «финансисте и банкире Ф.Ф. Личе»: книгу Н. Рутыча «Белый фронт генерала Юденича» мы уже цитировали, а, например, М.В. Владимирский – автор заметки «Рубли и валюта генерала Юденича» ссылается лишь на эти «Воспоминания» М.Ф. Гарденина. А еще одна цитата имеет в виду другого Лича?:

При содействии Х. (?) Лича, совладельца Петербургской посреднической фирмы «Лич и Файербрэйс» в Петрограде, предполагалось учредить англо-русский банк, монополизировавший валютные операции. – Василий Цветков. Николай Николаевич Юденич

Из книги бывш. министра Северо-Западного правительства М.С. Маргулиеса «Год интервенции» (издательство З.И. Гржебина, Берлин, 1923):

8 Октября 1919. Среда (Ревель). <...> Заходил ко мне англичанин Ф.Ф. Лич. Он издает The Russian Outlook; предлагает поставку железнодорожного снабжения дешевле и быстрее всех конкурентов из Америки. С [председателем Северо-Западного Русского Правительства] Лианозовым ведет переговоры о Русско-Английском банке для предоставления нам двух миллионов фунтов стерлингов валюты.

С этой целью мы, прежде всего, занялись созданием тайной переправки добровольцев через финляндскую границу на севере, где уже под влиянием Черчилля и при помощи англичан произошел переворот. Советы были свергнуты, и высадились английские и сербские войска, а командующим русской армии был назначен генерал Миллер.

От Архангельска и Мурманска до Петербурга было очень далеко, и мы решили сделать все возможное, дабы создать фронт, базирующийся на Финляндии и Прибалтике, главным образом в Эстонии. Мы рассчитывали на полную поддержку как финляндских, так и эстонских войск, во главе которых стоял в Финляндии генерал Маннергейм, занимавший в [царской] России высокий пост и, кроме того, только что переживший ужасы большевистской власти и подавивший [финских] большевиков при помощи офицерского корпуса, который состоял, главным образом, из бывших служащих русской армии.

Генерал [Йохан] Лайдонер служил в войсках [царской] Кавказской армии и был, по нашим сведениям, тоже антибольшевик и русский патриот. Кроме того, в Прибалтийском крае находились остатки русской армии, из которых было создано два отряда – Ливенский и [Станислава] Булак-Балаховича: первый, под командой князя [Анатолия-Леонида] Ливена, был регулярной и вполне дисциплинированной частью, а второй – партизанский, с авантюрным уклоном.

На границе Эстонии был создан усилиями генерала [Александра] Родзянки Северный корпус, главным образом, из оставшихся солдат армии, крестьян и рабочих Петербургской и Псковской губерний; [он] совместно с эстонской армией успешно боролся с красногвардейцами и отстаивал Эстонию от большевиков, нанося сильный урон и даже понемногу продвигаясь вперед и угрожая Петербургу и Кронштадту.

Я постарался дать [здесь] положение под Петроградом к моменту начала нашей деятельности в надежде, что при надлежащей организации нам удастся выполнить принятую на себя миссию и захватить Петербург, свергнуть большевиков. Задачей было организовать Армию и добиться поддержки ее деятельности со стороны союзников [царской России], главным образом, Англии. С этой целью Ф.Ф. Лич отправился в Лондон для переговоров с английским правительством и банками. Ему удалось получить поддержку со стороны Черчилля и консервативной партии, но либеральная партия и Ллойд Джордж высказали отрицательное отношение к нашему проекту.

Заручившись принципиальной поддержкой Черчилля, мы тайно переправились в Финляндию, где родители моей жены в окрестностях Гельсингфорса обладали на берегу моря дачей, которую они и предоставили из патриотических и полностью русофильских взглядов. Мой тесть [Эрнест Сундгрэн] был главным директором Днепропетровского Metallургического завода около Екатеринослава [все-таки Днепровский металлургический завод располагался в Каменском, нынешнем Днепродзержинске – МК], самого большого в России и насчитывавшего много десятков тысяч служащих и рабочих. Он, конечно, был ярый враг большевизма, считал Россию своей родиной и всецело сочувствовал нашим идеям бескомпромиссной борьбы с Советами, и во все время борьбы на северном фронте оказывал свою совершенно бескорыстную поддержку нашему контрреволюционному движению, и все самые секретные собрания проходили на его даче, и там же проживал первое время с семьей генерал Н.Н. Юденич и его младший адъютант капитан Покатилов [(Н.А. Покотилло)].

Итак, по возвращении Ф.Ф. Лича из Англии мы приступили к действиям. В первую очередь надо было найти возглавителя движения и доставить его в Финляндию. Первым кандидатом был генерал граф [Федор Артурович] Келлер, но он не мог скоро прибыть и [к тому же] немного колебался, может, не вполне доверяя англичанам, которые захватили в [свои] руки главное влияние в северном антибольшевистском движении.

Вскоре генерал Келлер погиб на Юге России [(был убит петлюровцами в декабре 1918-го в Киеве)], и нам пришлось искать другого приемлемого кандидата, после долгого размышления мы остановились на Генерале Николае Николаевиче Юдениче. Это был не имевший ни одного поражения генерал, разгромивший полностью турецкую армию, чисто русский и исключительной честности и правдивости человек, и его кандидатура была принята с полным сочувствием всеми оставшимися еще русскими и генералами, командовавшими на Юге России, и Верховным Правителем Адмиралом Колчаком.

К сожалению, генерал Юденич, будучи патриотом, был сильно потрясен произошедшими событиями и как военный, верный своему долгу и присяге, совсем не понимал политической обстановки, и, несмотря на решительность принимавшихся [им] решений на фронте, был часто наивен и даже боязлив при решении вопросов Государственного значения, и был немного уже стар и устал от ответственной работы, выпавшей на его долю на Кавказском фронте.

Мне много пришлось беседовать с Генералом Юденичем в то время, когда он до начала возглавления северного движения, вывезенный из России вместе со своей женой при помощи нашей организации, проживал у нас в загородном доме моих тестя и тещи. И в дальнейшем, при моей службе при нем и ежедневном присутствии в его штабе в Гельсингфорсе, а затем в Нарве, я по его приглашению жил с чинами его штаба и потому был в курсе всего происходящего.

Генерал Юденич был изумительный полководец, патриотичность его высшего качества и решения военных проблем всегда [были] ясны и правильны и всегда сопровождались полнейшим успехом и разгромом противника, но для этого нужна была такая армия и такая дисциплина, какой обладала его армия на кавказском фронте.

Мне посчастливилось слушать его рассказы о проведенных им боях и победе на Кавказе: разгром турецкой армии при Сарыкамыше, когда он вопреки [указанию] Ставки, нарушив приказ об отступлении, почти окруженный турками, перейдя в наступление, разбил полностью турок, захватив десятки тысяч пленных, штабы и все брошенное в полной панике вооружение.*

Поразительный успех под Эрзерумом, кончившийся разгромом второй турецкой армии и захватом этой первоклассной крепости и города, несмотря на тяжелые метеорологические условия суровой зимы. Немедленное продолжение наступления на Трапезунде, чем закончились победы Турции, ибо турки уже не были способны больше оказывать сопротивление русским и в панике бежали при приближении его армии. Юденич считал уже, что без потерь он мог дойти до самых Дарданелл, но революция, смена командования развалила Армию, и ему пришлось оставить свой пост.

Он утверждал, что обладая только несколькими полками своей кавказской Армии, он захватил [бы] Петербург в течение короткого времени, при условии крепкого тыла. Он, к сожалению, [не был] необходимым энтузиастом для выполнения выпавшей на его долю задачи. Своими колебаниями и непониманием общей ~~специальной~~ обстановки и недоверием к окружению, и нерешительностью в самые кардинальные моменты принять необходимые и крайне ответственные, бескомпромиссные решения ~~не было в его характере~~ [— он] много повлиял на [не]успех всего продуманного дела по захвату Петербурга и нашей идее этим образом помочь свержению сатанинской власти, разрушающей Великую Россию.

* Как известно, в декабре 1914 г. в боях под Сарыкамышем помощник главнокомандующего Кавказской армией генерал А.З. Мышлаевский неправильно оценил обстановку, отдал приказ об отступлении и уехал в Тифлис, а сопровождавший его начальник штаба армии Н.Н. Юденич решил все же атаковать противника, после подхода резервов, и в итоге разгромил и пленил 9-й турецкий корпус.

Надо было начинать с организации управления, и военного и гражданского, привлечь изнутри страны по указанию Юденича в состав Организации необходимое количество лиц, заслуживших ~~условиями~~ [доверие] необходимыми качествами и разделяющих идею борьбы против незаконной власти и могущих помочь Юденичу при его тяжелой работе.

С этой целью мы создали непрерывную связь с Петербургом при помощи организации тайной группы, от границы Финляндии до Шведской границы, переправляя через наших специальных агентов (главным образом, морских офицеров) людей, желающих бороться с большевиками, с оружием в руках или контрреволюционной работой внутри страны, и разведчиков.

Средства для этой организации были даны Ф.Ф. Личем, которого тоже переправили в Швецию, откуда ему было легче вести работу по помощи Юденичу и, главное, более скрытно. Эта организация вела свою работу до конца существования Северной Армии и за все время исполнения своего назначения непрерывно и регулярно делала свое дело, и мы ни разу не имели случая потери агентов или конфискации корреспонденции.

Прибывающие из России люди по своему желанию или отправлялись в состав северной армии в Ревель или, по выбору, на какой-либо другой фронт. Конечно, люди, прибывшие по выбору Юденича, должны были оставаться в Финляндии, в распоряжении штаба армии. Штаб Юденича был немногочислен, но весьма активен и предан Генералу.

В этот же предварительный период была создана как в Петербурге, так и при Юдениче, организация будущего управления России, в случае успешного окончания операции. Эта организация была совершенно засекречена, и только члены ее – Юденич и его штаб знали о ее существовании, и [она] была составлена из безукоризненных патриотов, доверяющих друг другу. Главной задачей их вначале было укреплять положение Юденича в России и так же в международных кругах. Эта организация занималась также своими советами, помогая Юденичу найти наиболее правильный путь для победы и захвата Петербурга.

Для генерала было [важной] задачей выяснить, на какую поддержку он мог бы рассчитывать со стороны Финляндии и Эстонии, и первые визиты его были сделаны генералам Маннергейму в Финляндии и Лайдонеру в Эстонии, как главам правительств.*

В обоих случаях прием Юденичу был оказан самый радушный и благожелательный. Маннергейм сказал: воевать с Советами он не собирается, однако сделает все от него зависящее, чтобы помочь Юденичу выполнить взятую на себя задачу, и [потому] разрешает воспользоваться территорией Финляндии для организации его движения и набирать среди финнов добровольческие отряды.**

* Все же Йохан Лайдонер дослужился «лишь» до главнокомандующего Эстонской армией, пост премьер-министра он не занимал; а Карл Маннергейм в декабре 1918 г., после отставки пронемецкого правительства Свинхувуда, действительно был объявлен его главой (регентом королевства).

** Из «официальной биографии» Н.Н. Юденича, включая его контакты с Маннергеймом:

В ноябре 1918 Юденич, пользуясь документами на чужое имя, вместе со своей женой и адъютантом Н.А. Покотил[л]о пересек финскую границу и прибыл в Гельсингфорс. «Русский комитет», созданный в Хельсинки в ноябре 1918 и претендовавший на роль российского правительства, провозгласил его в январе 1919 лидером Белого движения на Северо-Западе России, предоставив ему диктаторские полномочия. В начале декабря 1918 Юденич приехал в Стокгольм, где встречался с дипломатическими представителями Англии, Франции и США, пытаясь добиться помощи в формировании русских добровольческих отрядов на территории Финляндии. Кроме французского посланника, согласившегося со взглядом Юденича, все остальные посланники высказались против вмешательства во внутренние дела России.

Во главе этого [дела] стал полковник Эльвенгрен, бывший офицер в одном из полков Императорской Армии, принимавший большое участие в борьбе против красных финнов вместе с Маннергеймом и своими глазами видевший злодейства, творимые коммунистами при достижении своих целей. Генерал Лайдоннер, служивший у Юденича на Кавказе в чине полковника, встретил Юденича на пристани в Ревеле во главе выставленного в его честь почетного караула и заявил ему, что Эстонию и ее армию он может считать как свою.*

Вот такая благоприятная обстановка сложилась в первое время для создания антибольшевистского движения и борьбы за Петербург. С самыми радужными надеждами можно было обратиться за главной помощью – к союзным державам Англии и Франции. Франция заявила о своей помощи на Юге России и в Сибири, однако, признавая всю важность Петербургского фронта, прислала в Гельсингфорс генерала Эттивана с небольшим штабом.**

Окончание примечания

3 января 1919 г. Юденич вернулся из Стокгольма в Гельсингфорс, где 5 января встретился с регентом Финляндии генералом Маннергеймом. Не отказываясь в принципе от идеи участия финской армии в борьбе с большевиками, Маннергейм выдвинул ряд неприемлемых условий, таких как присоединение к Финляндии Восточной Карелии и области Печенги на берегу Кольского полуострова. Финские власти не только не разрешили формировать части из русских добровольцев, но и мешали офицерам, желавшим попасть в Северный корпус, отплыть легально из Финляндии в Эстонию.

24 мая в Гельсингфорсе Юденич создал и возглавил «Политическое совещание». В его состав вошли А.В. Карташев, П.К. Кондзеровский, В.Д. Кузьмин-Караваев, С.Г. Лианозов, Г.А. Данилевский. Юденичу удалось установить связь с Колчаком в Сибири и Русским политическим совещанием в Париже. 10 июня Верховный правитель адмирал Колчак официально назначил его главнокомандующим войск в этом регионе. Получив телеграмму Колчака, Юденич отбыл в Ревель, а оттуда на фронт Северо-Западной армии, возглавляемой генералом Родзянко. Объехав армию, Юденич 26 июня вернулся в Гельсингфорс, все еще пытаясь добиться поддержки Финляндии. Однако после того, как Маннергейм 17 июля утвердил новую конституцию Финляндии, 25 июля президентом Финляндии стал профессор Стольберг, а Маннергейм уехал за границу. Надежда на помощь Финляндии пропала, и 26 июля Юденич отбыл на пароходе в Ревель. – www.bestpeopleofrussia.ru/persona/General-Yudenich/bio/

* Здесь у М.Ф. Гарденина, по-видимому за давностью лет, смешались разные факты. Например, Й. Лайдонер стал полковником лишь в апреле 1918 г., как главнокомандующий Эстонской армией. Да и на Кавказе в Первую мировую (т.е. вместе с Н.Н. Юденичем) он не воевал:

<...> Отслужив год в Каунасе (в 110-м Камском пехотном полку), крестьянский сын сумел-таки получить направление в Виленскую военную школу. В 1905 г. подпоручик Лайдонер закончил ее лучшим выпускником курса, получив в качестве поощрения не только золотые часы, но и право выбирать место будущей службы. Выбор его пал на квартировавший в грузинском городе Манглис 13-й лейб-гренадерский Ереванский полк, шефом которого был сам император. Следующей важной ступенью в карьере стала Николаевская Академия Генерального штаба. Во время учебы в столице Йохан женился на студентке консерватории Марии Крушевской – польской дворянке из старинного рода. Закончив академию в 1912 г., Лайдонер вернулся в свою часть штабс-капитаном. Через два года началась Первая мировая война, и уже в составе штаба 3-го Кавказского корпуса он отправился на австрийский фронт, в Галицию. Корпус сразу же принял участие в осеннем наступлении, причем Лайдонер в этих боях дважды был ранен и один раз контужен. К маю 1915 г. вражеское командование посчитало «кавказцев» обескровленными и решило перебросить свой 14-й тирольский корпус в Италию. Однако при Сеняве «кавказцы» внезапно обрушились на грузившихся в эшелоны «тирольцев», захватив около 7 тыс. пленных и 15 орудий. Лайдонер отличился в этой операции и вскоре с повышением перешел в отдел разведки штаба Западного фронта. Первую мировую войну он закончил в чине подполковника и в должности начальника штаба 62-й дивизии. – kappel.ru

** В Интернете отсутствует какое-либо упоминание о «генерале Эттиване». В подробном дневнике контр-адмирала В.К. Пилкина (велся с 7 октября 1918 г.), входившего в штаб Н.Н. Юденича, упоминается лишь представитель Франции капитан Вонне (Vonpe?), последний участвовал и в совещаниях у генерала, наравне с представителями Англии (например, 2 ноября 1919 г.). По-видимому, речь идет о генерале Эттеване, представителе Франции в балтийских государствах и главе союзных миссий там же.

Генерал Этван при представлении сообщил Юденичу, что он прислан в его распоряжение и постарается помочь чем может, но много сделать не сможет, тем более что Англия получила полномочия от союзного командования заняться петербургским фронтом, и [поэтому] он (Этван) не может вмешиваться в действия английского уполномоченного, а лишь – давать свои советы, если его пожелают выслушать, и посылать французскому правительству свое мнение о происходящих событиях и о тех видах помощи, которыми Франция может удовлетворить, согласно пожеланиям Генерала Юденича.

Итак, мы узнали, что по всем вопросам снабжения армии Юденича он должен обращаться к Англии. Нам удалось добиться у главного сочувствующего нам лица и убежденного противника в то время большевиков – военного министра Черчилля права [для] Юденича обращаться к нему письменно и даже телеграфно в всех случаях, когда он найдет нужным.

Наша группа нашла нужным в это время создать в Лондоне комитет помощи Юденичу, и для этого [мы] вошли в сношения с несколькими солидными финансовыми группами Лондона с целью создать два банка – Англо-финский и Англо-русский. Задачей первого было создать благоприятную обстановку и прессу в Финляндии для Юденича и помощь полковника Эльвенгрена в создании отрядов для атаки большевистских сил с севера. Задачей второго банка было стать финансовой базой всего движения. Устав банка предусматривал [передачу] 51% бесплатных акций Юденичу, как представителю [будущего] русского правительства, и 49% – консорциуму английских банков.

[Англо-русскому] банку предоставлялось право выпуска денежных знаков, гарантирующих разменную стоимость 40 рублей за 1 эстонскую марку. Эта гарантия была подтверждена т консорциумов английских банков. Английские банки хотели получить за свои услуги право, в случае занятия Петербурга и восстановления функционирования Государственного Банка, приобрести по биржевой цене 51% бесплатных акций, находящихся в руках будущего Правительства России. Оплата стоимости этих акций, по мнению крупных финансовых деятелей, могла ~~оплатить всю стоимость~~ [компенсировать все расходы] движения генерала Юденича. Кроме того, английские банки обязывались создать в Лондоне, из видных Обществ и финансовых деятелей, комитет с целью поддержания благоприятных условий успешному окончанию предпринятого движения.

Все шло по заранее намеченному плану, и уже виделось начало наступления, дожидались только прихода судов с вооружением, снабжением и одеждой для северной армии, обещанных Англией, согласно представленным спецификациям, составленным штабом генерала Юденича и утвержденным им. Пришли так же официальные утверждения Юденича главноначальствующим петербургского фронта от Верховного Правителя Адмирала Колчака и командования Южного фронта.

Окончание примечания

В дни, когда под Лиговом, под Пулковом, в Царском Селе и Павловске решалась судьба сражения за Петроград, генерал Юденич, чувствуя нарастание сил противника, снова вернулся к своей идее о привлечении финской армии. 22 октября [1919 г.] он послал телеграмму французскому генералу Этьевану, новому начальнику союзной миссии в Прибалтике, о привлечении финской армии к походу на Петроград. – Н. Рутыч. Белый фронт генерала Юденича. Биографии чинов Северо-Западной армии

Что касается присутствия при штабе Юденича представителей Англии, то в дневнике В.К. Пилкина имеется такая запись от 31 октября 1919 г.:

Прибыл н<ачальни>к миссии, англ<ийский> генерал Nekins. Это уже немолодой человек, скорее старый, хотя лет его я определить не могу. Не то 60, не то 50! Высокий, чуть-чуть походит на Бисмарка. Он добродушный, с юмором. С ним свита, полковник, который все записывает, что говорилось, адъютант, потом переводчик Керн (хотя настоящая его фамилия... Поречкин).

Юденич уже начал подбирать административный аппарат для наведения порядка в Петербурге и его окрестностях, а так же в Псковской губернии. Успех был, как нам казалось, очень возможен. В это время приезжало много видных, и русских и иностранных, деятелей начиная с румын и кончая японцами. Представителем Японии был капитан генерального штаба [Камуцибара](#). Впоследствии, при оккупации японцами Манчжурии, он проявил себя, будучи губернатором и командующим войсками, как враг большевизма и до последнего поддерживал белое движение.* Со всеми представителями мне удалось иметь довольно близкий контакт и вести длинные разговоры.

Наиболее расположенным, до конца [[операции Юденича](#)], был французский генерал Этиван [[Этьеван](#)]. В трагический момент существования Юденического движения он откровенно заявил о своем бессилии повлиять на антирусские и враждебные действия английских генералов, получивших от своего правительства соответствующие директивы. Капитан Камуцибара [[Камацубара](#)] был англофоб и сторонник сближения с немцами.

Отрицательное отношение некоторых кругов Англии, не допускавших укрепления России в Прибалтике, проявилось полностью в дальнейшем поведении английских агентов ~~над~~ [[в направлении](#)] разложения организации северной и западной армии и добившихся гибели ее предварительных начинаний, положительность которых давала надежду на успех первой части ее начинаний – быстрого захвата Петербурга.

Как только стало известно, что Юденическим движением займется Англия, в районах Эстонии и Финляндии появились разные корреспонденты английских газет и темные личности, проводившие агитацию по [[своим](#)] ориентациям – союзным и германофильским. Пользуясь тем, что Прибалтика в массе своей была населена немцами, говорилось, что Юденича окружают люди германофильской ориентации, что в армии, прибывшей с германского фронта, в командном составе много офицеров, ищущих связи с немецкой армией и находящихся, что только с помощью Германии можно достигнуть реального успеха, и многое другое – враждебное устойчивости и дисциплине армии [[Юденича](#)].

Вся эта кампания клеветы на армию и генерала Юденича велась крайне интенсивно и была прекрасно организована, и, конечно, поддержана большевиками и другими врагами России. Никакого сомнения и основания подозревать генерала Юденича и его окружение в отсутствии патриотизма и ~~неверности~~ [[нарушении](#)] своих обязательств, данных англичанам, конечно не существовало. Наоборот, лицемерие английской политики, как показало будущее, такому честному человеку, каким был Юденич, не могло даже и присниться, и потому дальнейшие события были для него полной неожиданностью, и он не желал верить предупреждениям некоторых осведомленных лиц о заговоре против него.

* Капитана [Камуцибара](#) в Интернете найти не удалось, зато имеются упоминания о японском военном атташе в Советском Союзе [Мицутаро Камацубаре](#) (1927 г.), начальнике военной миссии в Харбине, полковнике [Камацубаре](#) (1932 г.) и руководителе Японской военной миссии в Маньчжоу-Го [Камацубаре](#) (после 1932 г.). А в 1939 г. в боях на Халхин-Голе общее руководство японской группировкой осуществлял бывший военный атташе Японии в Москве в 1927 г. генерал-лейтенант [Камацубара](#). Он считался большим специалистом по неприятельской Красной Армии. По-видимому, сей персонаж начинал свою «внешнеполитическую карьеру» в 1919 г. при штабе Н.Н. Юденича.

Одновременно финляндцам и эстонцам внушалось, что Юденич в случае победы первым делом лишит эти страны самостоятельности и присоединит их немедленно к Русскому Государству. Взорность подобного мнения была [очевидна] для всех думающих людей, но самолюбие [властителей] стран, только что добившихся самостоятельности, было задето, и пропаганда принесла свои обильные плоды: Генерал Маннергейм в Финляндии и Генерал Лайдонер в Эстонии резко изменили свою [прежнюю] доброжелательную политику.

Финляндия потребовала удаления Юденича и его штаба из страны и не только отказалась от военной поддержки, но категорически запретила полковнику Эльвенгрёну создавать из финских белых добровольческие отряды на помощь северной армии и также воспротивилась открытию Англо-русско-финского Банка. Маннергейм, под влиянием финских шовинистов, не только не дал объяснений своим [неожиданным] решениям, но даже отказал генералу Юденичу в личном свидании, и Юденичу ничего не оставалось как искать иного пристанища, и он поехал в Ревель, где был очень холодно принят, после переговоров, генералом Лайдонером, который предупредил, что эстонская армия не пойдет дальше своей границы с Советами, что армия Юденича будет разоружена, в случае ее перехода на эстонскую территорию, но он согласен предоставить Юденичу возможность руководства северной армией и расположиться со своим штабом и ближайшим окружением, но не в Ревеле, а в Нарве.

Юденич должен был принять эти предложения и начал сосредотачивать свою армию вдоль эстонской границы и готовить свой план боев для захвата Петербурга вместе с начальником штаба генералом [Петром] Кондзеровским и генералами, командовавшими отдельными частями: Князем [Анатолием-Леонидом] Ливеном, [Александром] Родзянко, Дерезинским [(Антоном Дзерожинским)], Булак-Балаховичем и двумя другими, фамилии которых я забыл и из которых один сыграл предательскую роль при наступлении на Петербург.

Вместо того, чтобы согласно диспозиции Юденича перерезать линию жел. дороги Петербург – Москва, он направил свою дивизию в направлении Петербурга и тем способствовал Советскому командованию в легком и быстром подвозе войск под Петербург. После поражения Юденича этот генерал вскоре перешел на службу в красную армию.*

* Из книги Н. Рутыча «Белый фронт генерала Юденича»:

Для успеха операции необходим был такой темп, чтобы за 6 дней пройти 130 километров и выйти к заставам Петрограда раньше, чем придут подкрепления из резервов Главного командования Красной Армии. Иначе говоря, помимо внезапности, требовалась еще и стремительность в приближении к намеченным оперативным целям.

Наступление началось в ночь на 10 октября 1919 г. Но лишь молодой подполковник К.И. Дыдоров, командовавший 5-й Ливенской дивизией, форсировав Лугу у Муравина, прошел с боями до Красного Села, которое занял вечером 16 октября, не дав опомниться собравшемуся было там совещанию красного командования. Остальные две дивизии 1-го стрелкового корпуса, нацеленного на Петроград, не выдержали этого темпа операции. 2-я дивизия генерала Ярославцева, быстро занявшая Гатчину, застряла у Онтолова, не получив поддержки танками и бронепоездами, и вышла к Пулкову только к 21 октября.

3-я дивизия генерала Ветренко из-за «умничания» своего начальника не только не взяла станцию Тосно, по которой шли эшелоны с резервами красного командования, но с самого начала действовала так, будто умышленно хотела сорвать операцию. Несмотря на прорыв Темницким полком под командованием полковника Данилова позиций красных и занятие им 13 октября станции Мшинская, Ветренко двинулся не на север, в сторону Петрограда, а на юг, где с Красногорским полком занял город Лугу, тогда как согласно плану в него входила 1-я дивизия генерала Дзерожинского. А уж потом двинулся на Гатчину, игнорируя приказ генерала Родзянко о занятии Тосно в ночь с 15 на 16 октября, дав своей дивизии отдых 18 и 19 октября. Лишь 21-го он занял Павловск, откуда запоздало попробовал выдвинуться в сторону уже занятого латышами Колпина.

Когда враги наши убедились, что Юденич, несмотря на все искусственно созданные препятствия, поведет свою армию и, опасаясь все-таки успеха его армии, ~~враги нашего движения~~ [они] проявили окончательные, заранее продуманные и подготовленные, средства разрушения всей организации, позволившие ее уничтожить. Кому это было надо и какие причины побудили сделать это гнусное дело, осталось сокрыто. Несомненно только, что это было сделано для уничтожения России и укрепления дьявольской власти, и постепенного истребления лучших и наиболее активных элементов, как высших и наиболее образованных классов, так и работающей, трудовой части населения, составляющих Великую Россию. Повторяю, не знаю кому это было нужно, но это так?!

Одним из видных агентов, подготовлявшим развал северной армии, был корреспондент [английской] газеты Таймс – некто представившийся нам под именем Поллак, который со своей подругой, известной драматической актрисой Яворской, неожиданно появился на [общественной] сцене, и официально эта пара занялась антибольшевистской пропагандой.*

Окончание примечания

Таким образом, красному командованию в лице С.С. Каменева представилась возможность своевременно совершить переброску резервов с других фронтов и из Москвы, согласно Директивам Главного Командования от 17 октября 1919 г. <...> и создать в Колпине на правом фланге Северо-Западной армии ударную группу С.Д. Харламова. Очевидно, что первоначальный расчет генерала Юденича на выход дивизий 1-го стрелкового корпуса на окраины Петрограда был вполне реальным и, следовательно, позволял верить во взаимодействие с восстанием в городе. Однако потеря темпа операции дивизиями 1-го корпуса (кроме Ливенской) означала потерю драгоценного времени. С выходом к 16 октября на окраины города, когда должно было произойти восстание, не получилось. А без достижения войсками указанных рубежей восстание было обречено.

<...>

После ликвидации Северо-Западной армии генерал Ветренко организовал так называемую «трудовую артель» на торфоразработках, созданных по закону о принудительном труде, принятом для бывших русских военнослужащих эстонским правительством. Г.И. Гроссен (Нео-Сильвестр) описал ужасные условия на этих работах. После 1920 г. Ветренко с женой и сыном переехал в Польшу. Однако он не был зачислен в 3-ю Русскую армию. Проживал в Польше до 1928 г., затем, в связи с обвинениями в шпионаже, вместе в семье был выслан польскими властями в СССР.

Находился некоторое время в заключении в Москве. Был выпущен и в течение долгих лет (в 30-40-е годы) скитался по глухим местам Сибири и Дальнего Востока, работал счетоводом или учетчиком в совхозах и леспромхозах. Преследованиям, насколько известно, не подвергался.

* В книге бывш. министра Северо-Западного правительства М.С. Маргулиеса «Год интервенции» содержатся такие свидетельства деятельности М.Ф. Гарденина, в т.ч. «в связке» с Поллоком:

24 октября 1919. Пятница (Гельсингфорс). <...> К восьми часам [вечера] удалось, наконец, поговорить по телефону с Лианозовым. Он мало говорил с Юденичем о нашем деле. Он был два дня в Нарве занят с Личем по делу англо-русского банка. Лич, английский делец, имеет своим агентом при Юдениче некоего Гарденина. Лич навязывает Юденичу учреждение в Петрограде англо-русского банка с монополией на валютные операции; Лианозов требует передачи проекта на предварительное рассмотрение правительства; Юденич как будто обещал.

23 ноября. Воскресенье (Ревель). <...> Поллок встретил Гарденина, представителя Лича, состоявшего его агентом при Юдениче. Гарденин заявил Поллоку, что теперь [после неудачи Юденича под Петроградом – МК] будет «новый диктатор, который-де все наладит»; некоторые люди постарались расшатать военную власть – и «вот, что вышло»; на что Поллок ответил, что расшатать можно только то, что существует, а он еще никакой военной власти не видел на северо-западном фронте.

А вот и о г-же Яворской:

28 декабря 1919. Воскресенье (Лондон). <...> [бывш. царский посол К.Д.] Набоков спрашивает, какую роль играла Яворская в образовании Северо-Западного правительства – очевидно, крупную, так как и она была включена в список членов кабинета (!!).

Яворская входила, благодаря своей популярности и титулу – она называла себя по имени своего последнего мужа княгиней Борятинской, во все военные и общественные круги, как русские, так и иностранные, и вела вместе с Поллаком тайную, но очень интенсивную работу по постепенному принижению популярности Юденича и окружающих [его] русских, патриотично настроенных людей. Вся пропаганда велась под маской полного сочувствия и благожелательства идеям, руководившим этим движением, и желания [установления] дружеских отношений с Юденичем и с виднейшими [со]руководителями и помощниками Юденича.

В то же время и в Гельсингфорсе и в Ревеле появились неожиданно [неведомо] откуда прибывшие и неизвестно откуда приглашенные так называемые видные общественные деятели, а за ними – авантюристы и масса темных личностей: репортеры [эмигрантских] русских газет, спекулянты и прочие проходимцы, всегда готовые к всевозможным интригам и, главное, к распространению подрывающих здравый смысл слухов и сплетен. Во главе их появился совершенно неизвестный – некто Иванов, как он себя называл.

Но кто он был [на самом деле], нам не удалось узнать, несмотря на все старания.*

А вот с этой вновь прибывшей шайкой и их приверженцами Поллак и Яворская секретно вели переговоры и готовили необходимый материал для предстоящего коренного переворота по разрушению дела генерала Юденича.

В середине 1919 года из Англии прибыли два генерала – Марч [(Марш)] и Гоф, с рядом офицеров штаба. Начальником Миссии был Гоф, а его помощником Марч, бывший при Юдениче на Кавказе в течение всей великой войны 1914 года и прекрасно говоривший по-русски – был его правой рукой и фактически исполнителем инструкций английского Правительства.

* Из книги М.С. Маргулиеса «Год интервенции» (М.Ф. Гарденин не смог ее достать и прочитать?):

3 августа 1919. Воскресенье (Ревель). <...> В 8 часов [вечера] пришли ко мне М.М. Филиппео, инженер, и капитан второго ранга в отставке Э.К. Шульц – члены правления [Временного] Русского Совета в Ревеле [созданного в октябре 1918 года]; сидели до двух часов ночи и рассказали историю образования северной армии и борьбы их с ее руководителями из-за пренебрежения общественными принципами.

<...> 3. В это время появляется в Ревеле Петроградский присяжный поверенный Николай Никитич Иванов, в свое время открывший в Петрограде банкирскую контору на Садовой, образовавший вместе с Борисом Сувориным «Промышленное общество казенных поставок» с акциями в 25 рублей, что раньше никому не разрешалось Правительством. Н. Иванов явился в качестве представителя Комитета Петроградской противобольшевистской организации; называл председателем комитета бывш. вел. князя Павла Александровича. Быстро очаровал эстонцев, которые учли ему какие-то векселя киевских сахарозаводчиков. А с конца января 1919 г. стал издавать «Русскую Газету» в Ревеле.

В конце января из Гельсингфорса приезжали в Ревель кн. Волконский, генерал Гулевич и С. Лианозов, чтобы нащупать почву в Эстляндии; обещали ревельцам работать вместе с ними – обещании скоро забыли. Тогда Иванов начинает настаивать на образовании Северо-Западного правительства. Сближается с [Булак-]Балаховичем и заключает с ним письменный договор о взаимной поддержке на предмет создания Северо-Западного правительства. <...>

4. <...> 13 мая начинается наступление на большевиков под командой Дзержинского. Движение это, удачное с военной точки зрения – Псков освобождается от большевиков, сопровождается распрями между [Булак-]Балаховичем и Родзянко, причем объектом спора часто является Н.Н. Иванов, которого Родзянко приказывает арестовать, а Балахович выручает.

6 августа к М.С. Маргулиесу приходил сам Н.Н. Иванов, причем последний рассказывал, как он убеждал Н.Н. Юденича признать независимость Эстонии – тогда Петроград будет быстро взят. А генерал заявил, что двинется только тогда, когда у него будет 50 000 солдат, пушки, продовольствие и 200 миллионов денег, кроме того всех окружавших его в Гельсингфорсе бранил – все, дескать, дрянь (и М.Ф. Гарденин тоже?).

Явившись к Юденичу, они заявили, что цель их – помощь в исполнении задачи по захвату Петербурга и что скоро в Ревель придут транспорты со всеми материалами, оружием, танками, одеждой и провиантом, согласно с спецификацией, присланной штабом северной армии, и необходимых для начала похода на Петербург. Материалы уже секретно, ввиду недоброжелательного отношения рабочей [(лейбористской)] партии к помощи Юденичу, нагружаются на транспорты, что будут присланы и специальные быстроходные глиссеры для действий против кронштадтских фортов и самого Кронштадта. Пока, до прихода транспортов, они желают поближе познакомиться с проектами, идеями и общим состоянием армии, ее настроениями и взглядами на будущее и потому хотели бы со стороны Юденича полной откровенности и дружеских бесед, для выяснения наилучшего выхода по всем вопросам – и военного и общественного характера.

Наши друзья из Англии сообщили весьма неблагоприятные сведения о миссии генералов Гофа и Марча и советовали быть осторожными. Мы предложили Юденичу послать в Лондон доверенное лицо, чтобы выяснить истинные лица и подлинный характер, инструкции, данные миссии генералов Гофа и Марча, и, если возможно, добиться прямых переговоров с Черчиллем и просить выслать более лояльных к нему и делу северной армии людей.

Юденич категорически отклонил это предложение и продолжал быть простым наблюдателем всего происходящего в результате намерения Гофа и Марча подчинить своему влиянию все движения в Прибалтике и заставить служить Юденича не русским, а английским интересам и добиться бесконтрольного влияния при решении примодельных [принципиальных? – МК] вопросов, интересующих Россию и русский народ.

Это сказалось быстро в полном изменении отношения Финляндии и всей Прибалтики и к Юденичу и к северной армии, и в [появлении] недоверия, что ими [(Юденичем и северной армией)] преследуется исключительно желание свергнуть большевизм и твердо понять, что помощь северной армии – это помощь самим себе. С Россией можно всегда найти точки для взаимопонимания, но с советской властью – никогда, и всех их [(Прибалтику)] ожидают рабство и беззакония, обязательные при сатанинской власти.

Англии было выгодно лишить [(сильно ограничить)] Россию выхода в открытое море, и поэтому создание небольших государств было задачей весьма заманчивой.

Представлялась [возможность] почти без всяких усилий отодвинуть законные границы России на много километров на восток и при этом сыграть роль как бы дружеской услуги, оказанной русскому народу, под видом помощи ему в борьбе с большевиками – это [было] очень заманчиво. Не вдумываясь в трагические последствия такой политики, английское правительство поручило своим агентам выполнить, точно, предписанные распоряжения и напомнило, что интересы Англии должны стоять для них выше всего, а гибель Юденича и всей организации северной армии совершенно совпадают с этими интересами.*

* Все же М.Ф. Гарденин выступая здесь с неприятием признания независимости Эстонии, как «суперпатриот», похоже, не понимал, что главное для лимитрофов – это, пусть и в согласии с интересами Англии, отгородиться от большевистской России. З.Н. Гиппиус в замерзающем и голодном Петрограде более адекватно все это представляла:

23 (10) декабря 1919 г. <...> С неумолимой, роковой однообразностью каждая русская сила, собиравшаяся на большевиков, начинала с того, что кого-нибудь «не признавала»: даже Финляндию (фатальная архи-глупость!) уж не говоря о Латвиях, Эстониях и т.п. Мы содрогались, мы хохотали истерическим хохотом отчаяния – а они, со всей преступной тупостью (честной, может быть) объявляли, что не позволят «расчленять Россию»... Россию, которой сейчас нет! Это, во-первых, козвенное признание большевиков и России большевистской.

Транспорты с вооружением приближались к Ревелю, и нельзя было терять времени, надо было приступить к действиям.

Первым шагом было показать: Юденич должен следовать, даже в военных вопросах, указаниям Гофа и Марча и отрешить от командования командира [Павла] Бермонта-Авалова, отряды которого стояли около Риги и представляли значительную и дисциплинированную силу, состоящую из бывших русских военнопленных, местных жителей и латышей, прекрасно экипированную и вооруженную отчасти оставшимся вооружением имперской армии, отчасти немецкими военным матерьялом из Германии, посланным Генералом Фон-дер-Гольцем, который все время проявлял себя большим антибольшевиком и оказывал поддержку совершенно бескорыстно, чем мог, армии Бермонта.*

Окончание примечания

Ведь они одни хотят своей «неделимой» России, они одни ею сейчас владеют и действительно эту неделимость поддерживают. Все ими провозглашенные «независимости» ихние, «советские», вроде Украины с Раковским, — конечно вздор, куры смеются. Они «упустили» как Финляндию, так и все прибалтийские кусочки. И не взяв силой, подходят с «мирами»: им «хоть мытьем, хоть катаньем» — все равно. Увернувшиеся маленькие государства, влюбленные в «независимость», идут на «мир» — что же им делать? Хитрое «мирное» завоевание, когда-то еще будет, — они глаза закрывают. Может и не сейчас, а пока — «независимость». Если же, не дай Бог, белые свергнут большевиков, — как: ведь заранее объявляют, что никакой «независимости».

Все соседи, большие и маленькие, при таком положении, не могут содействовать белым, должны, естественно, стоять за большевиков, сегодня. Это практический результат. Но сам внутренний корень таких «непризнаний» стар, глуп, гнил. Не говоря даже о Польше и Финляндии (еще бы!) — но вот эти все Литвы, Латвии и т.д., «прибалтийские пуговицы», как я их называю без всякого презренья, — да почему им, в конце концов, не быть самостоятельными? Если они хотят и могут, — какое «патриотическое» русское чувство должно, смеет против этого протестовать? Царское чувство — пожалуй, чувство людей с седой и лысой душой, все равно близкой к гробу. Вот эти седые и лыбые души губят Россию, как и себя. Не раз, не два — все время! А мы, отсюда, мы, знающие, и уж конечно, не менее русские, чем все это, по своему честное, старье — мы не только не боимся никакого «расчленения» царской России: мы хотим этого расчленения, мы верим, что будущая Россия, если станет «собираться», то на иных принципах, и в тех пределах, в каких позволит новый принцип. — Зинаида Гиппиус. Дневники. Черная книжка. Серый блокнот (из 1919 года) (www.dk1868.ru/history/gippius1.htm)

* Из вступительной статьи Г.З. Иоффе к книге «П.Р. Бермонт-Авалов. Документы и воспоминания» (М., 2003):

Вместе с германскими и австро-венгерскими войсками Украину покидали и многие русские офицеры, служившие либо в армии Скоропадского, либо через специальные вербовочные пункты вступившие или готовившиеся вступить в Южную или Северную армию. Часть из них уходила к Деникину, часть немцы предусмотрительно перебрасывали в Германию.

Окончание примечания

Вот среди этой части и находился ротмистр П.Р. Бермонт-Авалов. <...> Летом 1919 г. особенно обострились отношения между Аваловым, командовавшим Западной Добровольческой армией, и командующим Северо-Западной армией генералом Юденичем. Юденич был антантофилом и отвергал германскую помощь, считая, что немцы виновны перед Россией, так как «насадили в ней большевизм», да и неспособны обеспечить ту поддержку, которая необходима белому движению. Юденич требовал, чтобы аваловское русско-германское воинство перешло из района Митавы под Нарву для совместного наступления на Петроград. Но Авалов не торопился, явно саботируя приказы Юденича. Он имел собственную цель: выйти под Двинск, где, как он считал, его войска (около 55 тыс., в том числе почти 40 тыс. германских солдат и офицеров) сыграют «решающую роль в борьбе с большевизмом». Самомнение Авалова было велико. Позднее он договорился до того, что если бы его армии не помешали союзники, он бы смог захватить Петроград и, возможно, Москву, чем и обеспечил бы победу всему белому движению. В антантовских союзников он не верил. Если бы они действительно хотели помочь белым, — считал он, — они бы это сделали. Как писал он позднее, одного только слова их было бы «достаточно, чтобы положить конец гражданской войне в России». Но этого слова они не хотели произносить в силу сугубо корыстных интересов, в жертву которым они и приносили интересы России.

Не входя ни в какие переговоры и не интересуясь устройством и настроением армии Бермонта, несмотря на то, что армия Бермонта представляла значительную, прекрасно вооруженную и дисциплинированную часть, Юденичу было приказано не только уволить Бермонта-Авалова, но распустить и разрушить его армию и направить для этой цели части северной армии на рижский фронт, а с своей стороны [англичане] отправили военные корабли для обстрела армии Бермонта с моря – в Рижский залив.

Предлог был найден: армия Бермонта: германофильская, и руководители плохо думают о самостоятельности Финляндии, Эстонии и прочих прибалтийских стран. К сожалению, Юденич без всяких возражений последовал этим распоряжениям агентов Англии и выполнил их приказ, и своим покорством дал в руки англичан данные о своей слабости, нерешительности и полной растерянности в момент, когда играли судьбой всего движения.

Была пущена в ход пропаганда, что Финляндии, Эстонии и прочим прибалтийским странам надо добиваться немедленного признания Юденичем полной независимости этих стран, и на эту тему велись специальные и тайные переговоры с ответственными представителями этих стран – все делалось в большом секрете.

Нам стало известно, что Поллак и Яворская ведут тайно переговоры с целым рядом неожиданно наводнивших Прибалтику личностей, часть этих людей [была] явно авантюристически настроена, часть – темные дельцы и многие – откровенно большевистские агенты.

Транспорты с вооружением и снабжением столь давно жданным стояли на ревельском рейде в распоряжении Гофа и Марча, но пока никаких признаков передачи грузов в руки Юденича не было видно, и все находились в молчании.*

Окончание примечания

Свою точку зрения Авалов разными путями доводил до сведения Колчака и Деникина, на что всегда следовал ответ, суть которого изложена в одной из резолюций Деникина: «К черту Авалова с его немцами». Авалову категорически предлагали подчиниться Юденичу. Но он уже прочно вошел в роль, которую играл. В октябре 1919 г. его войска нанесли удар по латышским и эстонским войскам, обстреляли Ригу и ее предместье. Авалов фактически начал войну с Латвией, поддержанной союзниками. Юденич объявил Авалова изменником России. Мотивы были очевидными: Авалов – ставленник недавнего противника России, Германии, ныне, вопреки Версальскому договору, стремящийся закрепиться в Прибалтике. Своими действиями Авалов резко ухудшает взаимоотношения «белой» России с «окраинами», в данном случае прежде всего с Латвией, но также с Эстонией и Литвой, и в сильнейшей мере осложняет борьбу с большевизмом. Как и следовало ожидать, Авалов потерпел поражение. В 20-х числах ноября 1919 г. его войска начали отход к германской границе. В декабре они были уже на территории Германии (г. Нейссе), где их под названием «Avaloff-Truppen» интернировали.

Из той же книги:

Бермонт-Авалов – генералу Р. фон дер Гольцу

Перевод

Граф, На мою долю выпало гордое удовлетворение, стоя во главе моих войск, победить в борьбе наших врагов. Мои войска выдающимся образом выполнили возложенные на них задачи и проявили храбрость и выдержку. Граф, не может подлежать сомнению, что если ныне русская Западная армия стоит непоколебимая и увенчанная победой, то больше всего она обязана этим Вашей самоотверженной помощи и тому примеру чести и долга, образом которого Вы являлись. Я считаю своим долгом чести признать и выразить Вам это. Пусть дух, который когда-то воодушевил императорские войска Германии и России, будет жив в моей армии, дабы она была достойной носить свое имя и достойна тех, кто работает над ее созданием. Я питаю твердую уверенность, что, если в недалеком будущем мы вновь станем лицом к лицу с нашими врагами, геройский дух, завещанный ей вами, поведет ее вновь к славным победам. С прежней приверженностью и преданностью (подпись).

* Здесь стоит привести ссылку на письмо генерал-лейтенанта Гофа, отправленное 4 августа 1919 г. из Гельсингфорса генералу Юденичу. Это письмо было опубликовано как любопытный документ из «Архива Русской Революции» в берлинском «Руле» 14.4.1921 (подвал страниц 2-3):

(elib.shpl.ru/ru/nodes/10025-1921#page/165/mode/inspect/zoom/8).

Мы, находясь в ставке [Юденича в Нарве], проверяли и обсуждали правильность директив и диспозиций будущего наступления и смотрели довольно оптимистично на возможные успехи. Но заговорщики не дремали, и в один «прекрасный вечер» Юденич вызывает меня в свой кабинет и совершенно упавший [(поникший)] и сразу постаревший протягивает мне письмо за подписью Гофа и Марча, приглашающих его немедленно прибыть в Ревель для создания Северо-Западного полномочного правительства и задает мне вопрос: «Что делать?».

Мой ответ был: послать телеграмму Черчиллю с просьбой немедленно отозвать генералов Гофа и Марча, которые вместо помощи ему делают все возможное, дабы разрушить и его организацию и его армию и затруднить успех дела. Второе: создать при себе правительство по своему усмотрению и по своему выбору, оставаясь во главе с диктаторскими полномочиями.

Я получил ответ, что он подумает, и [Юденич] приказал мне вместе с ним поехать в Ревель, и в дороге он еще поговорит со мною. Вот как начиналась окончательная трагедия, закончившаяся гибелью всего Северо-Западного движения, целью которого была попытка занятием Петербурга свергнуть советскую власть и помочь созданию законного правительства. Эта печальная гибель так отдалила освобождение России от всего ужаса, принесенного русскому народу безбожной властью...

Во время пути от Нарвы до Ревеля я старался доказать Юденичу, что Марч и Гоф преследуют исключительно английские интересы и потому развал и поражение северо-западного движения являются их главной задачей, и что в Ревеле его ждут соответствующие сюрпризы, и [он] убедится, что его руками хотят выполнить английские стремления: отодвинуть Россию на восток, подальше от Балтийского моря, и что ему во время переговоров надо быть очень внимательным и помнить русские интересы и с этой точки зрения принимать ответственные решения.

Было совершенно ясно, что англичане постараются воспользоваться благоприятным моментом, дающим им возможность, развалив его [(Юденича)] движение и создав на западной границе России небольшое и независимое государство, находящееся в полной политической и экономической зависимости от Англии, достигнуть безболезненно этих целей.

Я старался внушить Юденичу, что только его твердость, решительность и защита своих суверенных прав может еще спасти положение. Если же он согласится на навязываемое Северо-Западное Правительство, с неприемлемыми для России условиями, то оттолкнет от себя всю патриотически настроенную часть русских, и его дело вместо национально-русского обратится в небольшую военную авантюру, выгодную только английским домогательствам. Политика англичан всегда была эгоистична, и всегда в исторический момент англичане забывают о дружбе, союзнических обязательствах – как только на [политическую] сцену выходят вопросы, касающиеся их прямых интересов.

Я передаю краткое резюме нашего разговора.

Окончание примечания

В нём ген. Гоф пенял ген. Юденичу:

С имеющимися у Вас силами, подкрепленными аэропланами, боевыми припасами и танками, которыми Вас снабжаем, и с теми трофеями, которые будут взяты у неприятеля, Вы имеет полную возможность взять Петроград. Но при существующем настроении Ваших офицеров наступление немислимо. И если не будет улучшения в этом направлении и не будет выражено искреннее желание схватиться на смертный бой с большевиками, то мне придется серьезно подумать о том, не лучше ли послать боевые припасы, предназначенные для Вас, на другой фронт, где они будут использованы в борьбе против большевиков, а не против Ваших друзей и соседей.

Мой твердый и даже резкий тон, в защиту моих идей, по-видимому произвел на Юденича должное впечатление, и он спросил меня, кого бы я посоветовал ему назначить членами будущего его Министерства и кем попросить заменить Гофа и Марча. Мое мнение было, что личности состава его правительства играют малую роль в данный момент, но [они] должны принадлежать к либералам и даже к левым кругам, из умеренных членов партий. Самое важное теперь – это чтобы все поддерживавшие его круги и англичане были уверены, что он остался во главе Северо-западного движения и защитником русских интересов.

Что касается отозвания Гофа и Марча, этот вопрос более сложный из-за его запаздывания, одна телеграмма Черчиллю позволяла [бы] подтвердить протест и несогласие Юденича действиям полномочных лиц и его абсолютную независимость при решении вопросов, касающихся чисто русских дел, и унижение его прав и прерогатив ответственности только перед будущим законным русским Правительством. Для подтверждения своей телеграммы с просьбой об отзыве Гофа и Марча – послать уполномоченное лицо для прямых и личных переговоров с Черчиллем и выбором других лиц агентами при Юдениче; я предложил послать в качестве такового из основателей – нашего сотрудника и человека, своими поступками уже много раз доказавшего свою заинтересованность и желание успеха северо-западному движению – Ф.Ф. Лича.

Лич, будучи представителем крупнейшего лондонского банка, имел огромные связи в английских финансовых и правительственных кругах и мог бы найти необходимых и лояльных людей, для поддержки и помощи русскому делу на Северо-западе.

По прибытии в Ревель Юденич, как будто более бодрым и уверенным в своих силах, пошел на [встречу] собравших Гофом и Марчем и их агентами, [уже] приготовленных предателей и принявших их программу лиц. Вот результаты этого собрания: было создано искусственное Северо-Западное Правительство по приказу англичан. Это правительство было признано Юденичем, который вошел в него военным министром и был назначен командующим Северо-западной армии, подчиненной Сев. Зап. Пр-ву.

Главной задачей созданного англичанами Северо-Западного Правительства было принятие первым долгом декларации о безусловном признании абсолютной независимости Финляндии и трех, вновь созданных прибалтийских государств: Эстонии, Литвы и Латвии. Эта декларация была подписана Юденичем, в качестве военного министра.

Северо-Западное правительство было составлено по системе, употребляемой англичанами в их колониях, не интересуясь, к каким результатам это приведет в смысле [(в отношении)] покоренных стран, и составлялось по личному желанию английского командования. Первым министром был назначен нефтяной магнат С. Лианозов, его помощниками – два адвоката Кедрин и Марголин; затем ряд совершенно ничтожных и никому не известных личностей, подобранных главным действующим лицом и создателем этого псевдоправительства – таинственной личностью, назвавшейся Ивановым и получившей пост министра внутренних дел [на самом деле – министра общественных работ, не путать Н.Н. Иванова с сенатором С.Н. Ивановым, который получил портфель министра юстиции, а пост министра внутренних дел все же достался К.А. Александрову – МК].*

* Из книги М.С. Маргулиеса «Год интервенции»:

10 Августа 1919. Воскресенье (Ревель). <...> В 12 часов был на организационном заседании съезда общественных деятелей. Решили созвать съезд 20 августа в Юрьеве; Юденича известить о съезде как о факте, у эстонцев взять разрешение. Основная задача съезда – организация правительства на Северо-Западе России и устройство постоянного органа съездов.

Продолжение примечания

<...> В 5 часов мы собрались у Марша. От союзников, кроме генерала Марша, – подполковник Пири-Гордон (от Foreign office), полковник Геропат, полковник Hurstel (француз), капитан Мюллер (американец). Из Гельсингфорса члены Политического Совещания приехали только к 6 часам. <...> Присутствуют: генерал Суворов, С.Г. Лианозов, [профессор] А.В. Карташев, [профессор] В.Д. Кузьмин-Караваев, Н.Н. Иванов, [инженер] М.М. Филиппе, [псковский чиновник] К.А. Александров, [псковский чиновник] В.Л. Горн, [генерал] К.А. Крузенштиерн и я.

Генерал Марш, стоя и заглядывая на напечатанные на машинке листки, говорит: «положение Северо-Западной армии скверное, точнее говоря, катастрофическое, нужно употребить чрезвычайные меры, чтобы ее спасти, и я обращаюсь к патриотизму присутствующих, чтобы сделать последние усилия. Союзники считают необходимым создать правительство Северо-Западной области. Его нужно создать не выходя из этой комнаты. Теперь 6¼ часов, я вам даю время до 7 часов, так как в 7 часов придет эстонское правительство для переговоров с тем правительством, которое вы выберете. Если вы этого не сделаете, то мы, союзники, бросим вас. Вот лист членов правительства, которые желательны союзникам, – поговорите о сказанном мною; вам, генерал Суворов, я передаю этот лист».

Сказал эту речь по-русски, с недурным произношением, сильно подчеркивая фразы, и ушел. <...>

Кузьмин-Караваев высказывает сомнение, согласно ли с положением Юденича перед Колчаком и Политическим Совещанием избрание правительства.

Суворов предлагает формулу: приглашенные лица, ввиду крайней спешности, принимают на себя ведение всех срочных дел русских с ответственностью за них, окончательное же персональное обсуждение списка предложенных лиц отложить до понедельника вечером. <...>

11 Августа. Понедельник. Предложенный вчера генералом Маршем проект нашего соглашения с эстонцами гласит:

1. Правительство Русской Северо-Западной Области, включая губернии Петроградскую, Псковскую, Новгородскую, признало абсолютную независимость Эстонии.

2. Эстонское правительство обещает немедленную поддержку Русской Северо-Западной Области вооруженной силой, чтобы освободить Петроградскую, Псковскую и Новгородскую губернии от большевистского ига и установить в Петрограде демократическое правительство, как то: жизнь, личную свободу и собственность имущества. (Sic!)

3. Военное командование союзными силами объединено в руках генералов Юденича и Лайдонера, через коих военная союзная миссия снабжала и продолжает снабжать боевыми припасами, необходимыми для вышеуказанных целей.

В 10 часов утра новое правительство опять собирается в отделе Внешних Сношений. <...> Обсуждался вопрос, сообщить ли Юденичу, что без него не будет окончательно утверждаться список правительства, на чем настаивали Суворов и Кузьмин-Караваев, или нет; решено не сообщать. <...>

В 6 часов опять совещание правительства. Суворов сообщает телефонограмму адъютанта Юденича, полковника Даниловского: передать Маршу, что Юденич является единственным лицом, имеющим власть принимать все решения по затронутым Маршем вопросам, и что до его приезда ничего не может быть предпринято. <...>

На вопрос Н. Иванова Маршу, читал ли он телефонограмму Юденича (о которой говорили Суворов и Крузенштиерн), Марш ответил: «Я нахожу, что она слишком самодержавна, но я хочу до конца помочь России, и если Юденич станет на дороге спасения России, я его смещу».

Окончание примечания

<...> Генералы наши приезжают из Нарвы сегодня ночью.

12 Августа. Вторник. Приехал генерал Юденич и Родзянко; [Булак]-Балахович не приезжает; [генерала] Арсеньева Юденич в Ревель не пригласил. Ротмистр Звягинцев (пугачевская физиономия) бродит вокруг да около. В 9 часов Юденич просил к себе членов Политического Совещания. Лианозов в течение часа докладывал ему о положении. Генерал отнесся не очень враждебно к плану создания министерства; сообщил, что у него был другой список, данный ему третьего дня генералом Маршем: <...> 4 часа сидим уже без дела. Лианозов исчез куда-то. Очевидно, обламывает Юденича. Время зря уходит. В 4½ часа Лианозов сообщает, что генерал после некоторого сопротивления уступает; вопрос только в том, войдет ли он сам в министерство или нет, а также будет ли он утверждать список министров. Мы протестуем против последнего, так как это предполагает право опротестования отдельных кандидатур и право исключения в дальнейшем, чего мы ни в каком случае не желаем предоставить Юденичу – равному среди равных.

Кто был этот Иванов и откуда появился, не удалось установить, несмотря на усилия многих, желавших выяснить, откуда появилась эта личность и кто скрывается за ее спиной. К сожалению, ни тогда, ни после развала Северо-Западного фронта, несмотря на всевозможные старания многих, [эти усилия] не привели к желательным результатам. После поражения Юденича т.н. Иванов быстро скрылся в неизвестность; последний раз он проявил [себя] агитацией о необходимости ареста Юденича, после поражения его армии, что и было достигнуто при помощи отряда Булак-Балаховского и эстонцев.*

Окончание примечания

В 5½ часов собираемся в отделе Внешних Сношений. Приходит генерал Юденич: приземистый, взгляд исподлобья, острый нос, длинные хохлацкие усы, три Георгия; здоровается со мной, взглядываясь пристально и с нескрываемым недоверием. Лианозов читает составленный им текст обращения к союзникам – принимаем. Затем Лианозов читает список распределения портфелей; генерал Юденич входит в правительство как военный министр, с сохранением звания главнокомандующего. <...>

В 6¼ часов у генерала Марша; подписываем заявление о независимости Эстонии, причем англичане требуют лишь пять подписей с обозначением министерств: финансового, внутренних дел, военного, иностранных дел и юстиции – остальные могут подписывать без указания портфеля. <...>

13 Августа. Среда. <...> Генерал Юденич сегодня не таким уже букой смотрит, поговорил немного со мной. Лианозов говорит, что его так напугали моей революционностью, моим возможным воздействием на армию (!!), что он пуце огня меня боится. Если бы не Лианозов, не согласился бы на мое включение в список министров. *Si i prodest* [Кому выгодно] кампания против меня? Н. Иванов приходил к Лианозову, жалуется, что портфеля ему не дают. Лианозов объяснил, что этого не хочет генерал Юденич, ибо он, Иванов, один из виновников развала армии на фронте, взаимной вражды отдельных ее частей; пока подозрение в этом не будет с него снято, о портфеле нельзя говорить.

Местный муравейник кипит; приглашение одного только Филиппео в состав правительства от Русского Совета считается этим последним для себя оскорбительным. Д-р Гейман, второй кандидат ревельского Русского Совета, очевидно, по настоянию Н. Иванова, был приглашен к генералу Маршу; встретил там случайно Лианозова, предложил свои услуги. Лианозов сказал: кандидатов больше, чем портфелей. Мар написал Лианозову письмо, предлагая дать портфель либо Гейману, либо Иванову. Мы решили – ни тому, ни другому. <...>

14 Августа. Четверг. <...> [Псковский Городской Голова] Эйшинский рассказал обстоятельства, предшествовавшие приглашению нас Маршем. Неделю назад Марш был в Пскове и созвал там совещание в составе генерала Арсеньева, эстонского капитана Партца, эстонского полковника Пускара, эстонского консула Пиндинга, латышского полковника Озоля и полковника Стоякина и объявил им, что поражение Колчака и отдаленность Деникина создает необходимость приступить к восстановлению России без них, и не централистическим путем, а путем создания областных правительств; что нужно немедленно создать Северо-Западное Областное Правительство, которое признает самостоятельность Эстии и Латвии. <...> Я говорил по телефону с сенатором С.В. Ивановым – приедет в субботу. О согласии принять портфель юстиции – отвечает уклончиво. Хотел бы министерство внутренних дел. В 8 часов обед у полковника Пири-Гордона. <...> Н. Иванова Пири хочет занять отделом пропаганды; я возражаю, боясь оставить в руках Иванова такое оружие как пропаганда. Завтра об этом поговорим.

<...> Генерал Юденич сообщил Лианозову, что циркулирует уже анонимное письмо против него, как капиталиста, называющее его спекулянтom; далее, что он, Юденич, телеграфировал Колчаку и всем нашим представителям за границей, что он согласился на предложение Марша ввиду чрезвычайных обстоятельств, и что он также согласился вступить в ряды правительства, войдя как министр. <...>

20 Августа. Среда. <...> Днем Н. Иванов был у Лианозова и сказал ему: как вы ни сопротивляйтесь, все равно без меня не обойдетесь, да еще и просить у меня будете вас выручить. Ведь у нас нет деловых людей в кабинете, вся работа будет на мне, так уж лучше соглашайтесь, чтобы я был министром внутренних дел.

21 Августа. Четверг. <...> В 5 часов пришел ко мне Пири-Гордон и сообщил, что Н. Иванов согласился на портфель министра общественных работ, но [Булак-]Балахович, с которым Пири говорил, просит, чтобы ему на помощь был постоянно во Пскове какой-нибудь министр. <...>

* Из книги М.С. Маргулиеса «Год интервенции»:

27 Августа 1919. Среда (Ревель). <...> В 12 часов Лианозов едет к приехавшему [из Пскова] Юденичу и возвращается в два часа от него. Увы, Псков оставлен нами и почему-то до вечера не был занят большевиками; отсюда и явилось известие, что Псков еще в наших руках.

К счастью, англичане все-таки нашли нужным потребовать его освобождения и дали возможность уехать во Францию. Юденич отказался категорически гостеприимству Англии. Когда Юденич посвятил нас в происшедшие события, мы поняли, что дело Юденича и занятие Петербурга С.-З. Ар. погибло и что англичане добились, при помощи русских и русскими руками, отодвинуть Россию на восток, подалее от выхода в Балтийское море [М.Ф. Гарденин все еще надеялся на взятие Петрограда и Кронштадта, все же имевших кой-какой выход в море? – МК].

Окончание примечания

<...> В 6 часов – заседание Сов. [министров]. Обсуждаем телеграмму, присланную Н.Н. Ивановым [из Пскова], начинающуюся словами: «мне стыдно быть русским министром» и содержащую сетования на генерал. схватку во Пскове, кончившуюся сдачей города большевикам. Решаем избавить Иванова от «стыда» быть русским министром и принимаем его телеграмму за заявление о выходе из состава правительства. Формулируем: Ввиду телеграммы Иванова от... посланной председ. сов министров, великобританской миссии и газете «Нов. Россия», признать Иванова выбывшим из состава министров. <...>

28 Августа. Четверг. <...> К Лианозову заходил Н. Иванов и когда узнал, что мы постановили считать его выбывшим – заявил, что таковым себя не считает, что в отставку не выходил, что мы не имеем права никого удалять. <...>

30 Августа. Суббота. <...> Н. Иванов переслал Лианозову письмо с просьбой передать совету министров, что фраза его: «мне стыдно называться русским министром» – лирика, обусловленная ужасными событиями на фронте. Подписал свое письмо – министр общественных работ Иванов. В своей газете [(«Русская Газета» в Ревеле)] он продолжает резкую кампанию против нас. <...>

2 Сентября. Вторник. <...> Заходил Пири-Гордон и сообщил, что Н. Иванов писал генералу Маршу жалобу по поводу исключения его нами из состава правительства, считая, что он включен в правительство англичанами – им де и решать, быть ли ему дальше министром или нет. Мар поручил Пири уведомить Иванова, что он должен считать себя выбывшим из состава правительства. Об этом Пири письменно сообщил Лианозову. <...>

3 Сентября. Среда. <...> С [Булак-]Балаховичем начались переговоры о добровольном его отъезде в Литву, но с условием забрать с собой Н. Иванова; предлагается ему за это приличная сумма. <...>

8 Сентября. Понедельник. В Новой Мексике [это фигура речи! – МК] так дело обстоит: [Булак-] Балахович разгуливает по Ревелю открыто, в русском генеральском мундире, несмотря на то, что Юденич объявил его изменником и дезертиром (Юденич тоже здесь и они могут в любой момент встретиться на улицах «нейтральной» Эстии). Н.Н. Иванов и тройка офицеров, подавшая рапорты об увольнении – тоже здесь в Ревеле; здесь же и полковник Озоль, латыш-авантюрист, начальник штаба Балаховича. Духовный глава всей компании – Н.Н. Иванов.

11 Сентября. Четверг. <...> Группа Балаховича организуется вокруг Н. Иванова, неутомимого, дышущего ненавистью, не останавливающегося ни перед чем. <...> По словам офицера, сопровождавшего меня на ночлег, вся ненависть группы Балаховича сосредоточена на мне и Лианозове. <...>

20 Сентября. Суббота. <...> Решили объявить в газете, что [Н.Н.] Иванов больше не министр (до сих пор, щадя его, не делали этого). Полковник фон-Валь, начальник штаба Родзянко, прислал письмо в редакцию «Свободы России», в которой доказывает, что Н.Н. Иванов – большевистский агент.

28 Сентября. Воскресенье. <...> Полковник К.А. Крузенштиерн сообщает очередную сенсацию: утром генерал Балахович направился поездом со своей сотней в Нарву, очевидно для осуществления давнишней угрозы – арестовать Родзянко; ему навстречу генерал Теннисон выслал бронированный поезд; остановили Балаховича и приказали вернуться. <...> Н.Н. Иванов телеграфировал своему брату в Гдов, что скучно дескать и противно ему все, он все бросает: все действующие лица неудавшейся авантюры устанавливают свое алиби. <...>

20 Октября. Понедельник. <...> Н. Иванов был у Лианозова и принес покаянную от своего и Балаховича имени; просил принять их услуги для общего дела. Поздно.

9 ноября. Воскресенье. <...> По сведениям Лианозова, опять зашевелился Балахович с Н.Н. Ивановым; опять Балахович организует зеленых под Печорами. При себе устраивает политическое совещание с Ивановым во главе. Собирается послать эмиссаров оттягивать у Юденича солдат и офицеров и грозит арестовать штаб Юденича, если Ямбург будет эвакуирован.

На заседании собрания для провозглашения образования Северо-Западного Правительства генералы Гоф и Марч ультимативно заявили Юденичу о том, что в случае непринятия им их письменного ультиматума и [если он] немедленно не подпишет представленный меморандум, ему предъявленный, то он берет всю ответственность за дальнейшие события на себя, а они сегодня же возвращаются обратно в Англию и дают приказ стоящим на ревельском рейде транспортам с вооружением и военным снабжением вернуться обратно и лишают С.-З. Ар. всякой помощи.

Конечно, трудно было Юденичу в кругу явных врагов, собранных английскими агентами, найти в этот исторический для России момент правильный выход, и он, будучи великим полководцем, не оказался великим государственным человеком и склонил свою голову перед наглыми англичанами и явно враждебным России ультиматумом.*

Мы заявили, что ввиду произошедшего считаем, [что] наше дело обратилось в авантюру, преследующую интересы Англии, Эстонии и других прибалтийских стран, и никогда не будет сочувственно принято русским народом, и потому обречено на провал. Мы не можем признать Северо-Западное Правительство и его декларации, но в случае если он [(Юденич)] рискнет попробовать захватить Петербург, мы готовы исполнить свой долг и пойдем с ним, и ни в коем случае не позволим вести враждебную ему пропаганду.

* Из книги М.С. Маргулиеса «Год интервенции»:

1 марта 1920. Понедельник (Лондон). <...> Спрашиваю у [представителя экономических интересов Эстонии А.И. Пуйпа] о пресловутом аресте Юденича [Булак-]Балаховичем. Юденича арестовали офицеры Балаховича с прокурором Лехницким во главе; успели посадить его в вагон и провезти порядочное расстояние; только тогда об этом узнали эстонцы, вмешались и освободили Юденича. Балахович в Юрьеве заявил, что он арестовал Юденича, чтобы получить (из Колчаковских денег) средства на содержание его армии и что если бы Юденич не дал бы ему денег, он его передал бы (продал бы, может быть) большевикам. Юденичу пришлось выдать 226 тыс. фунтов стерлингов Комитету по демобилизации армии, в котором армия представлена Глазенапом.

23 апреля. Пятница. Сюда [в Лондон] приехал Юденич с генералами Глазенапом и Владимировым. Их отъезду из Ревеля, по словам А.И. Каминки, приехавшего оттуда, предшествовали следующие события. В ликвидационную комиссию в Ревеле Глазенап пригласил Горна, как представителя Северо-Западного правительства и, в то же время, представителя общественного элемента. Горн ответил, что пойдет лишь одновременно с другими представителями из состава Северо-Западного правительства. На это ему ответили приглашением явиться для объяснений. Горн не пошел. В это время подвернулся в Ревеле Алексинский, неизвестно для чего и на какие средства разъезжающий по всей Европе; генерал Глазенап пригласил его и он немедленно пошел в ликвидационную комиссию. Через некоторое время, по-видимому, не окончивши дел, Юденич, Глазенап, Владимиров и Алексинский исчезли. Они проехали по железной дороге в Валк, а оттуда на английском автомобиле в Ригу и дальше в Европу. На прошлой неделе был объявлен в существующем здесь русском братстве доклад генерала Юденича. Публики собралась масса, но Юденич не явился.

По поводу неявки я слышал две версии: первую от Д.В. Соскиса – дамы будто бы протестовали еще до доклада против его назначения, обвиняя Юденича в том, что он подвел и молодежь, бывшую на фронте, и спасавшееся на северо-западе население, бросив их всех к тому же без денег; вторая версия, слышанная мною от лица бывшего в русском Братстве: среди собравшейся на доклад публики было много молодых офицеров; в ожидании Юденича они обменивались мыслями вслух; все сходилось на том, что Юденич – дутая знаменитость («приписал себе Эрзерумскую победу, одержанную начальником его штаба»), погубил Северо-Западный фронт, а наиболее решительные прибавляли: убежал с Северо-Западного фронта, забрав с собою деньги. Распорядитель, проф. Гарднер, видя такое настроение публики, предупредил Юденича, чтобы он не являлся. Юденич будто бы уже уехал в Париж, где, надо думать, больше не пожелает читать докладов. <...>

Юденич должен был считаться, что главный его помощник по гражданской части профессор Карташев со всей своей организацией не мог, при наличии Сев.-З. Пр., находиться при Юдениче и оставаться его советником при решении исторических задач, касающихся устройства и охраны русского государства.*

Военным министром шутовского и лишённого всякого авторитета правительства отбыл генерал Юденич для подготовки последнего действия печального конца трагедии, главную роль в которой ему пришлось играть и пережить потрясающую драму разочарования в своих усилиях сделать большое русское дело, и погубил идею: «С Петербурга началось – Петербургом должно и кончиться». Торжества этой идеи больше всего боялись враги России, и в их числе англичане.

Пока Юденич занимался последними тщательными деталями своего будущего наступления, мы занялись на своих постах, исполняя возложенные на нас поручения. Неожиданно нам удалось обнаружить, каким образом и кто был первой скрипкой, подготовившей гибель Юденича и весь переворот, принявший характер [направление? – МК] русскими руками сделать английское дело. Нам в руки попал документ – доклад Поллака, корреспондента газеты Таймс, генералам Гофу и Марчу. Этот документ попал нам в руки и был передан самим Поллаком в момент испуга за свою жизнь.

* <...> Вскоре стали формироваться и первые политические структуры белого Северо-Запада. В январе 1919 года в Гельсингфорсе был создан Русский политический комитет (далее – РПК) под председательством кадета А.В. Карташева. Финансовую сторону деятельности РПК взял на себя «русский Рокфеллер», нефтепромышленник Степан Георгиевич Лианозов. Ему удалось получить в финских банках около 2 миллионов марок, составивших начальный капитал будущей северо-западной власти. <...> Карташев взял на себя всю политическую работу, создавая власть, даже не имея для этого необходимой территории. В своих письмах Верховному Правителю России адмиралу А.В. Колчаку Карташев всячески подчеркивал важность поддержки авторитета генерала Юденича как представителя общероссийской власти в регионе, в частности оказать РПК финансовую помощь из средств российского золотого запаса [около 500 тонн золота, вывезенного из Петрограда в Казань из-за угрозы наступления немцев, было захвачено генералом Каппелем – МК]. 21 января 1919 года телеграмму с аналогичными просьбами направил Колчаку и сам Юденич. Денежные средства предполагалось получить путем перевода их на счета английских банков, как посредников, с целью последующего финансирования создаваемой Северо-Западной добровольческой армии.

<...> Следующим шагом в организации северо-западной белой власти стало создание при РПК особого телеграфного агентства «для информации заграничной печати», выпуск газеты «Русская жизнь». И здесь цель была очевидной – добиться дипломатического признания со стороны союзников (говорилось даже о возможности признания РПК Англией и Францией де-юре) и получить столь необходимую для продолжения белой борьбы помощь деньгами и военным снаряжением.

В мае [1919 года] <...> образовалось Полит. совещание. «Первейшая задача Полит. совещания, – отмечал Карташев, – это быть представительным органом, берущим на себя госуд. ответственность в необходимых переговорах с Финляндией, Эстонией и прочими новоявленными малыми державами. Без таких ответств. переговоров и договоров невозможна никакая кооперация наша с ними против большевиков». Второй задачей Политического Совещания признавалось выполнение функций «зачаточного временного правительства для Северо-Западной области». «Пришлось ограничиться, – писал Карташев, – подбором минимального количества лиц, не могущих вызвать против себя возражений и в русской среде, и в Париже, и у Антанты. Таким образом в Совещании оказались: Юденич – как председатель Совещания, я (Карташев) – заместитель председателя (иностранные дела), Кузьмин-Караваев (юстиция и агитация), генерал Кондырев – начальник штаба Юденича, генерал Суворов (работавший в Петрограде с Национальным Центром и стоящий на его платформе) – военные дела, внутренние дела и пути сообщения; Лианозов (промышленник-нефтяник, юрист по образованию, человек прогрессивный) – торгово-промышленность, труд и финансы... Так готовимся к событиям».

ruskline.ru/monitoring_smi/2004/12/22/nikolaj_nikolaevich_yudenich

Политическое совещание утратило смысл в связи с образованием в августе 1919 г. английскими военными представителями Правительства Русской Северо-западной области.

Благодаря этому [документу] мы узнали о той ответственной роли, которую играла группа, им возглавляемая, во всем, что происходило за кулисами наивно считавшейся «английской помощи» С.-З. Ар.

Почему произошла передача перешедших к белым двух лучших эскадренных миноносцев Балтийского флота – Автроил и Капитан [1 ранга] Миклухо-Маклай эстонцам, почему прибывшие в Ревель быстроходные глассеры своими минами пытались потопить стоявшие у [причальной] стенки [скорее, на рейде – МК] Кронштадта русские боевые корабли, как и в каком направлении велась пропаганда против лично Юденича и против его дела, и вскоре его армии, и, главным образом, среди финляндцев, эстонцев, литовцев и латышей, а так же повсюду в Европе и даже в Японии и в окружении Колчака и Врангеля и представительства русских армий в Париже; [эта пропаганда] была автором последнего акта: создания С.-З. Правит., приведшего к искомой гибели всей организации освобождения Петербурга с помощью армии генерала Юденича.*

* Находясь в составе РККФ 27.12.1918 [эскадренный миноносец «Капитан 1 ранга Миклухо-Маклай», переименованный большевиками в «Спартак»,] совершал разведку (по другим данным – участвовал в нападении на Ревель). Командовал соединением лично Раскольников. В темноте потеряли ориентировку, т.к. порт был пуст (не было огней), или по штурманской неграмотности эсминцы вышли точно на гряды – банка Девельсей (в районе Таллина). Здесь, вместе с «Автроилом» («Урицким») после короткого боя сдался английскому отряду из 2 крейсеров типа С и нескольких эсминцев типа V и W. Ультиматум англичан был четок – попытка сопротивления или порчи корабля – спасать никого не будем. <...> Раскольников, после того как была установлена его личность, был взят в заложники и позже обменян на группу английских офицеров во главе с Фрезером, остальные члены РКП(б) и политработники из состава экипажей расстреляны. <...> 3 января 1919 года передан Эстонской республике. 19 февраля 1919 года после восстановительного ремонта «Спартак» был введен в строй. Оба корабля вошли в состав флота Эстонии под именами «Вамбола» и «Леннука». – ресурс narovol.ru/toponim/flot8.htm бывает недоступным, но есть его электронная копия

Нина Берберова. Железная женщина:

Мура встречалась с ним (и с его первой женой) на Кронверкском – Раскольников и Лариса [Рейснер] были знакомы с Горьким с 1915 года, – после того как он в 1919 году побывал в Лондоне как военнопленный: он попался англичанам у входа в Финский залив, где они наблюдали за гражданской войной между большевиками и Юденичем. В Ханго у них была военно-морская база, и, захватив Раскольникова, они доставили его в Лондон, где допросили его через переводчика. Этим переводчиком был не кто иной, как Брюс Локкарт, которого Раскольников сначала принял за русского, настолько тот хорошо владел русским языком (комиссар Балтфлота в своих воспоминаниях называет Локкарта «Блондином»). Локкарт дал о Раскольникове свое заключение и подал мысль начальству об обмене его на двух-трех матросов, английских пленников, взятых не так давно красными моряками. Это и было сделано, и благодаря Локкарту Раскольников был освобожден. Но еще до отсылки его в советскую Россию как-то так вышло, что его выпустили из заключения: Локкарт поселил его в гостинице, помог ему купить себе костюмы и побывать в лондонских театрах. –

(www.libok.net/writer/4531/kniga/18892/berberova_nina_nikolaevna/jeleznaya_jenschina/read/70)

Сведения о нападении на Кронштадт 18 августа 1919 года, а также данные о британском флоте на Балтике, полученные путем опроса пленников английских моряков с потопленных торпедных катеров

1. Англичанам была дана точная инструкция производства операции, разработанная на три варианта; первый из них должен быть выполненным в том случае, если они обнаружили бы вход в гавань совершенно свободным, в смысле бонов; второй – в случае обнаружения в воротах бона, который они не смогли бы развести или уничтожить, и третий – в том случае, если обнаруженный бон они развели бы. Каждому катеру были во всех трех вариантах даны совершенно точные, исчерпывающие приказания, сводящиеся к следующему: 1) уничтожение сторожевого эсминца на малом рейде, 2) уничтожение «Памяти Азова», 3) уничтожение «Андрея Первозванного», 4) уничтожение «Петропавловска», 5) уничтожение «Рюрика», 6) уничтожение «Авроры» или «Дианы», 7) уничтожение батопорта среднего (Николаевского) дока, 8) катер должен был быть запасным и делать то, что не удалось у кого-либо из первых катеров.

Потеря авторитета Юденичем немедленно расшатала дисциплину, и некоторые командиры стали действовать по своему личному усмотрению, нисколько не считаясь с планами, которыми руководился Юденич для своего успеха.

Наступление Юденича, начавшееся крупным успехом – разгромом Красной армии и захватом Гатчины и Стрельны и подступом к пригородам Петербурга, закончилось поражением и отступлением к границам Эстонии, переходом на эстонскую территорию и разоружением. Эстонцы заключили мир на условиях, предложенных большевиками, и при негласном содействии англичан. Дальнейшие события показали, какой дорогой ценой и им и англичанам пришлось заплатить за свое предательство, и еще ведь не конец [тогда был]!!*

Окончание примечания

Катеров [со скоростью хода около 40 узлов] было назначено в операцию 8, но один из них отстал у Териок, видимо, из-за повреждений. Катера, согласно инструкции, должны были идти в строе клина (7 штук) и один впереди, но на самом деле в строе клина они дошли только до линии северных батарей и от них шли уже в строе кильватерной колонны до Военного угла, около которого они уже разошлись, причем три катера, по всем вероятностям, дальше никуда и не ушли.

Катера сопровождалась аэропланами, которые должны были «показывать дорогу» и в случае гибели катера – подбирать на себя людей; в инструкции между прочим говорится, что каждый аппарат может принять на себя, кроме летчика, еще 7 человек, но с ними уже подниматься не может, а должен идти по воде. Катера, в свою очередь, тоже должны были оказывать помощь аппаратам в случае аварии. Сигнализация (ракетами) допускалась только в двух случаях, а именно: две зеленых ракеты – повреждение катера и просьба оказать помощь и две красных ракеты – бон в воротах гавани, причем, если катера, встретив бон в воротах, не могли бы его развести или подорвать – они, отстреливаясь из пулеметов, должны бы были уйти прочь. <...> Таким образом, из 7-ми пришедших катеров три были утоплены [сторожевым миноносцем] «Гавриилом», а четыре – видимо, ушли. С момента ухода катеров от гавани прекратились и аэропланные атаки. Аппараты летали очень низко, едва не касаясь рангоута судов, и гул их моторов и стрельба, конечно, много помогли атаке катеров.

2. <...> Эстонский флот, над которым очень смеются пленные англичане, 13 августа стоял в Ревеле в составе: нашего бывшего «Бобра» и эсминцев «Автроил» и «Миклуха». О финляндском флоте они ничего не слышали и, смеясь, отвечают, что вряд ли такой существует и с ним нельзя считаться. Они знают, что в Финском заливе есть английские тральщики, занятые тральными работами, но сколько их – не знают <...>. РГАВМФ. Ф. р-92. Оп. 1. Д. 262. Л. 22-24. Копия – «Нападение, совершенно неожиданное по своей идее» (с сайта Териоки – забытое прошлое)

** Объединенный поход эстонской армии и войск Юденича против Советской республики к декабрю 1919 года окончательно провалился. Чересчур разными оказались интересы тех, кто боролся с ней. В случае с Эстонией дело обстояло так, что победа белогвардейцев означала бы потерю ею независимости. Большевики же предлагали заключить равноправный мир, предоставляя Эстонии множество льгот. Эти намерения из области домыслов перешли в практическую плоскость осенью 1919 г. только после того, как Великобритания, поняв бесперспективность и чрезмерную затратность объединенной борьбы с большевиками, фактически «разрешила» прибалтийским государствам самим строить свои отношения с РСФСР. Посол США в Лондоне сообщал госсекретарю США: «Ллойд Джордж не имеет ничего против переговоров прибалтийских лимитрофов с большевиками и выступает за поощрение расчленения России на максимальное количество государств».*

Первой воспользовалась этим «правом» Эстония, начав 5 декабря 1919 г. в Юрьеве (Тарту) переговоры с советской делегацией. Эстонскую делегацию возглавлял бывший одно время заместителем премьер-министра, потом министром иностранных дел и министром юстиции Я. Поска, советскую – знаменитый революционер, нарком путей сообщения Л.Б. Красин. 6 января 1920 г. в советской прессе был опубликован «Договор о приостановке военных действий между армиями Российской Социалистической Федеративной Советской Республики – с одной стороны армиями Эстонской демократической республики – с другой стороны», согласно первой статье которого боевые действия на «всем русско-эстонском фронте» прекращались на семь суток, начиная с 12 часов по московскому времени 3 января 1920 г. до двенадцати часов по московскому времени 10 января 1920 г. Особо оговаривалось, что по истечении указанного срока, если одна из сторон не заявит о возобновлении боевых действий, действие перемирия автоматически продолжается.

Переговоры о мире шли довольно быстро, обе стороны были крайне заинтересованы в скорейшем заключении мира и подписании ряда взаимовыгодных торгово-экономических соглашений.

При походе Юденича эстонцы официально должны были защитить левый фланг его армии и двигались по побережью Финского залива, и приближались к форту Красная Горка – этот форт вместе с перешедшими к нему частью кронштадтских матросов должен был перейти на сторону белых; [оборонявшиеся] вступили в переговоры с командованием находившихся перед ними войск; и эти переговоры не имели успеха, т.к. командование было на этом участке фронта эстонское и заявило, что никакого другого решения [(варианта)] оно принять не может, кроме безусловной сдачи в плен.*

Окончание примечания

<...> 5 февраля ВЦИК 7-го созыва утвердил (ратифицировал) мирный договор, и отдал поручение НКВД довести об этом до сведения Эстонского правительства. 8 февраля 1920 г. текст договора полностью, не исключая дополнительные статьи, был опубликован в «Известиях».

<...> Подписание Юрьевского (Тартуского) мирного договора 2 февраля 1920 г. открывало для обеих сторон чрезвычайно радужные перспективы. Прежде всего начнем с того, что Эстония, как и РСФСР, получила дипломатическое признание. Договор не только утвердил суверенитет Эстонии и расширил ее границы далее этнографических (в состав этой страны тогда вошли Ивангород и Печоры), Эстония также получила 15 миллионов рублей золотом и лесную концессию в 1 млн. десятин на территории России. – Игорь Павловский, Владимир Лобанов. ИА REGNUM Новости. Мир с Эстонией: Условия сделки – независимость и выгода для буржуазии. 31.01.2010

Последняя фраза М.Ф. Гарденина про «дорогую цену» относится, конечно же, к аннексии большевиками летом 1940 г. трех прибалтийских государств, включая и Эстонию.

* Из книги М.С. Маргулиеса «Год интервенции»:

19 октября 1919. Воскресение (Ревель). <...> Ничего не известно ни о Кронштадте, ни о Красной Горке – молчит Горка. Над Кронштадтом и фортом «Серая Лошадь» (на 5-6 верст западнее Горки) – дым. Наши продвигаются вперед от Красного Села крайне медленно, видно сильно сопротивление. <...>

29 октября. Среда (Гельсингфорс). <...> Сведения о конфликте генерала Юденича с [командующим военно-морскими силами Эстонии] адмиралом Питка такие: Питка по радио предложил красным на Красной Горке сдаться, обещая им за это эстонское гражданство. Юденич усмотрел в этом посягательство эстонцев на Красную Горку и протестовал против вступления в нее эстонцев. Если это правда!.. Обстрел Красной Горки продолжается. <...>

Из Википедии:

17 октября [1919 г.] активизировались боевые действия на левом фланге СЗА. Здесь наступление вдоль побережья Финского залива вели вооруженные силы Эстонии, обеспеченные с моря поддержкой английского и эстонского флотов. В задачи наступающих эстонских частей входили высадки десантов на побережье в тылу Красной армии и захват береговых фортов. Руководил операцией эстонский адмирал Йохан Питка. Защитники фортов проявили мужество и героизм и, невзирая на артобстрел эстонского флота, атаки сухопутных сил и авианалеты эстонских и английских аэропланов, удержали батарею и форт. При этом открывали ответный огонь из орудий фортов по морским и сухопутным силам противника, принуждая их к отступлению. Операция провалилась. Сообщалось, что эстонцы имели планы, в случае захвата форта «Красная Горка», уничтожить огнем его орудий крепость Кронштадта и Балтийский флот, чтобы он не мог представлять в будущем опасность для молодой эстонской независимости. Питка позднее вспоминал: «Если бы силам Северо-западной белогвардейской армии удалось завладеть Петроградом и в ее руках очутился бы флот, то через несколько недель этот флот появился бы под Андреевским флагом под Ревелем, чтобы вновь превратить последний из столиц Эстонской республики в губернский город России».

Провал эстонской операции по захвату «Красной Горки» и иных фортов на побережье Финского залива привел к тому, что левый фланг наступления СЗА остался открыт для флангового удара со стороны оставшихся в опорных пунктах красных частей. Белое командование при разработке наступления исходило из того, что эти пункты на побережье будут подавлены эстонским и английским флотами и захвачены эстонскими десантами, поэтому выставления какого-либо существенного заслона на левом фланге произведено не было. Но силы английского флота и эстонской армии в тот момент были задействованы на подавление выступления Бермонда-Авалова под Ригой и всё побережье Финского залива, ввиду отсутствия действий английского флота, осталось в руках красных, которые из районов Петергофа, Ораниенбаума и Стелыны начали угрожать левому флангу, с 19-го октября наступая на Ропшу, а корабли Красного Балтфлота, подходя к южному берегу Финского залива, смогли обстреливать позиции белых и высаживать десанты моряков-краснофлотцев.

Такой прием эстонского командования команде [\[\(гарнизону\)\]](#) форта привел к тому, что состав форта начал защищаться и задержал наступление С.-З. Армии и дал возможность опомнившемуся командованию Красной армии подвезти необходимые подкрепления своим войскам, тем более что генерал, которому по диспозиции Юденича было приказано двигаться на станцию Тосно и перерезать железнодорожное сообщение между Петербургом и остальной русской территорией, направил свои силы в направлении на Царское Село. Я забыл имя этого предателя [\[\(Ветренко\)\]](#), но запомнил, что он перешел потом к красным.

Было довольно много и других нарушений дисциплины, результатом всего вместе взятого было отступление армии и грубый поступок с Юденичем – арест его авантюристом Булак-Балаховичем с позволения эстонского командования. Армия перешла границу Эстонии, разоружилась, а некоторая часть, состоявшая из крестьян, рыбаков и горожан прибалтийских губерний, оставила на границе всю свою экипировку и вооружения с запиской о своей готовности снова прийти сражаться против красных, если только будет продолжаться борьба. Сами же, эти, истинно русские, патриоты, рассеялись по своим родным деревням и провинциальным городкам.

Знаменитое С.-З. Пр. с изумительной быстротой исчезло в неизвестном направлении. Генерал Юденич, после довольно быстрого освобождения, приняв покровительство французов, уехал в Париж, а потом на юг Франции, и закончил свои дни на чужбине, потеряв всякую веру в возможность освобождения Родины с помощью военных выступлений. Его ближайшие сотрудники стали эмигрантами и продолжали верить в Россию, хотя и должны были думать о своем тяжелом беженском положении.

Расскажу об одно эпизоде, доставившем мне некоторое удовлетворение. Генерал [Марч](#), спеша скрыться со всей своей свитой и всей своей агентурой в возможно короткое время, появился в Гельсингфорсе и наносил прощальные визиты своим знакомым в Финляндии – и финнам и русским, и будучи не один раз в доме моих родных [\[\(тестя и тещи Сундгренов\)\]](#), где проживала жена генерала Юденича, приехал проститься и с нами, и я имел возможность при прощании оставить [\[без внимания\]](#) его руку протянутой и сказать, что он хорошо знает, что он делал, и мы – тоже.

Генерала Юденича мне не пришлось видеть – ему не позволили приехать в Гельсингфорс. Но я имел визит его главного адъютанта, капитана Покатилло, который по поручению Юденича передал мне его благодарность за мои услуги во все время существования С.-З. Армии и сообщение, что если ему [\[\(Юденичу\)\]](#) придется еще раз возобновить белое движение, он одним из первых позовет меня, [\[кроме того он\]](#) просил принять его Архив и хранить его до его требования [\[о возврате\]](#). Капитан Покатилло получил приказание [\[Юденича\]](#) сопровождать его жену во Францию не останавливаясь в Англии.

После некоторого времени я увидел, что моя работа [\[по отстаиванию\]](#) русских интересов совсем не по духу финляндским правящим властям, и я, не смотря на то, что был женат на финляндке и имел много родственников в Финляндии, был не очень желательным гостем, да и большевики это не одобряли, и потому уехал во Францию, а оттуда судьба меня закинула в Бельгию, где я в течение 56-ти лет, с благодарностью к этой стране, проживаю, оставаясь верным моей присяге России, в качестве Апатрида [\[\(лица без гражданства\)\]](#) и добился своими трудами некоторого благополучия, никогда не находясь у кого-нибудь на службе.*

* Из переписки на форуме сайта wap.kortic.borda.ru:

Тритон: Союз офицеров флота в Бельгии. На 12 марта 1924 г. Офицеры флота, живущие в Бельгии, признавая необходимость единения между собой, создали Союз офицеров флота, цель которого – взаимопомощь.

Позволю себе сказать несколько слов, характеризующих Русскую Эмиграцию, которую можно разделить на три периода.

Первые эмигранты были люди, предназначенные сатанинской властью, как лучший элемент и опора русского народа, к полному истреблению, и спасались в надежде быстрого возвращения, с уверенностью принести свои силы и знания покинутой Родине, продолжая придерживаться начал исконной православной культуры.

Эмиграция высоко держала Русское Знамя, и ее жизнь много и полно описана. Все мысли, особенно первые годы, несмотря на тяжесть личной жизни и разочарования по многим коренным вопросам – и среди русского, а так же иностранного народа, были направлены в сторону своей Родины и познания ее идеалов. Заветы предков не были забыты, и проповедь русских идеалов была основной темой всех патриотических начинаний первой эмиграции, и продолжает поддерживаться и оставшимися еще верными этим заветам эмигрантами.

К сожалению, первая эмиграция вымирает, а часть ее – наиболее слабая денационализируется, благодаря смешанным бракам и переходу в подданство страны, приют которой нашла в начале эмиграции, и даже появились эмигранты, нашедшие нужным переменить фамилии свои – это печально, но это так.

Вторая Эмиграция. Несчастные русские люди, бежавшие в результате предательства Гитлера и его приспешников – безумных врагов России, а так же и всех союзников советской власти и ее сателлитов. Это были большие патриоты, замученные уже и на русской земле, перемещенные на работы в Германию, ушедшие с отступающей немецкой армией; части военных соединений, боровшихся против большевиков и которым удалось [частично] спастись [от] злодейской выдачи Советам их [(большевиков)] союзниками, главным образом конечно нашими вечными врагами – англичанами.

Эта эмиграция была глубоко патриотична и антибольшевистски настроена, но очень обездолена и запугана, и в массе [своей] желала отдохнуть и найти покой в странах, [находящихся] как можно подальше от границ России – в Америке, Австралии, Китае и других странах, только [бы] скрыться от внимания «горячо любимой советской власти».

Окончание примечания

Общее собрание офицеров избрало Правление Союза в составе: Председатель Правления контр-адмирал С.С. Погуляев Члены: Капитан 1-го ранга Г.А. Быков Старший лейтенант Н.Е. Киреенко Старший лейтенант М.Ф. Духович Корабельный гардемарин П.М. Малиновский Список морских офицеров в Бельгии Контр-адмирал С.С. Погуляев Контр-адмирал Н.Э. Викорст Капитан 1-го ранга Г.А. Быков Капитан 1-го ранга А.В. Кованько Капитан 1-го ранга П.П. Солнцев Капитан 1-го ранга С.М. Поливанов Капитан 2-го ранга Н.Н. Коркунов Капитан 2-го ранга Б.С. Безкровный Полковник В.И. Киприанович Старший лейтенант М.Ф. Духович Старший лейтенант Н.Е. Киреенко Лейтенант В.А. Купфер Лейтенант В.М. Валькович Мичман Б.П. Штукенберг Мичман [? – МК] М.Ф. Гарденин Мичман Б.М. Домелунксен Мичман В.А. Слепцов Мичман Д.К. Юрасовский Мичман К.Н. Виноградов Мичман Г.А. Сергеев Мичман П.А. Эмме Мичман Н.Ф. Семенов Поручик М.И. Неудачин Подпоручик П.М. Сербулов Корабельный гардемарин П.М. Малиновский Корабельный гардемарин В.И. Сокольский Корабельный гардемарин Н.А. Дудников Корабельный гардемарин В.М. Попов Корабельный гардемарин И.М. Булах Корабельный гардемарин Н.А. Эмме Гардемарин Ю.М. Петухов

Дочь М.Ф. Гарденина Марина Михайловна М.И. писала М.И. Классону (см. выше):

Отец в конце жизни имел очень удачное предприятие: он продавал разные [водопроводные] краны и «bonbonnes» (? бидоны [(баллоны)] для жидкого [(сжатого и сжиженного)] газа) таким фирмам как Shell и Esso (Еххон). Он сам ездил Италию и следил на заводах, как все это вырабатывается и, как техник, строго следил за хорошим исполнением заказов. Работал до 80-ти лет [(до 1967-го)], продал фирму, купил дом. Когда у меня родились дети (в 1956-м), мы сняли вместе дом, родители жили внизу и на 1-м этаже, а мы на двух верхних. Сначала дома были наемными. В 1963 году скончалась моя дорогая мать. В 1973-м мы переехали в новый дом, где отец скончался в 1977 году, в 90 лет.

Задачей первой эмиграции было, пользуясь своими знанием и опытом эмигрантской жизни, помочь этим несчастным людям найти приют и спасение. Свое назначение первая эмиграция прекрасно поняла, и все национальные организации, Православная церковь и все оставшиеся русскими поспешили и материальной и моральной помощью навстречу.

Вторая эмиграция, искушенная невероятным пребыванием [на процветающем Западе] и [еще хорошо помнившая] адские условия многолетнего рабства на территории бывшей России, быстро рассеялась по странам своего изгнания и приспособилась к своему новому положению и, принимая быстро новое гражданство, мало оказала влияния на общее положение русских в их борьбе за Россию и ее Христианские идеалы, и, за небольшим исключением, приспособилась к новым условиям своего положения, и сравнительно скоро приобрела относительно сносные условия существования, и старалась забыть кошмар своей прошедшей жизни под Советами.

Третья Эмиграция. Эмиграцию эту можно назвать советской, т.к. она состоит в большинстве [своём] из лиц, проживших при советском режиме и отчасти пострадавших от режима, и явно ему враждебных и готовых вести борьбу, но главным образом идеологическую, и отчасти полностью отвергнувших марксизм-ленинизм и ищущих новых путей с целью искоренения сатанинской власти в бывшей России и установления в ней закона и порядка. Многие из них несут на своих плечах страшные страдания, и свои собственные, а также близких людей и своих друзей.

На третью эмиграцию падает большая ответственность за будущее нашей Родины, и мы ожидаем ее самоотверженных дел на пути освобождения Родины от безбожного ига сатанинской власти. Однако среди членов третьей эмиграции есть целый ряд сторонников идей главного злодея – Ленина, находящих причиной гибели Великой Нашей Родины – преемников власти после смерти Ленина, игнорируя и забывая злодейские декреты и личные письменные приказы идеолога коммунизма [Ленина].

Странные явления [наблюдаются в изменении] состава эмиграции: в числе первой эмиграции мы находим минимальный процент русских еврейского происхождения, в среде второй эмиграции евреев не было, тогда как третья эмиграция в массе состоит из евреев или полу-евреев и визы получает на право отъезда в Израиль, и пользуется всякими привилегиями со стороны правительств свободных стран Европы, Америки и других государств и континентов.

*Напечатано на машинке со старославянским шрифтом
(хотя литера «і» и не использована), предположительно в 1968 году*